

А.П. Пономарёв

МОЯ БЕСПОКОЙНАЯ ЖИЗНЬ

Художественно-документальная повесть

Ростов-на-Дону
2012

СХЕМА АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ДЕЛЕНИЯ

МУНИЦИПАЛЬНЫЕ РАЙОНЫ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН:

46 Абзелиловский
37 Альшеевский
32 Архангельский
3 Аскинский
36 Аургазинский
52 Баймакский
20 Бакалинский
7 Балтачевский
36 Белебеевский
11 Белосайтский
33 Белорецкий
40 Бижбулякский
14 Бирский

25 Благоевский
16 Благоевский
24 Буздякский
6 Бураевский
45 Буздякский
39 Гафурьевский
30 Давлекановский
9 Дуванский
13 Дюртюлинский
35 Ермекевский
53 Зиянчуринский
51 Зилаирский
28 Иглинский
12 Илишевский
44 Ишимбайский
5 Калтасинский

8 Карандельский
31 Кармаскалинский
19 Кигинский
4 Краснокамский
50 Кугаринский
22 Кушнаренковский
49 Куорганский
48 Мелеузовский
10 Мечетлинский
15 Мишкинский
41 Миякинский
17 Нуримановский
18 Салаватский
42 Стерлибашевский
43 Стерлитамакский
2 Татышлинский

29 Туймазинский
27 Уфимский
34 Учалынский
47 Федоровский
54 Хайбуллинский
21 Чекингинский
26 Чимшинский
23 Шаранский
1 Янаульский

Территории, подчиненные
администрациям городов:

1 Уфа
II Нефтекамск

ББК 84.7

П57

П57

Пономарев А.П. Моя беспокойная жизнь. Художественно-документальная повесть – Ростов н/Д: NB, 2012–261 с.

Выходец из края Тихого Дона, выпускник Волгоградского сельскохозяйственного института рассказывает в этой книге о своём становлении как личности, как профессионала, как организатора производства в различных районах Башкортостана, куда он попал по распределению после окончания ВУЗа. Характерная особенность его деятельности – уважение к Человеку, коллективизм, умение стратегически мыслить, забота об окружающих.

Книга представляет несомненный интерес как для тех, кто безуспешно пытался построить в нашей стране коммунизм, так и для молодого поколения – поколения нигилистов.

© Пономарев А.П., 2012.

© Издательство “NB”, 2012.

У КАЖДОЙ МЕДАЛИ – ДВЕ СТОРОНЫ!

Мужество делает ничтожными удары судьбы.

Демокрит

Эта мысль великого древнегреческого философа-материалиста, высказанная им за 4 века до рождения Иисуса Христа, не покидала меня в процессе чтения предлагаемой читателю книги А.П. Пономарёва. Сразу скажу, что будучи живым свидетелем новочеркасской трагедии, случившейся «2» июня 1962 года и унесшей сотни жизней ни в чём не повинных людей, я никогда не состоял (и не состою!) ни в каких партиях, в том числе и в КПСС. Работая в последнюю четверть века в сфере гуманитарных наук, искусств и социальной защиты населения (в интернете читатель может найти рекламу десятков моих учебников для ВУЗов и школ), я, тем не менее, с глубочайшим интересом прочитал эту книгу. Что меня восхитило в ней? Прежде всего, искренность автора, его одержимость работой, его умение подойти к каждому человеку и убедить его в важности честного коллективного труда. Этого так не хватает в наши дни руководителям даже самого высокого уровня! И хотя сейчас модно критиковать идею строительства коммунизма, вместо неё россиянам не предлагают ничего! Мы уже более двух десятилетий живём без национальной идеи. Факт налицо. Вот Вам и обратная сторона медали современной так называемой «демократии». А строители «светлого будущего», как принято было тогда говорить, работали с энтузиазмом, с максимальной отдачей сил, о чём и пишет автор книги.

В искренности описания событий я не сомневаюсь, потому что в середине 60-х годов XX века я, будучи молодым доцентом, учил А.П. Пономарева в институте, в Волгограде, и хорошо его знаю. Второе соприкосновение наших судеб (и нескольких встреч) случилось на грани XX – XXI веков, когда я в Новочеркасской государственной мелиоративной академии учил уже его младшего сына Николая и был даже руководителем его дипломного проекта.

Характер добрых, тёплых отношений между людьми разных национальностей в Башкортостане, описанный в книге, тоже могу засвидетельствовать, так как я дважды бывал в длительных командировках в этой республике. Первый раз это случилось в середине 1990-х гг., когда проектный институт «БашГИ-ПРОВОДХОЗ» пригласил меня как специалиста по ландшафтному дизайну для выполнения эскизного проекта «Национальный парк – озеро Кандры-куль». Второй мой визит в Башкортостан состоялся летом 2000 года, когда я в течении месяца как опытный биологатор составлял геологическую карту строящегося в то время Юмагузинского гидроузла на реке Белой. Работая «в гуще народа», я убедился в его доброжелательности, заботе обо мне и друг друге и нравственности.

По этой причине книга А.П. Пономарёва вызвала у меня даже лёгкое ностальгическое чувство – желание снова побывать там и снова всё увидеть и прочувствовать.

Существует редко употребляемый в нашей жизни франкоязычный термин – дежа вю. Он означает факт мысленного переноса и переживания в другое место, в другую эпоху, в другое сознание. Например, находясь на развалинах Танаиса (единственного в России государственного археологического музея-заповедника, расположенного между Ростовом-на-Дону и Таганрогом), можно легко представить себя в роли танаита, чему в немалой степени способствуют сохранившиеся здания и сооружения двухтысячелетней давности и их энергетика. Такое же состояние я пережил, прочитав книгу «Моя беспокойная жизнь».

Думаю, это приятное мироощущение смогут пережить многие читатели, чья молодость прошла в советское время. Ну а молодежь? Думаю, что среди молодых в наши дни – не все пустые нигилисты. Трезвые молодые люди смогут с некоторой завистью и даже грустью из книги узнать, что дают Человеку стратегическое мышление, коллективизм и нравственность устремлений.

В.С. Кукушин,
Профессор педагогики, академик Академии педагогических и социальных наук, академик Международной академии экологии и природопользования, член Консультативного совета Международной федерации образования, Посол мира.

*Нет ничего выше и прекраснее, чем давать
счастье многим людям.*

Л. Бетховен

*Именно в труде, и только в труде велик
человек.*

М. Горький

*Надо уметь учитывать момент и быть
смелым в решениях.*

В. Ленин

1. ТЕРНИСТЫЙ ПУТЬ

1.1. ВРЕМЯ ДЕТСТВА И ЮНОСТИ

Память – это дар, данный человеку Всевышним. Именно память тревожит, радуется, беспокоит или огорчает нас. Вот и сейчас, в пору размышлений, она возвращает меня в годы моей далекой юности. Будоражит воспоминания давно минувших лет. Словно в магическом калейдоскопе разворачивается панорама тех дней, когда я увидел мир, начал познавать себя и свое место в обществе. Нескончаемой лентой идут события, участником и зрителем которых я был.

Великая страна от Бреста до Волги лежала в развалинах. Огненный вал войны прокатился по земле и судьбам людей. Мы тогда своим детским умом еще не понимали, что в годы тяжёлых испытаний наши отцы, матери, братья и деды одолели чудовищную военную машину Гитлера, вскормленную всей Европой.

Мой отец, Пономарев Петр Семёнович, был участником Великой Отечественной войны. Прибыл он на фронт из Пермской области, в которую попал по причинам, совершенно от него не зависящим. Жарким, знойным летом в боях под Курском он был ранен. Искупил свою «вину» кровью. Находился на излечении в госпитале, который располагался в бывшем районном Доме отдыха имени М.И. Калинина, на станции Никольское Тамбовской области. В 1961 году я побывал на этой станции, заходил в Дом отдыха, где после ранения лежал мой отец. После излечения он был направлен уже в другую воинскую часть, стал артиллеристом. Под Львовом, в Западной Украине был тяжело ранен. Комиссован из армии в связи с пожизненной инвалидностью. Награждён медалями. Отец не любил рассказывать о тех далёких временах. Об этом и другом, что мне было известно, я написал в анкете, когда мне предложили работу в партийных органах.

Как-то, уже значительно позже, перед уходом отца из жизни, я спросил его:

– Скажи, отец, есть ли у тебя обиды на советскую власть?

– Нет, Толя, нет у меня на советскую власть обид. Причем здесь власть: время было такое, разные люди действовали от её имени. Советская власть помогла дать всем вам высшее образование. Вот ты – первый секретарь, депутат Верховного Совета, твой брат – директор совхоза, сестра работает юристом в Волгограде. Мог ли я мечтать когда-либо, что всё у меня так сложится? Конечно, нет. Ты сейчас советской властью наделён большими полномочиями, а если ты, как и они, натворишь таких же дел, как в 1936 году, что, скажешь, власть виновата? Нет, Толя, нет у меня обиды на тех... Я давно простил их, не ведали порой, что творили.

– А что ты думаешь о Сталине?

– А что Сталин? Это великий человек! С его именем ходил наш батальон в смертельный бой под Курском, с его именем гибли мои товарищи в боях под Львовом, где я получил тяжёлое ранение. Это он, человек другой национальности, поднял страну из руин. А то, что говорят сейчас, вполне понятно: «мёртвого льва и зайцы пинают».

Крепко задумался я тогда над его словами.

Это благодаря им, участникам войны, живым и мёртвым, мы обучались в школах, ПТУ, техникумах, институтах и академиях. Горячо спорили на классных собраниях и пели свои комсомольские песни. Мы гордились тем, что живём в великой стране. Держава от Новой земли в Северном Ледовитом океане и до южной точки Кушка, от Карпат до Курильских островов именовалась нашей Родиной – Союзом Советских Социалистических Республик. Мы радовались каждой новой стройке, новому заводу, вновь построенной ГЭС. Мы, я и мои сверстники, чувствовали себя причастными к каждой тонне выплавленной на Магнитке стали, добытому в глубоких шахтах Воркуты и Кузбасса углю, цементу, каждому бункеру собранного урожая.

В едином порыве мимо окон моей школы мчались по стальным магистралям во все концы Родины грузовые СО, ФЭД(ы), элегантные и вытянутые, как стрелы, стремительные, сверкающие никелем пассажирские ИС(ы), с надпися-

ми на вагонах и тендрах: «Привет комсомольцам Целины от рабочих Сталинградского тракторного завода», «Мир, Труд, Май», «Кузбасс – всенародная стройка», «Привет от комсомольцев Магнитки». Каждый в меру своих способностей находил свое место в этом великом процессе созидания, именуемом Жизнью.

Родина любила свой народ. Учила, воспитывала своих детей, выплачивала им стипендии и пособия. По-отечески помогала тем, кто, оставшись без родителей, воспитывался в детских домах. События давно прошедших лет и сегодня волнуют меня с новой и новой силой, а память, особенно по ночам, вновь и вновь возвращает меня в годы моей юности. Вспоминаю школу, на фасаде которой буквами из красного кирпича было написано: «ДВКЗ – 165 1936 г.» (Дубовский военный конный завод №165). Рядом был парк с клёнами, акациями, вязами и высокими тополями. В тенистой аллейке в окружении кустов сирени стоял обелиск–солдат в стальной каске, плащ-палатке с автоматом в руках. Здесь, на площади перед обелиском, принимали в пионеры, повязывали на шею красные галстуки, а юношей и девушек принимали в комсомол. Вблизи школы были клуб с кинозалом и библиотекой, участковая больница, радиоузел с радиомачтой и громкоговорителем, почта и столовая, в которой нас бесплатно кормили. Окончив школу, разъехались по огромной стране мои одноклассники. Стали студентами, а впоследствии – строителями, учителями, учеными, врачами, директорами предприятий, военными, партийными и советскими работниками.

После окончания школы я поступил учиться в Новочеркасское ПТУ-7. Вскоре у меня появились товарищи.

Окончив училище, мы получили назначения на работу и разъехались по стране. Большинство из тех, кто учился со мной в одной группе, вскоре поступили в высшие учебные заведения. А. Алферов и Н. Данилов окончили Новочеркасский политехнический институт, Ю. Светличный и В. Безьян – Ростовский институт народного хозяйства, Г. Корчагин – Ростовский государствен-

ный университет, М. Дулимов окончил Ленинградский медицинский институт. В те далёкие времена для поступления в институт или университет ничего, кроме знаний, не требовалось.

Слева направо: Н. Данилов, А. Алфёров, А. Пономарёв, Г. Корчагин.

Удивительным свойством обладает память – помнить и забывать. Вновь всплывают события и люди, с которыми мне посчастливилось встретиться и о которых мне хочется рассказать тебе, мой дорогой читатель, на страницах моей книги. Заранее прошу не судить меня строго: я не обладаю писательским даром, чтобы очаровать вас литературным слогом. Но я гарантирую полную достоверность своих слов. Все имена, отчества, фамилии – подлинные. За каждым именем стоял или сейчас стоит живой человек.

Места, где проходили события, упомянутые в книге, названы так, как они назывались в годы моей юности. Светлая память всем тем, кого уже нет в живых, но дети и внуки их, читая эту книгу и находя знакомые фамилии, могут по праву гордиться их делами. Это о них, забытых и униженных государством, превративших в «ничто» их ордена и звания, брошенных на выживание, пойдёт речь. На полях и фермах, в глубоких сырых шахтах, на заводах и фабриках ковали они могущество моей и твоей Родины. Гордитесь их подвигом! Берегите их ордена и медали, «Почётные грамоты» и заслуженные высокие знания. Не

их вина в том, что в угоду дующим «ветрам перемен» с Запада и действиям реформаторов они оказались ненужными новому государству. По замыслу прорабов «нового мышления», внуки моих сверстников теперь учатся в платных школах, ВУЗах, лечатся в платных больницах, стоят на биржах труда, пополняя миллионную армию безработных, деградируют, вымирают. Наступит время, и уже Вам, новому поколению, пришедшему на смену нам, уходящим в небытие, придется сделать выбор – с кем Вы.

Как бы я хотел вновь побывать в Зилаирском совхозе, Кугарчинском и Аскинском районах, где прошли лучшие годы моей жизни! С какой радостью я окликнул бы по имени хотя бы кого-нибудь. А смотришь вокруг – и никого не узнаешь. Благо, если хоть кто-нибудь там ещё остался и вспоминает тебя доброй памятью.

Эта книга о моих товарищах, о моей жизни, о моих детях. Именно в их делах и поступках я узнаю себя в разные периоды моей беспокойной жизни.

1.2. ДОВЕРИЕ

Помню, как будто это было вчера. Резко вдруг зазвонил телефон внутренней связи.

– Анатолий Петрович, – произнесла Лариса из первой приемной.

– Слушаю, Лариса.

– Вас просят подняться к нам.

Вызов к первому секретарю обкома, члену ЦК КПСС, не бывает случайным. Даже вызов к заведующему организационным отделом Г.П. Федотову часто таит в себе неизвестность.

Что же произошло? Зачем я, инструктор отдела оргпартрabоты, потребовался вдруг первому? Недавно готовил письмо в ЦК КПСС по заданию заведующего отделом, может что там не так, может допущены какие-то ошибки или не-

точность информации? Тревожно на душе. Нет у меня ответа на мои вопросы. А может, это связано с письмом, которое я недавно получил из ГДР?

Письмо мне вручил заведующий орготделом, и я тут же, не выходя из кабинета, перевел его содержание с немецкого на русский язык.

Получению этого письма предшествовали некоторые события.

– Руководитель делегации – Рихард Герн Гросс, ты с ним завтра познакомишься, – сказал мне Федотов, заведующий орготделом обкома партии.

Вручив мне программу и маршрут следования, заведующий добавил:

– Немцы во всём любят порядок и пунктуальность. Постарайся организовать нормальную атмосферу и безусловное исполнение программы. Не думай, что это прогулка – это твоя работа и, я бы сказал, непростая. Делегацию проводишь до трапа самолета и после этого представишь мне отчёт.

С делегацией из Галле, ГДР.

В первом ряду: второй справа – руководитель делегации Рихард Герн Гросс, Барбара Диберт, Курт Миллер, третий слева – А.П. Пономарёв, инструктор орготдела Башкирского обкома КПСС

– А как с переводчиком?

– Переводчик у них свой: кстати, ты не забыл немецкий? Ну вот и хорошо, будет тебе дополнительная практика. Желаю успеха.

Членами делегации были молодые веселые ребята: они постоянно шутили друг с другом, рассказывали совершенно безобидные анекдоты и при этом разительно смеялись. Душой этой «компании» были Барбара Диберт и Курт Миллер. Шутя между собой, они называли руководителя делегации Рихардом Зорге. Но впоследствии, приглядевшись к чертам его мужественного лица, я заметил поразительное сходство со знаменитым разведчиком. В процессе общения с делегацией и её руководителем у меня сложились с ними хорошие, доверительные отношения. С Рихардом Герн Гросс, оставшись наедине, мы откровенно обо всём говорили:

– Вам легко, а у нас рядом, за стеной, другая страна, другая идеология. Мы каждый день сталкиваемся с ней, с ними, пойми это.

Слушая, я остро ощущал его беспокойство и чувствовал, что смутные предчувствия терзают его душу. Прощаясь у трапа самолёта, мы обнялись с Рихардом Герн Гросс, на минуту задержали друг друга в объятиях и расстались с затённым чувством чего-то недосказанного. Уже входя в самолёт, он обернулся, и с верхней площадки трапа крикнул на родном языке:

– Ауф видерзеен, Анатолий! Комм цу мир их вартел!¹

С террасы Уфимского аэропорта я увидел, как мощный тягач вытащил ТУ-154 на взлётную полосу. В стремительном разбеге под грохот ревущих на форсаже турбин самолет оторвался от земли и, превратившись в маленькую точку, растаял в сером осеннем небе.

– Прощай, Рихард, – беззвучно шептал я.

Эта встреча была последней. Вскоре после его отъезда я получил от него письмо, которое я предлагаю прочесть (подлинник письма на немецком языке, перевод с немецкого сделан мною).

¹ Прощай, Анатолий, приезжай, я жду!

FREIER DEUTSCHER GEWERKSCHAFTSBUND

BEZIRKSVORSTAND HALLE

Bezirksvorstand des FDGB, 401 Halle, Postfach 294, Morz-Engels-Platz 14/15

Genosse Anatoly Ponomarjew
Partei Komitee der KPdSU
der Baschkirischen ASSR

U f a

Ihre Zeichen

Ihre Nachricht von

Unsere Nachricht von

Unser Zeichen

Datum

6. 11. 1975

Sehr verehrter Genosse Ponomarjew!

Namens der Mitglieder der Delegation des Bezirksvorstandes Halle des FDGB und in meinem eigenen Namen ist es mir ein Herzensbedürfnis, noch einmal Dank zu sagen für die Fürsorge und Aufmerksamkeit, mit der Du uns während unseres Aufenthaltes in Eurem schönen Lande umgeben hast.

Das war nicht unwesentlich dafür, daß wir uns vom ersten Tage an wie zu Hause gefühlt haben.

Ich versichere Dir, daß die Mitglieder unserer Delegation auch künftig alles in ihren Kräften Stehende für die Vertiefung der Freundschaft zwischen unseren beiden Ländern tun werden.

Unsererseits wünschen wir viel Erfolg in der Arbeit, persönliches Wohlergehen und Gesundheit Dir und Deiner Familie.

F r e u n d s c h a f t

Richard Jung

«Товарищу Анатолию Пономарёву

Партийный комитет КПСС

Башкирской АССР

Уфа.

6.11.1975 г.

Глубокоуважаемый Товарищ Пономарёв!

От имени членов делегации округа Галле ГДР и от меня лично хочу выразить ещё раз благодарность за работу и внимание во время пребывания на Вашей прекрасной земле.

Спасибо за благоприятную обстановку, созданную для нас с первого дня.

Я гарантирую Вам, что все члены нашей делегации, всеми силами борются за углубление дружбы между нашими странами.

С нашей стороны мы желаем Вам успехов в работе, личного благополучия, здоровья Вам и членам Вашей семьи.

Дружба

Рихард Герн Гросс

6.11.1975 г.»

Я направился в кабинет к первому, внешне спокойный и невозмутимый, но в голове у меня проносились роем мысли и воспоминания. Всплыл в памяти мой первый день, когда я был приглашен на работу в отдел оргпартрботы. Геннадий Петрович, войдя со мной в одну из комнат, сказал:

– Вот твой стол, садись и работай. Товарищи введут тебя в курс дела.

Кроме меня в этой большой комнате с необычайно высоким потолком было еще три человека. Сразу, как только ушёл заведующий, ко мне подошел один из них и, протянув руку, сказал:

– Я – Шамиль Шамсутдинович, это – Огарков Александр Владимирович, а это – Сафонов Геннадий Иванович. В отделе он работает более десяти лет, я – семь, а Александр Владимирович – уже почти шесть лет.

- Анатолий Петрович, – назвал себя я.

– Вот и познакомились, – сказал Шамиль Шамсутдинович и доверительно добавил, – можно просто Шамиль, а его – Саша. А вот его, – и он сделал паузу, – только Геннадием Ивановичем, потому что он «долгожитель и Оракул» по совместительству, его уважать надо, – сказал Шамиль назидательно, то ли шутя, то ли всерьёз.

– Тебя мы будем звать просто – Петрович, так легче, если ты, конечно, не возражаешь. О тебе мы всё знаем, рассказывать автобиографию не надо.

Заметив моё удивление, добавил:

– Ведь наш отдел – кадровый, мы обо всех всё знаем, – и при этом заговорщически подмигнул Александру Владимировичу.

– Петрович, ты здесь долго не задержишься, – серьезно сказал Геннадий Иванович и, заметив моё недоумение, добавил, – это место волшебное: все, кто садится за этот стол, вскоре уходит. Мы многих знаем и помним. Здесь сидел Арсланов Роберт Мутыгулович – он сейчас работает председателем Кугарчинского исполкома райсовета, потом Геннадий Петрович привёл сюда Гиззатулина Хамзу Гумеровича – сейчас он работает председателем Аскинского исполкома райсовета. А теперь привел тебя. Так что по теории вероятности и твои дни уже сочтены, – добавил он как бы с сожалением.

– Вот видишь, Петрович, тебе наш «Оракул» уже предсказал будущее, – сказал, усмехнувшись, Шамиль Шамсутдинович.

Не думал я тогда, что он будет прав. Но самое невероятное то, что мои дороги с Арслановым и Гиззатулиным пересекутся. Как тесен наш мир!

Впоследствии я узнал, что они занимались подбором и расстановкой кадров, входящих в номенклатуру обкома партии. Кропотливо изучали их деловые качества. В безбрежном мире людей отыскав нужного человека по моральным качествам, изучали возможность выдвижения его на руководящую работу, поэтому им уже не требовались сведения о моей биографии. Они были немногочисленными.

словны, постоянно находились в каких-то раздумьях, жили в каком-то непонятном мире.

Однажды Шамиль Шамсутдинович сказал мне:

– Петрович, по нашим сведениям, ты окончил экономический факультет. Сделай, пожалуйста, анализ сменяемости и замещения кадров по национальному составу в Мишкинском районе. Мне кажется, что в этом районе, где подавляющее большинство – марийцы, явно просматривается нарушение ленинских принципов подбора и расстановки кадров по национальным признакам. Выведи общий индекс сменяемости по национальному признаку в разрезе каждой нации, – сказал он и передал мне таблицу, заполненную массой цифр.

Я достал из ящика стола логарифмическую линейку, с которой никогда не расставался, и начал работу.

– Петрович, так не пойдёт, – подняв голову от своих таблиц и доброжелательно улыбаясь, сказал мне Александр Владимирович, – раньше ты работал экономистом, считал килограммы, тонны, литры, гектары, квадратные метры, поголовье скота. Здесь, Петрович, за каждой цифрой стоят живые люди. Нам нужна точность до одной сотой процента. Возьми мою счётную машину и работай.

Выполнив работу, сделав анализ и выводы, я передал таблицу Шамилю Шамсутдиновичу. Внимательно посмотрев расчёты и выводы, он сказал:

– Геннадий Иванович, это надо показать Мэлсу² Хасановичу. Район Марийский, а марийцы в руководящих органах представлены в меньшинстве, так не пойдёт. Надо пригласить на беседу заведующего отделом оргпарторганизации Мишкинского райкома партии и предложить ему исправить положение.

Постоянной работы у меня не было, я выполнял разовые поручения и чувствовал, что меня постепенно вводят в круг обязанностей инструктора отдела оргпарторганизации. Как-то в конце рабочего дня Геннадий Иванович, сказал мне:

² Аббревиатура Мэлс – Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин.

– Петрович, если ты никуда не спешишь, останься, пожалуйста, мы посмотрим один документ.

Когда все разошлись, он открыл свой сейф и достал объёмную красную папку.

– Это переписка обкома с ЦК КПСС по кадровым вопросам. Геннадий Петрович попросил, чтобы я передал её тебе под роспись.

Выполнив все формальности, он пожал мне руку.

– Теперь ты, Петрович, будешь готовить письма в ЦК партии, – сказал он улыбаясь.

Так я стал обладателем красной папки. Вспоминаю, как счастлив был Геннадий Иванович, передавая свои обязанности мне. Вскоре я понял причины его радости.

Удивительный человек был заведующий организационным отделом. Участник Великой Отечественной войны, он работал в КГБ Латвии, по решению ЦК руководил главным кадровым отделом Башкирского обкома КПСС. Светлая память этому человеку! Подбор, воспитание и расстановка кадров на ключевые позиции – основная работа его отдела. Никогда не прочтёшь по его лицу, о чём он думает, но всегда в общении с ним чувствуешь, что он заглядывает в душу и словно рентгеном просвечивает тебя, читая мысли. Геннадий Петрович по заданию первого секретаря обкома КПСС стал поручать мне готовить письма в ЦК партии. Когда я приносил ему вариант письма, он долго и внимательно читал каждую строчку, взвешивая каждое слово. Не скрою, мне часто приходилось уходить из его кабинета с «головной болью» и заново, не один раз переписывать письма.

И всё-таки не даёт мне покоя вопрос: «Зачем я понадобился первому?». И узнать не у кого. С тяжелым чувством поднимаюсь, вхожу в приемную, ожидающих нет – неприятный день. Стараюсь по настроению Ларисы хоть как-то понять, что ждет меня за высокой дверью.

– Заходите!

– Как, так сразу?

– Да заходите же!

Тишиной и какой-то особой атмосферой наполнен кабинет первого. Там, за столом, сидел и Г.П. Федотов.

Трудно описать состояние, которое испытываешь в общении с людьми такого высокого ранга. Первый встретил приветливо, осмотрел с головы до ног, пристально взглянул в глаза, поздоровался, подав руку.

– Садитесь. Как дела? Рассказывайте. Я знаю, вы недавно были по нашему поручению в Шаранском районе. Как вы считаете, хорошо ли район подготовился к зимовке, что конкретно сделано и что, по вашему мнению, сделано еще недостаточно?

Я рассказал об увиденном в районе, привел на память некоторые цифры.

– Хорошо. Мне известно, что в обком партии недавно поступило письмо из ГДР, я знаком с его содержанием и Вашим отчётом. Вы проявили себя с хорошей стороны и выполнили поручение. Но я не за тем пригласил вас, чтобы хвалить. Я предлагаю вам другую, более ответственную работу – первым секретарем Кугарчинского райкома партии.

Отступая от текста, исходя из реалий сегодняшнего дня, скажу тебе, мой дорогой читатель, что первый секретарь райкома – эта не нынешний глава администрации муниципального образования или мэр какого-нибудь города. Не те масштабы. Не в обиду будет сказано многим сегодняшним руководителям районов, но их обязанности заметно сузились и изменились. Многие из них активно занялись приватизацией народного имущества, передачей его в частную собственность, изменением названий городов, улиц, посёлков, уничтожением советской и коммунистической символики. Произошла чудовищная переоценка ценностей, сложившихся десятилетиями в сознании великого народа. Некоторые главы, окружив себя надежной компанией «единомышленников», спешно занялись противоправными действиями. Стало обычным явлением, что народные избранники попадают в списки богатейших людей России. Не помню, что-

бы секретарь райкома, горкома или обкома партии баснословно разбогател и стал миллиардером. Идеи перестройки и демократизации общества захватили умы молодежи и других слоев общества. Люди не заметили, как из-за непонятных обычному человеку фраз «широкая автономия», «консенсус», «самоопределение», «суверенитет» и др. выглянул звериный оскал распада и хаоса. Сбылась мечта «прорабов» перестройки и реформаторов. Заварена крутая, кровавая каша на бывшей территории СССР. Не стану, дорогой читатель, развивать свои мысли дальше – другая у меня задача.

– Итак, что вы скажете? – спросил меня первый.

– Мне страшно, Мидхат Закирович, мне кажется, я еще не готов к этой работе.

– Другого ответа я от вас и не ожидал. В вас я не сомневаюсь, вам нечего бояться. У Вас уже есть опыт работы. Вы исполняли обязанности директора самого крупного в Башкирской республике ордена Ленина совхоза «Зилаирский», хорошо проявили себя в сложной обстановке – после внезапной смерти директора совхоза Симонова И.И. Работали главным экономистом, главным агрономом. По нашей рекомендации вас избрали вторым секретарем Баймакского райкома партии. Вы оправдали доверие обкома партии, и теперь мы рекомендуем вас первым секретарем Кугарчинского райкома партии. Не скрою, район проблемный, систематически не выполняет государственные планы, провалил пятилетку: из года в год не осваиваются средства по строительству объектов жизнеобеспечения, не развивается должным образом инфраструктура. Недавно был у меня на беседе первый секретарь райкома Баталов с просьбой сократить поголовье всех видов скота и ликвидировать птицу в связи с засухой, постигшей район. Такое положение дел нас не устраивает. В вас мы не сомневаемся и доверяем кардинально изменить ситуацию в районе.

Доверие... Какое это магическое слово, какой мерой его измерить? Его не взвесишь и на самых точных весах! Трудно добиться доверия. Но как легко его потерять...

Видя мое подавленное состояние и желая как-то разрядить обстановку, первый спрашивает:

– Башкирский язык освоил? Что значит в переводе «кугарчи»?

– Голуби.

– Это так, но не совсем правильно – это дикие голуби. Они живут там, где чистый воздух, горные речки, бездонные озёра с кристально чистой водой, таинственные пещеры и тишина... Курорт, да и только, – сказал первый, и озорная искра блеснула в его уставших глазах. – Геннадий Петрович, завтра утром поезжайте вместе, проведите партконференцию, держите меня в курсе событий. Счастливо, – и подал мне на прощанье руку.

Буря эмоций пронеслась в моей душе в эти секунды. Прошло уже много лет с тех пор, но живут в глубине сердца переживания, которые я испытывал в те минуты. Желание отказаться, пока не поздно, вытесняло другие мысли. Но мы уже за дверью приемной. Что сказать Геннадию Петровичу? Молча идем по коридору.

– Собери с собой все, что необходимо на неделю, раньше не возвратишься.

Не пойму, то ли одобрил мой поступок заведующий отделом, то ли осуждает за легкомыслие. Непроницаемо, как и прежде, его лицо, а как мне хочется знать его мнение! Но нет у меня дара читать чужие мысли.

А сейчас надо отдохнуть, собраться в дорогу, привести в порядок взбунтовавшиеся мысли. Что сказать детям? Жене? Ведь им придется не легче, чем мне. Им надо будет поменять уже привычную городскую жизнь, работу, школу. Помню, когда мы ещё жили и работали в ордена Ленина совхозе «Зилаирский», жена однажды сказала мне, что очень хочет видеть меня в президиуме собраний. Вот и сбылась твоя мечта, Галина Фёдоровна! Место за столом президиума станет частью моей работы, моей жизни. Отчетливо всплыли в моей памяти слова мудрого старика-башкира, везшего меня на пленум Баймакского райкома: «Не сомневаюсь, что тебя сегодня изберут. Не гордись, что войдешь в райком секретарём, думай о том, как достойно тебе оттуда выйти».

Прошло много лет с тех пор, а слова мудрого старика до сих пор живут в моей памяти.

Туманное утро, сыро и холодно. Половина седьмого утра, я у обкома жду машину. Ещё толком не пойму: согласился или нет. Отказаться, пока еще не поздно? А как отказаться, если не смог это сделать вчера? Захожу в кабинет, где я ещё вчера работал – никого пока нет. Сажусь за свой стол. Что написать товарищам? Если ничего – обидятся, ведь они знают, что меня вызывал на беседу первый. Кому оставить записку, какого содержания? Решаю оставить Геннадия Ивановичу Сафонову: «Геннадий Иванович, Саша, Шамиль – я уехал. Не поминайте лихом. Папку с письмами кладу тебе в стол».

Оставив записку, выхожу. Машина уже ожидает у подъезда, сажусь, и едем к Геннадию Петровичу. Вот его дом, ждуть придется недолго. Через десять минут Уфа остаётся позади за рекой Белой. Машина набирает скорость, мелькают последние дома цыганского поселка. Впереди аэропорт и неизвестность. Едем молча, поток встречного транспорта увеличивается. Шофер попросил разрешения курить, включил приемник, настроил на утренний концерт.

Что ждет меня на новом месте, в каком состоянии район, что случилось там, почему так экстренно меняют первого секретаря? Как встретит меня его «команда»? А если не изберут, если прокатят? Позор! Возвращаться назад? Противно на душе, провалился бы сквозь землю. Единственное, что успокаивает, – не просился я на эту должность, а коль доверил свою судьбу партии, значит, надо принимать любые удары как должное. Мысли идут по повторному бесконечному кругу. С чего начинать, если все-таки изберут? Как найти подход к тем, на кого можно опереться? Неожиданно всплыли в памяти слова директора нашей школы Жакова Василия Ивановича. «Я бы с таким товарищем не пошёл в море», – говорил он, когда отчитывал в очередной раз нерадивого ученика.

Жаков Василий Иванович,
директор Семичанской средней школы Дубовского района
Ростовской области, 1959 год

Он знал цену этим словам. Призванный в армию в трудном 1942 году ещё молодым сельским парнем, служил на Северном морском флоте. На минном тральщике ходил впереди судов, перевозящих военные грузы из Англии. Вылавливал и обезвреживал мины, густо поставленные немцами на пути прохождения конвоев. Каждый выход в море был связан с риском для жизни. И я вдруг представил себя мальчишкой, с воодушевлением слушающим рассказ бывалого фронтовика, своего учителя.

- Никогда не покидало нас чувство, – вспоминал Василий Иванович на классном часе, – что где-то, совсем рядом, притаилась хищная немецкая субмарина, прослушивает или через поднятый перископ, закамуфлированный под цвет моря, высматривает очередную жертву. Нет, мы не испытывали чувство страха, мы были всегда готовы к встрече с ней. Или вдруг из свинцовых облаков прямо на палубу тральщика, цепляясь крыльями за радиомачту в крутом, стремительном пики, стреляя из пушек и пулемётов, сваливается на тральщик

тройка черных «мессеров». Оставив привычную работу, прильнув к прицелам пулемётов, отражают матросы тральщика внезапную атаку. Только опыт командира тральщика и слаженная работа матросов позволяла сделать это, выполнить боевое задание командования и возвратиться в порт живыми. А завтра, загрузившись противолодочными минами, опять выходить в холодное, всегда не спокойное море.

Наряду с тралением фарватера для прохождения судов в обязанности матросов тральщика входила и постановка глубинных мин для борьбы с подводными лодками противника. Авиация, вражеские морские охотники в первую очередь стремились уничтожить тральщик. Караван кораблей без тральщика становился таким же беспомощным, как слепой без поводыря. Именно командир тральщика, зная карту минных полей, ведёт караван, как утка ведёт утят к пруду. Горе кораблям, оставшимся без тральщика-«поводыря». Не зная карты минных полей, они идут вслепую, гибнут на минах или попадают под торпеды подводных лодок, удары которых бывают более грозными, чем удары авиации. В воздухе, на земле, под водой и на море шла жестокая кровавая бойня, цель которой – стереть с карты Великую страну, имя которой – Союз Советских Социалистических Республик.

В этих воспоминаниях проходит час. Впереди райцентр Толбазы. Уже светло, туман почти рассеялся. По обе стороны дороги – голая черная пашня.

Снова туман стал гуще, слева – г.Стерлитамак, а впереди – г.Салават. Помню, в седьмом классе читал книгу «Емельян Пугачев». Был у Емельяна сподвижник – лихой батыр Салават Юлаев. Это его именем назван город химиков. Всплывают в памяти отдельные эпизоды. Присматриваюсь к местности: где-то рядом разворачивались и проходили далекие и печальные события. Стараюсь вспомнить хоть что-то о Салавате. Какой он был, что побудило его связать судьбу с повстанцами? Почему он покинул родную деревню (аул), отчий дом и пришел в стан Пугачева? Башкирия тех лет – бедная, захолустная. Народ был обречен на вымирание, а кругом – несметные богатства. Пугачев боролся за хо-

рошую жизнь для бедных и неимущих: это, наверное, и привело Салавата в стан мятежников. Мысли бегут по воображаемым страницам книги всё дальше и дальше. Кажется, уже наяву вижу холодные свинцовые волны Балтийского моря, чужой, безлюдный дикий остров и человека в кандалах и лохмотьях с киркой, цепью прикованного к тележке. Каторга... Это все в прошлом. А сейчас живет его подвиг в народных песнях. Стоит на высоком берегу реки Белой издали видный для всех въезжающих в Уфу монументальный, самый крупный в Европе памятник герою башкирского народа. Горожане, взрослые и дети, молодожены и туристы приносят к его подножью цветы.

Памятник Салавату Юлаеву

Мысли бегут, заполняют время. Стремительно мчится полотно дороги под колесами обкомовской «Волги». Слева, за рекой Белой, широкая пойма, а в дымке за ней видны Уральские горы с обрывками серых туч, зацепившихся за их голые вершины. Гольцы – так их называют в народе. Справа от шоссе – отроги хребта Урал-Тау: широким плато плавно сползают они в необъятные

оренбургские степи. Веками на всей южной оконечности седого Урала, по всему фронту гор и оренбургской степи идет извечная борьба стихии. Летом ветры с Каспия и из знойных пустынь Средней Азии раскаляют камни Уральских гор. Особенно знойным было лето 1975 года. Уже в июне под палящими лучами солнца и суховеями сгорели травы и посевы, а в июле деревья сбросили листья. Не помнят башкиры такой сильной засухи. А зимой ледяные ветры из Северного Казахстана, набрав силу в бескрайних оренбургских сетях, свирепыми ураганами, сметая все на своем пути, неделями бьются в каменную грудь Южного Урала. Скажите, вы никогда не попадали под удар разъярённой стихии? Вот и хорошо, если нет. Пусть сохранит вас Всевышний от этого. Поверьте, это действительно страшно. Страшно, когда на сорокаградусном морозе и пронизывающем ветре у вас вдруг заглохнет двигатель, и вы с ужасом заметите, что в карбюратор попала капля воды и вывела его из строя. Ещё страшнее, когда вдруг прямо по ходу автомашины вы увидели глубокую снежную яму-ловушку, которую никак не объехать. День уже заканчивается, а на руках у вас годовалый ребёнок, ваш сын. А как вы будете смеяться утром, когда взойдёт солнце, а лица ваших спутников будут совершенно чёрными от копоти паяльной лампы, благодаря которой вы не замёрзли, увязнув на всю ночь в глубоком сугробе! Каждый, кто хоть раз испытал подобное, поймёт меня.

Не отпускает меня память, и уже новые картины тревожат душу. Вот я, выпускник Волгоградского сельскохозяйственного института, по распределению прибыл в ордена Ленина совхоз «Зилаирский». Здесь начиналась моя трудовая биография. Здесь познакомился я с замечательными людьми, чьи образы стоят сейчас перед моими глазами. Один из них – Иван Степанович Горьков, оперативник статистической отчётности. Он был участником Великой Отечественной войны. Призванный в армию в 1942 г., дошёл до Берлина. На Зееловских высотах был тяжело ранен в ногу и демобилизован. Вместе с ним бок о бок воевал его близкий родственник И.Т. Пименов. Не раз рассказывал мне Иван Степанович о том, как сложилась военная судьба Ивана Тимофеевича Пименова.

Жарким летом между Курском и Белгородом развернулось грандиозное танковое сражение. С обеих сторон участвовали тысячи танков и самоходных орудий.

– Ни шагу назад! Ни пяди родной земли врагу! Умрём, ребята, за Родину, но не отступим! – крикнул политрук роты.

Не дрогнуло в смертельном бою сердце молодого командира артиллерийского расчёта. Не сковал животный страх его ноги. Не потерял он самообладание. Не побежал вспять, крича от страха. Только вспомнил на миг своё село Яковлевку на быстрой речке Уртазым. Оставшись в живых один, бросился комсомолец Пименов со связкой гранат под гусеницы грозно ревущего танка. Ценой своей жизни остановил продвижение противника. Ему посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Иван Тимофеевич Пименов

Когда я думаю об этом, мне хочется низко поклониться всем солдатам Победы. Если бы не они, какое было бы у вас детство? Да и были ли бы мы? И страшно становится от мысли, что жизнь наша пошла бы по-другому. Вечная память герою И.Т. Пименову и всем, кто отстоял нашу землю в те суровые дни.

Не дождалась рано поседевшая мать сына с фронта. Стоит перед школой в окружении белых цветущих черёмух, стройных рябин с красными гроздьями

ягод обелиск солдату-герою. С гордостью когда-то носил пионерский отряд его имя – имя Героя Советского Союза Пименова.

Вот с Иваном Степановичем Горьковым связана у меня одна замечательная история. Пока я еду к месту моего нового назначения, расскажу тебе, мой читатель.

В конце декабря 1969 года мы втроём (я, главный зоотехник совхоза Марат Файзулович Султангулов и Иван Степанович Горьков) выехали на ГАЗ-69 в Уральское отделение совхоза. Поднявшись на возвышенность, внизу, в пойме реки, поросшей редким лесом и густым кустарником, мы увидели застывшую, запорошенную снегом реку Урал. До отделения оставалось 10-12 километров. Сразу за отделением река расширялась, образуя водохранилище, а за ним открывался вид на плотину Ириклинской ГЭС. Ничего не предвещало урагана, ослепительно светило заходящее солнце, снег искрился всеми цветами радуги, и лишь по горизонту, со стороны Орска выползли белые облака.

– Торопись, Марат, будет буря, – поглядев на облака, заметил Иван Степанович.

Облака стремительно приближались, разбухали, превращаясь в чёрную тучу. Вскоре резко подул ветер, небо заволочло мглой, стало темно, мрак и вихрь окутали степь. С трудом пробивалась машина через высокие сугробы, которые росли у нас на глазах. И вот в очередном сугробе мы «сели». Марат, крепкий, закаленный ветрами парень, сказал:

– Ну все, дальше дороги нет. Осталось 2-3 километра, дойдем пешком, иначе замерзнем.

Буран валил с ног, снег засыпал глаза, трудно было дышать.

– Оставьте меня, – вдруг сказал Иван Степанович, – не могу идти дальше, сил нет, идите сами, вы дойдете.

– Башкиры не бросают товарищей в степи. Аллах не простит мне этого поступка. Я всю жизнь потом буду мучиться. Ты замёрзнешь здесь, – сказал Марат и взвалил Ивана Степановича себе на спину.

– Алла бирса³, Алла бирса, – повторял он как заклинание, преодолевая очередной глубокий сугроб.

Несли по очереди. Стало темно, ветер продувал одежду насквозь, мы стали мокрыми. С каждым шагом казалось, что силы вот-вот покинут нас.

– Аллахум кечир менен⁴. Алла бирса, бэр, икке, ос, дурт, бишь⁵, – считал Марат шаги, – Алты, етте, сакис, дакис, ум⁶. Иншала⁷.

Шли вдоль высоковольтной линии Ирикля-Магнитогорск под гудящими от урагана проводами. Мы точно знали, что линия приведёт нас к посёлку.

– Бросьте же, идите, потом заберёте, – просил нас Иван Степанович.

– Волки! – вдруг закричал Марат, и в луче карманного фонарика метнулись серые тени.

Волки шли за нами, по нашим следам, до первых домов посёлка. Три дня не прекращаясь ни на минуту, ревел ураган. Наконец внезапно стих, небо прояснилось. Выглянуло солнце. Совхозный бульдозер откопал из огромного сугроба наш ГАЗ-69, и, следуя за ним, мы добрались обратно до центральной усадьбы совхоза.

С тех пор я лишь один раз побывал в ордена Ленина совхозе «Зилаирский», но в мыслях и снах я часто бываю там с моими опытными наставниками и товарищами. Многие из них были значительно старше меня. Ещё подростками в годы войны, когда их отцы сражались и гибли на полях сражений, они работали в совхозе вместе с матерями и бабушками. Пахали, сеяли, пасли скот, носили им в поле воду и небольшие узелки с нехитрой едой...

Многие из них впоследствии окончили средние и высшие учебные заведения, стали знаменитыми. Страна ценила и любила свой народ, своих детей, учила, растила, воспитывала, по-отечески помогала тем, чьи отцы не вернулись домой с фронта. В камне, в мраморе, в граните и в простых солдатских красных

³ Помоги мне, Господи.

⁴ Прости меня Господи.

⁵ Раз, два, три, четыре, пять.

⁶ Шесть, семь, восемь, девять, десять.

⁷ Так угодно Господу.

звездочках увековечила их подвиг. С непреходящим волнением я вспоминаю замечательных тружеников совхоза: Героя Социалистического Труда, главного инженера совхоза – Василия Степановича Солонина; Заслуженного агронома Башкирской АССР, кавалера Орденов Трудового Красного Знамени и Октябрьской революции Юрия Ивановича Нечаева; секретаря партийного комитета Ахта Шариффуловича Исянтаева; начальника отдела кадров – Зайтуну Исмагиловну Ахметову; кавалера ордена Знак Почёта, главного зоотехника Султанова Марата Файзулловича; главного ветеринарного врача, Николая Васильевича Модина; механизаторов Сосновского отделения Ризу Хажиахметовича Яхина и Бориса Фёдоровича Фролова, намолотивших по десять тысяч тонн зерна за пятилетку; Заслуженного агронома Башкирской АССР Екатерину Дмитриевну Недопекину из Култубанского отделения; заслуженного механизатора БАССР Сарвара Давлеткулова; инженера машинно-тракторной мастерской Вахита Шарифьяновича Якшибаева, впоследствии избранного первым секретарём Бурзянского райкома КПСС; Участника В.О.В. командира батальона, бесстрашного разведчика Махмута Харрасовича Галина.

В годы войны Махмут Харрасович прошёл путь от Волги до Германии, участвовал в обороне Сталинграда, Курско-Орловском сражении, взятии Перекопа, освобождении Прибалтики и Восточной Пруссии. От командира отделения вырос до командира батальона. Гвардии капитан награждён орденами Красного Знамени, Александра Невского, Отечественной войны второй степени, двумя медалями «За отвагу». Это благодаря им, моим наставникам, старшим товарищам и сверстникам, я познал секреты совхозного производства, научился ценить и уважать труд простых людей. Благодаря им я обличён мандатом высокого доверия и еду к новому месту работы. Где вы теперь, мои дорогие? Как сложились ваши судьбы в новом государстве?

Галин Махмут Харрасович

За время своего существования совхоз произвёл около двух с половиной миллионов тонн зерна. Это можно образно представить себе так: тысяча железнодорожных составов по 50 вагонов в каждом. Общая длина всех составов по самым скромным подсчётам составляет более 500 километров. Не стану приводить цифры, сколько было произведено мяса, молока: скажу лишь, что счёт идёт на миллионы центнеров.

– О чём задумался, – вдруг спросил меня Геннадий Петрович.

– Так, кое о чём размышляю...

– Да, я думаю, что уже сегодня вечером, после отчётно-выборной партийной конференции, тебе будет о чём размышлять!

1.3. ТЕБЕ ЕСТЬ О ЧЁМ РАЗМЫШЛЯТЬ!

Подъезжаем к железнодорожному переезду трассы Уфа – Кумертау. Шлагбаум опущен. Слева и справа, и на балке шлагбаума синхронно мигают красные огни светофора. Постоянно не смолкая звенит звонок, предупреждая, что проезд закрыт и следует подождать. Стоим недолго. Проходит мощный грузовой электровоз, протягивая за собой длинный состав платформ, цистерн и вагонов. Прошло несколько платформ с тракторами ДТ-75 Волгоградского тракторного завода, зерноуборочными комбайнами «Дон», «Колос», «Нива» знаменитого на всю страну комбайнового завода «Ростсельмаш». Тяжело прокатились по рельсам, громяхая на стыках, платформы с мощными тракторами «Кировец» Ленинградского завода им. Кирова. Вспоминаю: в совхозе «Зилаирский» у нас был мобильный отряд из двадцати пяти новеньких тракторов «Кировец». Незаменимая техника для транспортных, пахотных и посевных работ.

Вот мелькнуло несколько платформ с голубыми тракторами «Беларусь» Минского тракторного завода. Проскочили зерновозы, вагоны с углем и лесом. Оправилась страна от последствий страшной войны, залечила тяжелые раны. Выросли новые красивые города и поселки, построены на могучих реках гигантские ГЭС, равных которым нет нигде в мире. По всей стране руками многонационального народа восстановлены разрушенные заводы и фабрики. Вырос за Уралом громадный народно-хозяйственный комплекс с неисчерпаемым потенциалом. Восстановлены разрушенные войной учебные заведения. Возникли новые институты и академии. Страна Советов стала страной с лучшей в мире бесплатной системой образования, бесплатной медициной. Уверенно смотрит в будущее советский народ.

Сбылась мечта старшего поколения, участников Гражданской и Великой Отечественной войны, рабочих и колхозников, многие из которых ушли из жизни, так и не увидев могучего, процветающего государства. Благодаря плановой экономике, своеобразному сочетанию моральных и материальных стимулов стране удалось достичь серьезных экономических показателей во всех отраслях народно-хозяйственного и военно-промышленного комплексов. Тру-

довой энтузиазм народа в единстве с коммунистической партией позволил за короткий период послевоенной передышки оставить позади развитые страны. Советский Союз уверенной, могучей поступью решительно выходил на мировой рынок и уже в скором времени мог занять в нем ведущее место. Это не было иллюзией – это была реальность. Идея построения светлого будущего для себя и своих детей творила невероятное в душе человека. Кроме постоянно растущей заработной платы советские люди получали материальные стимулы из источников социального обеспечения. Их дети бесплатно посещали детские садики, обучались в средних и высших учебных заведениях, получали стипендии. В многочисленных профессиональных технических училищах, кроме всего вышесказанного, получали трёхразовое питание, одежду, обувь, проживали в общежитиях. По окончании учёбы каждому гарантировалась работа...

Выпуск газеты «Правда» №26(29656) от 17.03.11, стр.1

Стих звонок, открылся шлагбаум, зеленый свет светофора разрешил проезд. Впоследствии я много раз буду пересекать этот железнодорожный переезд, но мысли, возникшие тогда, в период короткой остановки, будоражат память до сих пор.

Мелькают за окнами «Волги», построенные совсем недавно красивые многоэтажные дома с детскими площадками во дворах. Рядом с недостроенными домами высятся башенные краны с длинными ажурными стрелами. Повсюду на стройках вспыхивают и гаснут огни сварочных аппаратов. Город строится.

Г. Мелеуз, Башкирская АССР

Надрывно гудят мощные бульдозеры, перемещая горы грунта. На дне широких котлованов работают экскаваторы, загружается грунт в огромные кузова Белорусских «МАЗов» с никелированными эмблемами «Зубр» на капотах моторов. Натужно урча дизельным двигателем с воздушным охлаждением, наматывая ленту глины на колёса, покачиваясь на ухабах, из широкой пасти котлована осторожно выбирается тяжелогружёная чехословацкая «Татра». Красный вымпел победителя социалистического соревнования развевается на её голубом капоте. На крышах уже построенных домов, на высоте птичьего полёта светятся цветными неоновыми лампами лозунги: «Народ и партия едины!», «Слава КПСС!», «КПСС – ум, честь и совесть нашей эпохи!». На фасаде строящегося дома висят щиты с обязательствами строителей и сроками сдачи дома в эксплуатацию. Недалёк тот день, когда счастливые семьи бесплатно получают ордера и ключи от новых квартир. Читая эти лозунги, обязательства строителей и призывы беречь народное добро, экономить стройматериалы, эффективно исполь-

зовать технику, я, как и большинство людей того незабываемого времени, крепкой нитью связывал свою жизнь с этими лозунгами и призывами. И, глядя на всё это, я думал, что возможности, которые заложены в социалистическом способе производства, поистине неисчерпаемы.

Справа от дороги сквозь ряды берез и елей, уже в снегу просматривается новый детский сад, забор которого украшен изображениями персонажей детских сказок. Остались позади Дом культуры, кинотеатр, аптека, стадион с трибунами, невдалеке виден молочноконсервный комбинат, дымит высокая труба сахарного завода.

Внезапно, сразу за поворотом появился железнодорожный вокзал с надписью на фасаде «Мелеуз». А позади за ним открылась необъятная площадь станционных путей. Всюду стоят вагоны, платформы, цистерны. Свистки маневровых тепловозов, сирены передвижных подъёмных кран-балок, грохот тормозов сцепляемых и расцепляемых вагонов, команды диспетчера по селекторной громкоговорящей связи – всё это сливается в единый гул, именуемый рабочей атмосферой. Даже неискушённый человек, никогда не видевший этой картины, поймёт, что станция «Мелеуз» живёт обычной деловой жизнью. Железнодорожники чётко, без суеты, профессионально выполняют свою работу: принимают, сортируют и отправляют грузы.

Не думал я тогда, проезжая мимо этого «муравейника», что уже через несколько дней здесь, на грузовом терминале станции, буду проводить планёрки с участием директоров совхозов, председателей колхозов, секретарей партийных комитетов хозяйств Кугарчинского района. В поданные под погрузку платформы хозяйства будут грузить трактора, бухты вязальной проволоки, пресс-подборщики. В далёкие края уйдут из Мелеуза составы с людьми и техникой: на Украину, в Краснодарский край, в Латвию, в Красноярск на прессовку соломы. Дни и ночи, не зная выходных и праздников, будут идти по снежным коридорам и глубоким траншеям бульдозеры, трактора с тележками, автомашины с соломой со станции «Мелеуз» для хозяйств Кугарчинского района. С декабря

1975 года и до середины мая 1976 года по всей трассе от деревни Ира до Мраково будет продолжаться борьба человека со стихией и бездорожьем.

Дорога Ира-Мраково, 1975 год

Забегая вперед, скажу, что тогда на одной из планёрок я поставил перед руководителями хозяйств задачу уже летом начать строительство дороги. Общими усилиями хозяйств совместно с Башкирским управлением строительства дорог в течение двух лет мы построили дорогу и навсегда забыли о бездорожье!

Разгружая солому, борясь со стихией, вновь и вновь отправляли «вертушки» (так назывались платформы, выделенные нашему району Башкирским отделением железной дороги для перевозки соломы). Никто из нас не предполагал, что до начала «перестройки» оставалось совсем немного времени. Даже в кошмарном сне не могло нам присниться, что великая держава в скором времени рухнет, будет ввергнута в разруху и хаос: из сильнейшей страны в мире превратится в одну из жалких стран. Ураган страшной силы, более мощный, чем огненный шквал войны, пронесётся по всей территории СССР, сминая всё на своём пути, отторгая братские союзные республики, превращая в развалины процветающий народно-хозяйственный комплекс страны. С немым укором обще-

ству будут смотреть разрушенные предприятия пустыми глазницами окон на безумные действия человека.

Развалины молочного комплекса на 800 дойных коров⁸

Преступность и беспризорность станут выше, чем после Гражданской и Великой Отечественной войн, вместе взятых. Чудовищная убыль населения, жизнь по «понятиям» станут нормой для некоторых слоёв общества. Исчезнет гордость за свою страну, за свой Гимн. В республиках Северного Кавказа, Средней Азии, в Молдавии, в Украине возникнут кровавые конфликты, не прекращающиеся до сих пор. Безработица бросит миллионы людей за черту бедности. Наркомания и деградация станут обычным явлением. Как грибы после дождя, на всей территории бывшего СССР вырастут детские дома, дома для престарелых и брошенных стариков. Наука и образование придут в упадок, тысячи учёных, образованных педагогов пополнят армию безработных. Потеряет былую мощь и уважение военно-промышленный комплекс. Оставшись без помощи государства, ускоренными темпами развалится процветающее сельское хозяйство. Страна на долгие годы попадёт в продовольственную и другие зависи-

⁸ Справка: Молочный комплекс на 800 коров ежегодно давал 2400 т молока и 100 т мяса. Тысячи таких комплексов лежат сейчас в развалинах по всей России.

мости, из которых не выбралась до сих пор. Сбудется, наконец, мечта лидеров капиталистических стран стереть с лица Земли СССР.

Откуда же взялись эти дьявольские силы, способные в одночасье развалить великую державу? Эти силы скрытно, тайно созревали в недрах самой КПСС. С приходом к власти Горбачёва они сконцентрировались вокруг него и вместе с ним и его единомышленниками целенаправленно, в короткий срок расшатали партийные структуры, цементирующие общество. Я описал лишь часть бедствий, которые пришли с «ветром перемен» и «новым мышлением» и которые лежат на виду, на поверхности. А то, что произошло и происходит сейчас в недрах общества, в умах и сознании народа, не поддаётся никакому описанию.

Да, теперь и Вам, новое поколение, есть о чём поразмышлять...

В кругу нахлынувших мыслей и воспоминаний я не заметил, как позади остался город и его железнодорожная станция. Слева от себя я увидел православный храм, стоявший на пригорке в конце деревни Ира. Отсюда начиналась грунтовая дорога Ира-Мраково протяжённостью 76 километров.

Надо бы подумать о том, что ждёт меня впереди, но не отпускают меня вновь нахлынувшие воспоминания, и ведут они к такой же зимней, разбитой дороге, но только на восточной стороне Южного Урала, по которой я с женой Галей и годовалым сыном Димой в феврале 1968 года добирался в совхоз «Зилаирский» Баймакского района Башкирской АССР. Прибыв в Магнитогорск вечером, мы ранним солнечным утром на двух автобусах-вездеходах выехали в город Сибай.

Ураган начался внезапно, как будто тучи опустились на землю. Небо и земля слились в единое гудящее пространство. Мгновенно у нас на глазах дорога превратилась в сплошные сугробы и стала совершенно непроходимой. Водители автобусов предложили нам вернуться в совхоз «Янгельский», через который мы проехали чуть более часа назад. Потратив на обратную дорогу более трёх часов, мы возвратились в совхоз, когда уже на улице горел свет. Водители подъехали к какому-то дому и, протерев замёрзшее стекло, я прочёл: «Янгель-

ский исполком Сельского совета». Вскоре пришёл председатель сельского совета – это была женщина средних лет. Зайдя в автобус, она приветливо поздоровалась на двух языках – русском и непонятном мне тогда башкирском с певучим акцентом – и успокоила всех, объяснив, что никто не останется ночевать на улице. При этом добавила, что вещи можно оставить в автобусах. Водители закрыли двери, поставили машины во дворе исполкома.

Вскоре пришли местные жители. Одеты они были, как мне тогда показалось, необычно. На многих мужчинах были лохматые жёлтые лисьи шапки, а на ногах – валенки и самодельные унты. Вскоре мы вместе с ними разошлись по квартирам. Меня с женой и ребёнком взял к себе в ещё не обжитый, недавно построенный бревенчатый дом Ильшат – молодой совхозный специалист. Он хорошо, с едва уловимым акцентом, говорил по-русски. Ещё с порога, открыв промёрзшую дверь, громко сказал:

– Мениса, принимай гостей, ставь самовар!

В доме было тепло, пахло жареной картошкой. Вечером за чаем мы разговаривались, как старые знакомые. Мениса вскипятила молоко, и они вместе с женой напоили Диму, который уже основательно простыл, температурил и плакал. Утром, позавтракав и взяв с собой свёрток с продуктами, заботливо собранный Менисой, мы собрались у сельского совета. Пришли председатель и директор совхоза. Посоветовавшись с водителями, они выделили нам в сопровождение бульдозер, и мы вечером прибыли в город Сибай – город горняков и металлургов.

Трое суток ревел, не останавливаясь ни на минуту, свирепый ураган. Наконец он стих. Директор совхоза «Зилаирский» прислал за нами свой служебный ГАЗ-69.

Трудным был путь до совхоза. Почти 80 километров машина постоянно петляла по каким-то диковинным лабиринтам и глубоким снежным траншеям, образовавшимся после прохождения бульдозеров-снегоочистителей с местным названием «бабочка». Внезапно шофёр остановился, и я увидел впереди, в де-

сяти метрах, глубокую снежную яму, которую никак нельзя было объехать. На дне ямы валялись хворост, обломки досок и куски рваного стального троса. Видно, в этой «ловушке» уже побывала не одна машина. Заходящее зимнее солнце, окрасив в розовый цвет заснеженные вершины западного хребта Урала – Ирендык, стремительно угасало.

– Останемся здесь ночевать, если застрянем, – совершенно серьёзно сказал шофёр.

Ужас охватил меня: надвигалась ночь, а до ближайшего посёлка было не менее 10 км. Позже, неоднократно проезжая это гиблое место, я понял, что наш сын Дима был на краю гибели. Высадив нас из машины, фронтовой бывалый водитель Фатых Гильманов снял с себя полушубок и утеплители с капотов машины, достал из багажника куски брезента и кошмы. Застелил ими широкое дно ямы и с криком «Аллах Акбар⁹», «Аллах бирса¹⁰» в мгновение ока оказался на противоположном конце ямы.

– Иншала¹¹! – воскликнул он, широко и добродушно улыбаясь.

Не знал я тогда значения этого непонятного мне слова. Лишь значительно позже я понял его смысл. Наступит время, и, покидая совхоз навсегда, я скажу своим детям это магическое – Иншала.

Поздно вечером мы приехали в совхозную гостиницу. Хозяйка гостиницы Нафиса-Апа¹² угостила нас ароматным башкирским чаем с мёдом и сливками.

– Как же Вы решились ехать зимой в такую даль, – мешая русские и башкирские слова, говорила она и гладила по головке Диму.

Утром меня ждал директор совхоза Иван Ильич Симонов – кандидат сельскохозяйственных наук. По результатам 8 пятилетки совхоз «Зилаирский» был награждён орденом Ленина и с тех пор стал именоваться ордена Ленина совхоз «Зилаирский», а его директор был награждён орденом Октябрьской революции.

⁹ Аллах Велик.

¹⁰ Аллах, помоги.

¹¹ Иншала – так угодно Богу (башк.).

¹² Апа – старшая по возрасту женщина (башк.).

Иван Ильич приветливо поздоровался, спросил, как мы добрались и в чём нуждаемся. Тут же он пригласил коменданта совхоза, и мне выдали ключи от двухкомнатной квартиры в новом двухэтажном двенадцати квартирном доме. В совхозной кладовой я получил всё необходимое для проживания моей семьи. По указанию директора в течение месяца, до первой зарплаты я получал мясо, картофель, крупы, сахар, чай, масло, хлеб безвозмездно, как молодой специалист. Вечером к нам в гости пришли соседи по лестничной площадке и, что мне навсегда запомнилось, принесли много горшков комнатной цветущей герани. Галя, моя жена, получила работу биолога в средней школе, стала классным руководителем 10 класса. Дима стал посещать совхозный детский сад. Жизнь вошла в свою колею.

Учащиеся 10 класса Зилаирской средней школы
с классным руководителем, 1968 г.

Размышляя о пережитом, я вдруг увидел слева от себя, на пригорке, невысокую стелу и прочёл: – «Кугарчинский Район, колхоз имени М.Горького. Рахим итегез¹³!».

¹³ Рахим итегез! – добро пожаловать.

1.4. ПЕРВЫЙ ЭКЗАМЕН

Остался за невысоким сыртом¹⁴ колхоз им. М. Горького. Вдруг яркий солнечный луч, словно стальное лезвие, ненадолго прорвался через толщу серых осенних облаков. На короткий миг осветил Биик-тау¹⁵, бросил живую россыпь света за реку Белую и потерялся в хмурых вершинах главного хребта Урал-тау, уходящего в дымку куда-то далеко на север.

Невероятное может сделать с душой человека всего лишь один солнечный луч! Исчезла подавленность, не оставлявшая меня с тех пор, как я вышел из кабинета первого. Улучшилось настроение, и внутренний голос уже властно шептал: «Возьми, наконец, себя в руки! Останови бег своих мыслей вокруг бесплодных «что» да «как»! Тебе ведь давно известно, что вслед за мыслью всегда идёт энергия, которая укрепит твою волю. Тебе отступать некуда! Ты уже на территории Кугарчинского района. У тебя всё получится».

Кто-то внутри меня тормозил и подбадривал, задавал вопросы и сам на них отвечал, рассказывал мне обо мне такое, что я уже начал забывать... Кто вступил со мной в неожиданный диалог? Моя память. «У тебя всё получится. Ещё не раз принесёт почтальон в твой кабинет в Кугарчинском районе телеграмму с красной полосой, на которой ты с гордостью прочтёшь «Правительственная». Ты получишь за свою работу в этом районе два ордена и Почётную грамоту от ЦК ВЛКСМ за заслуги перед комсомолом. А ещё ты увезёшь с собой из Мраково, как бесценный подарок от жены Гали, маленького крепыша – сына Колю.

«Напряги память, вспомни, зачем тебя послал сюда первый. Вспомнил? Что тебе не ясно? Больше не задавай себе глупых и расслабляющих вопросов! Решительно ищи свой стиль работы. Помни: работа может быть коллективной, а ответственность только персональной. Собери свою волю в кулак. Не расслабляйся!»

¹⁴ Сырт – невысокая возвышенность (татар.).

¹⁵ Биик-тау – большая гора (татар.).

 ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ ТЕЛЕГРАММА МИНИСТЕРСТВО СВЯЗИ СССР	
Для записки адресата	
Б/И П Р У Ф А го 08 мес 43 Входящий № 819	П Е Р Е Д А Ч А го _____ мес _____ мин № связи _____ Передаст _____
Адрес: _____	
УФА ОС 8/1 ПР УФА 8/15802 БО 2344 ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ КУГАРЧИ	
РАЙКОМПАРТ ТОВАРИЩУ ПОНОМАРЕВУ А П ГОРЯЧО И СЕРДЕЧНО	
ПОЗДРАВЛЯЮ ВАС ЛИЧНО ЗПТ ВАШИХ ТОВАРИЩЕЙ ПО РАБОТЕ С	
НАСТУПАЮЩИМ ВСЕНАРОДНЫМ ПРАЗДНИКОМ ТИРЕ ШЕСТИДЕСЯТИЛЕТИЕМ	
ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ ТЧК ЖЕЛАЮ ВАМ	
УВАЖАЕМЫИ АНАТОЛИИ ПЕТРОВИЧ ДОБРОГО ЗДОРОВЬЯ ЗПТ БОЛЬШОИ	
ЛИЧНОГО СЧАСТЬЯ ЗПТ НОВЫХ ТРУДОВЫХ УСПЕХОВ В ПРЕТВОРЕНИИ В	
ЖИЗНЬ ВЕЛИЧЕСТВЕННЫХ ПРЕДНАЧЕРТАНИИ ХХУ СЪЕЗДА КПСС ТЧК НОМЕ	
564 СЕКРЕТАРЬ БАШКИРСКОГО ОБКОМПАРТА ШАКИРОВ=	

– Вспомни, – опять шептал мне внутренний голос, – как в начале июня 1972 года, после внезапной смерти директора совхоза И.И. Симонова тебя пригласил первый секретарь Баймакского райкома партии Р.И. Имамов и поручил временно исполнять обязанности директора Зилаирского совхоза. Вспомни, сколько тогда тебе было лет? Вспомнил? Всего лишь 32 года. Ситуация тогда была ничуть не легче. Объёмы производства и сдачи государству сельскохозяйственной продукции, площадь сельхозугодий и пашни в совхозе были значительно больше, чем во многих районах центральной России и Башкирии. Ты был молод и неопытен. Теперь ты старше, закалён зноем и холодом Башкирского Зауралья, ты уже знаешь языки и обычаи живущих здесь людей. Ты уже стал другим. Наверное, ты не забыл ещё, как у тебя всё начиналось, когда, прибыв из райкома партии, робко вошёл в кабинет безвременно ушедшего из жизни И.И. Симо-

нова и сел за его стол. Какие тогда терзали тебя мысли и сомнения? Ты выдержал тот трудный первый экзамен на зрелость, не растерялся и не пустил доверенное тебе дело на самотёк. Не случайно же ты стал вторым секретарём крупнейшего в Башкирской республике Баймакского района и в первый же год твоей работы район получил переходящее Красное Знамя Башкирского обкома КПСС? Наверное, есть в этом и твоя заслуга.

Вручение переходящего Красного Знамени Башкирского обкома КПСС

Твой наставник Иван Ильич Симонов говорил тебе: «Ты станешь директором ордена Ленина совхоза «Зилаирский».

Ты стал им и пошёл дальше. А вот теперь с «мандатом доверия» обкома КПСС едешь в Кугарчинский район. У тебя ещё есть время до того, как ты перешагнёшь порог райкома партии. Вспомни и пройди мысленно весь путь твоей жизни в Зилаирском совхозе и Баймакском райкоме. Поверь: у тебя всё получится; не столь важно, куда ты приезжаешь или приходишь, важно, каким ты приезжаешь или приходишь, ведь всюду можно и нужно жить достойно». И ещё шептала мне моя память: «Помнишь, как ты начинал, когда впервые стал руководителем... Совхоз медленно втягивался в процесс заготовки кормов, а созревающая пшеница на площади 32 тысячи гектаров торопила – медлить нельзя, никакой раскочки и паники. Увы, нет больше твоего наставника, не скроешься ты за крепкой директорской спиной Ивана Ильича. Не будет у тебя покоя».

Незаметно для меня голос внутри стих, теперь я сам ясно видел перед собой картины прошлого. Они то проносились пёстрой чередой, то становились чёткой картиной.

А с чего ты начал, когда возвратился в совхоз из райкома? Правильно, с первой в твоей жизни самостоятельной планёрки. Не заискивал и не хныкал перед управляющими отделений, хотя все они были значительно старше тебя, и почти все были участниками Великой Отечественной войны. Ты знал, что вслед за горячим знойным летом последует суровая, долгая, холодная зима. Ты обязан был обеспечить общественное животноводство кормами и до начала уборки зерновых культур дать возможность рабочим совхоза заготовить сено для своего скота. Это было тогда правильное решение. Именно оно позволило тебе найти добрый отклик в душе каждого работника совхоза, и они стали твоими единомышленниками.

На этой первой планёрке ты решительно поставил задачу: срочно, в течение трёх-четырёх дней переоборудовать сто восемьдесят зерновых комбайнов и скосить в валки все сеяные травы.

Было решено собрать в крупные звенья всю сеноуборочную технику и, не теряя ни одного дня на раскачку, вывезти всё сено на кормовые дворы, не оставляя ни одной тонны в поле. Общими усилиями рабочих и специалистов совхоза удалось выполнить все мероприятия, намеченные на первой планёрке.

Заготовка кормов была проведена успешно. Впервые с полей на кормовые дворы было вывезено более десяти тысяч тонн сена. С чувством благодарности и признательности я тогда думал об Иване Ильиче, мне очень хотелось сказать ему: «Спасибо за подготовку таких толковых, работающих управляющих».

До начала уборки зерновых культур оставалось десять-двенадцать дней. И тогда я вновь собрал управляющих отделениями, специалистов совхоза, подвёл итоги заготовки кормов. Мне искренне хотелось пожать руку каждому управляющему, каждому специалисту, сказать им добрые слова, которые переполняли мою душу.

Я так и сделал, учтя при этом мнение главного зоотехника М.Ф. Султангулова и главного ветеринарного врача совхоза Н.В. Модина – именно они были ведущими в этом процессе. Они постоянно держали под контролем ход и темп заготовки кормов, были связующим звеном между мной и управляющими отделениями. Я предложил им высказать своё мнение о материальном поощрении каждого с учетом деловой активности, внести конкретные предложения. Они эту работу выполнили быстро и профессионально. Каждому управляющему было выдано серьёзное материальное вознаграждение, а партийный комитет совхоза подготовил благодарственные письма. Кроме того, на этой же планёрке управляющим отделениями было предложено представить списки для материального поощрения всех рабочих, активно участвовавших в заготовке кормов, включая подростков.

– Не забудьте никого, – напутствовал секретарь партийного комитета, опытный и мудрый Ахат Шарифуллович Исянтаев.

– В списках должны быть башкиры и русские, чувашаи и татары, марийцы и украинцы, – поддержала его председатель профсоюзного комитета Хамия Ахтямова.

В тот же день было принято решение разрешить рабочим совхоза использовать малогабаритную сеноуборочную технику для заготовки сена на лугах и в пойме рек Ургаза и Уртазым. По этому поводу я издал приказ. Обязал довести его до сведения каждого и выполнить работу по заготовке кормов до начала уборки зерновых культур.

Вскоре на очередной планёрке было принято решение подготовить и вывести в поле 240 комбайнов с жатками ЖВН-6, ЖВН-10, и как только пшеница войдёт в фазу восковой спелости, в течение трёх-четырёх суток скосить её в валки на площади 32 тысячи гектаров.

Эта работа была сделана в срок. Каждое утро, выезжая в поле, я видел, что слева и справа, до самого горизонта и за ним тоже, от восточных отрогов хребта Ирэндик и до реки Урал (граница совхоза) лежит уже скошенная в вал-

ки пшеница. Это не лирика, это уже суровая реальность. Даже самые простые подсчёты показывали, что на земле, под открытым и совершенно не предсказуемым уральским небом лежит как минимум пятьдесят тысяч тонн лучшей в мире яровой пшеницы. Это был рискованный шаг. Теперь бы на такой поступок я не решился. Не восхищался я тогда этой впечатляющей картиной. Меня терзали, не оставляя ни на минуту, тяжёлые мысли. В любой момент мог пойти дождь, снег. Помню, когда мы проехали весь совхоз из конца в конец (это более семидесяти километров), первый секретарь обкома партии Мидхат Закирович Шакиров озабоченно спросил меня:

– Что же ты с этим думаешь делать?

– Убирать, Мидхат Закирович.

Что творилось у него в душе – не знаю. Но мне кажется, что он по-доброму завидовал моей молодости.

Ведущую роль в уборке хлеба сыграла хорошо отлаженная инженерная служба совхоза под руководством главного инженера совхоза, Героя Социалистического труда Василия Степановича Солонина. Именно он помог мне довести до каждого управляющего идею убрать хлеб на всей площади отдельным способом.

В.С. Солонин. С 1932 года – тракторист и комбайнёр.

С 1950 года заведующий–машинно-тракторной мастерской.

С 1952 года – главный инженер совхоза «Зилаирский».

За самоотверженный труд в годы Великой Отечественной войны награждён орденом Ленина, а в 1947 году ему присвоено звание Героя Социалистического труда.

Депутат Верховного Совета РСФСР.

Об этом мечтал Иван Ильич, и поплатился жизнью за свою мечту. Выступив на совещании в Министерстве сельского хозяйства Башкирии, он был подверг-

нут злобной, унижающей его достоинство критике. Возвратившись на квартиру к дочери после совещания, скоропостижно умер от обширного инфаркта. Хочу искренне сказать вам, мои читатели, что далеко не все управляющие и агрономы поддерживали мою идею убрать всю яровую пшеницу отдельным способом. Многие, прямо скажу, боялись ответственности и, исходя из своего опыта, желая мне добра, всё-таки отстаивали своё мнение.

И мне надо было выслушать всех. Человеку это необходимо. Научись уважать чужое мнение – и твоё тоже уважать будут. Это прописная истина.

В случае плохой погоды промокшие, прибитые дождём к земле хлебные валки уже не поднять. За несколько дней дождливой погоды зерно в валках прорастёт и испортится. И вот тогда наступит момент ответственности за недуманное решение, вплоть до уголовной. А пшеница, не скошенная в валки, оставаясь на корню, просохнет, и можно будет продолжить уборку вплоть до морозов, по морозам и даже весной, когда сойдёт снег. Потери при этом способе, безусловно, будут, зато можно на погоду сослаться.

– Осень пришла рано, погода была дождливая. Хлеб не убрал, ну и что ж, так его и другие не убрали! Правда, удобная ширма, за которой можно спрятаться? И хлеб оставил в поле, и голову под тяжёлый пресс не сунул! На Южном Урале так часто бывает, руководители хозяйств к этому привыкли. Зато, если будет сухая погода, скошенная в валки пшеница очень быстро высохнет, производительность комбайнов резко возрастет, что позволит выиграть у осени время. Комбайны будут быстро обмолачивать валки и отправлять на зерновой ток совершенно сухое, чистое, не требующее доработки зерно влажностью двенадцать-четырнадцать процентов. За это при сдаче его государству можно получить зачёт, на языке агрономов это называется бонификацией.

Забегу вперёд и скажу, что при сдаче зерна государству совхоз в том памятном 1972 году получил бонификацию более 600 т. Всю её раздали участникам уборки бесплатно.

– Рискует Анатолий Петрович, – качал седой головой управляющий крупным Октябрьским отделением, опытный и уважаемый человек, Пётр Петрович Оренбуркин.

– Ничего, всё будет нормально. Уберём хлеб быстро и без потерь, если погода будет сухая, – горячо убеждал сомневающихся молодой агроном самого крупного Сосновского отделения Фахрислам Галеевич Баишев. Впоследствии он стал управляющим этого отделения, награждён орденом «Знак Почёта».

– Курамиз хали канакабулады¹⁶. Еш хали¹⁷, – говорил своим единомышленникам опытный и осторожный участник Великой Отечественной войны, бесстрашный кавалерист сто двенадцатой Башкирской конной дивизии, прошедший всю войну Абрар Абдулхакович Клысов.

– Еш хали, – качал он седой головой, – а вдруг осень будет сырая?! Но, несмотря на колебания и разные мнения по вопросу способа уборки хлеба, я издал приказ, обязывающий провести уборку пшеницы на всей площади отдельным способом. Тем самым я снял ответственность с управляющих отделениями в случае провала этого метода и, естественно, взвалил её на себя.

– Вот это другое дело, – сказал по-русски управляющий Покровским отделением Мухамат Исяноманов, имеющий высшее сельскохозяйственное образование, и, спрятав приказ в кармане, недовольно по-башкирски добавил: «Шундай кил, шундай кил, кем жаван беради¹⁸».

Как и все управляющие, я хорошо знал, что погода на Южном Урале капризная и неустойчивая. В конце августа могут пойти затяжные дожди, а в начале сентября ударят морозы, выпадет снег, который не растает до весны. Я сам неоднократно видел, как дети, возвращаясь из школы первого сентября, катаются по замёрзшим лужам.

¹⁶Курамизхали канака булады – посмотрим ещё, что у него получится (баш.).

¹⁷Ешхали – молод ещё(баш.).

¹⁸Шундай кил, шундай кил, кем жаван беради – делай так, делай так... а кто отвечать будет? (баш.).

В ту памятную для меня осень стояла удивительно солнечная и тёплая погода, однако я знал, чувствовал, что вслед за тёплыми и сухими днями скоро придут сырые и холодные.

– Видел ли ты когда-нибудь, мой читатель, пшеничные поля по 1800-2000 гектаров каждое?

– Не приходилось, – скажут многие.

Да, это редкость. Средний размер поля в совхозе Зилаирский составлял 460 гектаров, а самое маленькое поле в Баишевском отделении – 180-200 гектаров.

Время стремительно бежало. Уже вся пшеница лежала в валках и быстро высыхала. Проехав весь совхоз из конца в конец, осмотрев поля, мы с главным инженером В.С. Солониным пришли к единому мнению: убирать и срочно! Уже поздним вечером я провёл планёрку. У всех было одно мнение: срочно начинать уборку. Было принято решение: силами всех, кто только может держать гаечный ключ в руках, переоборудовать за одни сутки двести сорок комбайнов, с косовицы на подбор просохших валков, решительно не теряя ни одного часа, вывести эту армию в поле.

Существенную помощь нам оказали пожилые механизаторы-пенсионеры – ветераны Великой Отечественной войны. Я видел измазанные в машинном масле их тёмные от загара руки и думал: «Они этими руками в годы тяжёлых испытаний одолели чудовищную военную машину Гитлера. Эти же руки в годы пятилеток создали мощный народнохозяйственный комплекс. Благодаря этим рукам мы учились в школах, институтах, академиях. По-другому бы сложилась судьба моего поколения, если бы не они. Большое спасибо Вам, что Вы и сейчас, дорогие мои, пришли на помощь».

По подсчётам мы должны были убирать не менее 2000 га в сутки и закончить уборку всех колосовых культур за 18-20 дней, примерно к 10-12 сентября.

Главный инженер совхоза В.С. Солонин и его инженерная служба успешно справились с заданием по выводу комбайнов в поле, и уже к вечеру следующего дня управляющие докладывали мне по телефону (раций и мобильных теле-

фонов у нас тогда не было), что утром следующего дня они начнут обмолот валков. Требовали прислать автомашины. Я выражаюсь мягко: «требовали». Нет, всё было совсем не так. На разных языках – башкирском, татарском, чувашском, мордовском – они брали меня за горло. Спасибо им за то, что они не были равнодушными к судьбе урожая и к моей тоже.

Автомашин катастрофически не хватало. В совхозном гараже было лишь 76 грузовиков, а комбайнов в поле – 240. Что же мне делать? Где искать выход из этого положения?

Каждому отделению выделялся из гаража совхоза автотранспорт. Но этого было явно недостаточно. Пришлось поставить трактора. Это был мобильный отряд «Кировцев» числом 25 единиц, которые мы получили в Ленинграде прямо с завода имени Кирова, воспользовавшись именем коммуниста Никифора Ивановича Сироткина, когда-то работавшего на заводе, а впоследствии, в 1929 году, по заданию партии создавшего совхоз «Зилаирский». Этот отряд под руководством механика, комсомольца Андрея Тарасова, перевёз от комбайнов на зернотока тысячи тонн зерна. Слаженно работали люди и техника, и у меня сложилась твердая уверенность в том, что мы закончим уборку в установленные сроки.

Я уже упоминал, что в совхозе работали люди разных национальностей. Не все из них хорошо знали русский язык, а некоторые совсем не говорили по-русски. Но мы очень хорошо понимали друг друга, и ещё и ещё раз я убедился, что хорошие слова, сказанные от всего сердца, понятны на всех языках. Нас всех таких разных, коммунистов и беспартийных, молодых и пожилых, русских и башкир, татар и чувашей объединяла одна цель, одна идея – убрать урожай, не допустить потерь. Родине был нужен свой хлеб, лучший в мире. Не поймёт, наверное, меня нынешнее поколение.

«В супермаркетах всё есть, была бы нефть, газ, лес, руды», – скажут они. «Не выгодно в России заниматься сельским хозяйством», – махнут рукой дру-

гие и сошлются на выводы маститых экономистов, окончивших учебные заведения за рубежом и имеющих двойное гражданство.

Мы теперь знаем, «как нам обустроить Россию», читали брошюру Александра Исаевича Солженицына, многозначительно с учёным видом выдадут нам с экрана телевизора трети, не менее уважаемые за рубежом люди, занимающие высокие посты.

Не стану я развивать эту тему глубже, скажу лишь, и это факт – Россия на долгие годы попала в продовольственную и иную зависимость от капиталистических стран. Вот и «обустроили»! Извините за отклонение от темы и возвратимся в совхоз, где идёт уборка хлеба.

Обмолот валков зерновых культур раздельным способом

В каждом отделении, по замыслу Василия Степановича Солонина, были организованы мобильные автомастерские, укомплектованные опытными мастерами-наладчиками, большинство из которых были участниками Великой Отечественной войны. Характерно, что они никогда не задавали мне вопросов: «А сколько нам заплатят?».

Непосредственно в поле производилась заправка комбайнов топливом. Отдельные механизаторы (комсомольцы Борис Фролов из Октябрьского отделе-

ния, Риза Яхин из Сосновского отделения, Сарвар Давлеткулов из Баишевского отделения) установили на своих комбайнах дополнительно ещё по одному баку для топлива, что позволило им опередить своих товарищей и намолотить по 2,5–3,0 тысячи тонн зерна. Все они были награждены орденами Ленина.

В 1973 году я вместе с ними и другими ребятами по туристической путёвке за счёт совхоза ездил отдыхать в Югославию, в пансионат на Адриатическом море. Об этой увлекательной поездке я написал «Путёвые заметки», опубликованные в печати, и предложу их тебе, мой читатель, на страницах этой книги чуть позже, а сейчас продолжим рассказ об уборке урожая.

Несколько слов скажу об идеологическом обеспечении уборки урожая. Разумное сочетание материальных и моральных стимулов творили тогда чудеса. Партийным комитетом совхоза, опытным секретарём парткома Ахатом Шарифулловичем Исянтаевым были разработаны условия социалистического соревнования. Широко применялись благодарственные письма в адрес семей победителей.

Простыми словами на русском, башкирском и татарском языках сообщалось всем членам семьи (жене, детям, матери), что их муж, отец, сын или старший брат добился таких-то успехов, ему выделяется такая-то денежная премия и выдаётся столько-то центнеров или тонн пшеницы бесплатно. Основанием для получения поощрения служит это письмо, достаточно лишь предъявить его в бухгалтерию совхоза или отделения по месту жительства. Кроме благодарственных писем лучших работников награждали Почётными грамотами, которые вручались непосредственно в поле. Ежедневно подводились итоги работы, индивидуально вручались переходящие Красные вымпелы, а первенство между отделениями отмечалось переходящим Красным Знаменем.

Очень интересны были написанные на двух языках лозунги и призывы. Как правило, они были вывешены на полевых станах, где все участники жатвы получали двухразовое горячее питание за счёт совхоза.

На бункерах комбайнов по случаю намолота каждых 100 тонн рисовалась красная звезда: за это выдавалась бесплатно 1 тонна отборной пшеницы. Многие комбайнёры по итогам уборки этого памятного года получили до 15 тонн зерна, а Риза Яхин, Борис Фролов, Сарвар Давлеткулов, М. Гайсин, Василий Родионов, Пётр Горячкин и другие за сезон в том году получили бесплатно до 20 тонн пшеницы каждый.

К вышесказанному добавлю то, что узнал недавно, когда уже начал писать книгу. Оказывается, Риза Хажиахметович Яхин стал Героем Социалистического труда, лауреатом Государственной Премии СССР, делегатом XXV-XXVI-XXVII съездов КПСС, депутатом 10 и 11 созывов Верховного Совета РСФСР. В 1976 году, применяя новые методы, намолотил своим комбайном за один сезон три тысячи тонн зерна.

Риза Хажиахметович Яхин

Минигали Гайсин получил звание Заслуженного механизатора Башкирии, стал лауреатом премии Ленинского комсомола.

А теперь позволю себе привести по памяти всего лишь один лозунг на русском и башкирском языках: они красовались почти на каждом комбайне.

«Не уйду с поля, пока не сделаю норму!». То же самое на башкирском: «Нормани божармолдан даладан кетмайман!»

Видишь, как всё просто. Прочтёшь такой лозунг на бункере комбайна и, поверь мне, хочешь от души пожать руку рабочему человеку. А сколько шуток во время обеда, бывало, услышишь по этому поводу: «Альфия, не давай Гарифулле бишбармак, он сегодня не заработал. Налей ему чая без сахара». Или другая:

«Сания, пусть Ахмет сегодня кушает сельповский хлеб (хлеб районного завода) – он весь день простоял на краю поля, а его хлеб из совхозной пекарни отдай Михаилу. Он сегодня сделал две нормы. Одну за себя, а вторую за Ахмета».

В том памятном 1972 году в совхоз дважды приезжал Мидхат Закирович Шакиров. Первый раз во время заготовки кормов, вскоре после смерти директора И.И. Симонова, второй раз – во время уборки урожая. Расскажу подробнее, как это было. Помню: еще в первый приезд, когда полным ходом шла заготовка кормов, он, проезжая мимо убранных полей, строго спросил:

– А где же сено, поле ведь убрано?

– На кормовом дворе уже, мы не будем в этом году оставлять сено в поле, зимой его трудно вывезти и потери большие, – смело пояснил я. Как будто передо мной был не член ЦК КПСС, не первый секретарь Башкирского обкома, а просто старший товарищ. – Давайте заедем на любой кормовой двор, и вы увидите всё сами.

Мы заехали на кормовой двор Центрального отделения. В огромных скирдах длиной по пятьдесят метров каждая лежало сухое, чистое сено, ещё не утратившее запах луга.

– Сколько же здесь тонн? – спросил он управляющего отделением Леонида Алексеевича Власова.

– А вот здесь всё указано, – и он вытащил из скирды дощечку, на которой было написано: «Длина – 50 м, ширина – 8 м, высота – 6 м, объём – 2400 м³, вес – 240 т»

– Вы каждый год так хранили?

– Нет. В первый раз: видите, мы ещё даже изгородь не закончили делать.

Следуя по грунтовой дороге в совхоз «Сибайский», мы заехали на кормовой двор Сосновского отделения. Здесь было всё точно так же.

Мидхат Закирович запустил руку в скирду, вытащил пучок сена. Стоявший рядом агроном отделения Фахрислам Галеевич Баишев, сказал ему на родном языке: «Сяй дамла мумкинли¹⁹».

Сопровождающий нас секретарь парткома Ахат Шарифуллович Исянтаев добавил: «Деликатес», при этом ударение поставил над буквой «а».

Гусеничный трактор с искрогасителем на выхлопной трубе деловито опахивал кормовой двор. Уже покидая совхоз, он вдруг спросил у меня, почему до сих пор не скошена трава вдоль дороги, где проходила телефонная линия, и рядом с лесополосой.

– Это мелкие массивы, на них невозможно применить уборочный комплекс. С этих площадей уберут травы рабочие совхоза для своего личного скота: я им так обещал на общесовхозном собрании.

Как мне показалось, мой ответ его удовлетворил. Через несколько минут мы подъехали к границе совхоза «Сибайский», где первого встречал директор совхоза Петр Николаевич Селезнёв²⁰. Прощаясь, Мидхат Закирович подал мне руку, пожелал успехов, пообещав, что приедет, когда начнется уборка зерновых. Через несколько минут их машина ушла, а я, посмотрев на часы, поехал в Покровское отделение, где меня уже ждал управляющий отделением Исянаманов.

Второй раз Мидхат Закирович приехал во время уборки зерновых культур. Я встретил первого на границе Хайбулинского района, граничащего с нашим совхозом. Мы проехали несколько отделений, и, увидев, что зерновые тока полностью забиты хлебом, а зерно уже ссыпают на вновь подготовленные земляные полосы, он строго спросил:

– Почему ты не сдаёшь хлеб государству?

– Не могу этого сделать, у меня катастрофически не хватает транспорта. Главное сейчас – убрать хлеб с поля. С зерновых токов и временных площадок зерно можно увезти позже. Если я сниму на вывозку зерна хотя бы десять авто-

¹⁹ Чай заваривать можно (башк.).

²⁰ Заслуженный агроном БА ССР Пётр Николаевич Селезнёв награждён орденами «Знак Почёта», «Трудового Красного Знамени».

машин, они в течение дня увезут на элеватор всего 40-50 тонн. Комбайны, оставшиеся без транспорта, будут простаивать с полными бункерами. Что обо мне скажут комбайнёры? Зачем тогда нужно было организовывать социалистическое соревнование между ними, придумывать всякие лозунги и не работающие призывы? Нет, снимать транспорт с поля ни в коем случае нельзя, это значит оставить хлеб в поле. Как только убегу валки, сразу весь автотранспорт поставлю на вывозку зерна на Сибайский элеватор.

Мой ответ явно озадачил первого. Так смело разговаривать с ним, даже когда я стал первым секретарём райкома, я себе никогда не позволял.

– За сколько дней ты рассчитываешь убрать валки с полей?

– По нашим расчётам, все колосовые зерновые будут убраны за 18-20 дней.

Примерно 10-12 сентября всё будет закончено.

– Сколько зерна совхоз планирует сдать государству?

– Мы хотим сдать 31 тысячу тонн и выполнить государственный план.

– Будет ли сверхплановая сдача и сколько тонн?

– Да, мы можем в счёт следующего года пятилетки сдать ещё пять тысяч тонн. Но для этого надо сначала поднять и обмолотить валки.

Проезжая мимо зернотока Сосновского отделения (это было самое крупное отделение, площадь сельскохозяйственных угодий в нём составляет более 12 тысяч гектаров – в ином совхозе нет такой площади), мы по просьбе первого секретаря обкома заехали на территорию зернотока. Поверьте мне, это была впечатляющая картина. Зерноток напоминал громадный улей, в котором вместо пчёл трудились машины и люди. Друг за другом въезжали грузовики с зерном. Завывая турбиной, проходили, минуя весы, тяжёлые, мощные К-700 с громадными телегами, в которых было по 15-20 тонн зерна. Ровно гудели ленточные транспортеры, поднимая пшеницу в бурты на высоту до 5 метров. Отдельно от всех работали ОСМ-1,2, очищая семена для будущего урожая.

Осмотрев зерноток, Мидхат Закирович подошёл к большому деревянному щиту, рядом с которым стояла мачта с красным флагом. На щите были выведе-

шены условия социалистического соревнования, порядок подведения итогов. Крупным текстом, чтобы мог прочесть каждый, сообщалось о суммах материальных вознаграждений победителям.

Председатель профсоюзного комитета совхоза Хамия Ахтямова кратко, со знанием дела, объяснила порядок подведения итогов социалистического соревнования. Особенно интересной была её информация о вручении красных вымпелов, благодарственных писем и материальном стимулировании победителей. Кроме денежных вознаграждений передовики получали широкий ассортимент товаров народного потребления: орские холодильники, сепараторы, швейные машины, радиоприёмники, электробритвы и другие товары.²¹ «Какая же она умница!», – слушая её, думал я.

Покидая зерноток, Мидхат Закирович пожелал успехов всем работникам этого дружного коллектива. Управляющему отделением Ивану Николаевичу Малову предложил сесть в обкомовскую «Волгу» и проехать к полю, где, подбирая валки, работали комбайны.²² Обмолот шёл на поле, площадь которого была 2000 гектаров. Водитель подъехал к одному из работающих комбайнов. На бункере комбайна СК-4 было уже 25 звёзд (2500 тонн) и красовался лозунг на башкирском языке: «Не уйду с поля, пока не сделаю норму».

Комбайнёр Риза Хажиахметович Яхин, не торопясь, сошёл с мостика. Поздоровавшись с ним и взглянув на лозунг, первый спросил серьёзно:

– Какой результат сегодня?

– Норму уже сделал, – и, взглянув на часы, добавил, – две нормы будет точно.

– Как Вы добиваетесь таких результатов?

– У меня два бака с топливом, и я выгружаю зерно, не останавливая комбайн, на ходу. В течение дня набегает 1,5-2 часа. Своевременно делаю техуходы, поломки устраняем с наладчиками, техпомощь всегда приходит вовремя.

²¹ До сих пор у меня безотказно работает холодильник «Орск». Наверное, у вас тоже, у бабушки или родственников. Умели делать!

²² Малов И.Н. по итогам 9 пятилетки награждён орденом Трудового Красного Знамени.

– Нет ли простоев комбайнов? – спросил Мидхат Закирович механизатора.

– Простоев нет, посмотрите, – и он указал на стоявшую невдалеке огромную, 20-тонную телегу трактора К-700.- Это бункер-накопитель, – пояснил он, – если по какой-то причине опаздывает автомашина, мы выгружаем зерно в накопитель, оставляя вот этот жетон на борту.

Никто и не помышлял тогда положить «пустой» жетон.

– Как организовано питание комбайнеров и водителей?

– Два раза в день на полевой кухне мы получаем горячую пищу. Обед у нас с 13 до 14 часов, ужин с 19 до 20 часов.

– До которого часа вы работаете вечером?

– Раньше 12 часов ночи никто не уходит с поля. Всё зависит от того, когда упадет роса, иногда работаем почти до утра.

Как бы проверяя информацию Ахтямовой, первый спросил:

– Когда подводятся итоги соревнования?

– Ежедневно в период, когда мы обедаем, – ответил Риза Яхин.

Он был лучшим комбайнером совхоза, очень хорошо говорил по-русски, грамотно строил предложения. По моему мнению, он просто очаровал первого. Бывают ведь такие люди, от общения с которыми душа поет. Попрощавшись, Мидхат Закирович пожал ему руку и пожелал успехов. Проезжая мимо полей Култубанского отделения, где в валках лежало еще около 3000 гектаров пшеницы, мы заехали на полевой стан. В большом чугунном казане над костром готовился ужин для работающих на уборке. Подойдя к женщине, чистящей картошку, первый спросил:

– Что будет сегодня на ужин?

– Домашняя лапша с мясом и чай.

– Сколько стоит обед и ужин, – спросил он управляющего отделением В.П. Мочалкина.

– Обед и ужин бесплатно, за счет совхоза (впоследствии по результатам 9 пятилетки управляющий был награжден орденом Трудового Красного Знаме-

ни). Заслуженный агроном БАССР Е.Д. Недопекина обстоятельно доложила, что уборку они проведут за 16-17 дней (по итогам 9 пятилетки она была награждена орденом «Знак Почёта»).

– Надо за 10-12, – сказал Мидхат Закирович.

– Тогда дайте еще комбайны, – попросила Екатерина Дмитриевна.

– Сколько комбайнов дополнительно надо совхозу? – спросил он, обращаясь ко мне.

– Хотя бы 70, – ответил я, не задумываясь.

– Почему не 100, – заметил он, как мне показалось, с иронией.

– Мне нужно хотя бы 70, – повторил я и пояснил, – 30 уйдут на замену старых СК-2, а 40 – для пополнения парка, чтобы завершить работу в установленные вами же сроки (эти расчеты я сделал по ходу беседы).

– Владимир Леонидович, – обратился он к председателю Государственного комитета БАССР по производственно-техническому обеспечению сельского хозяйства товарищу Воюшину, – выделите совхозу срочно 50 комбайнов, с подборщиками. Есть такая возможность?

В.Л. Воюшин впоследствии стал вторым секретарём Башкирского обкома КПСС. Депутат Верховного Совета РСФСР. Награждён орденом Октябрьской революции. Проживает в Уфе.

– Да, на станции Дема стоит эшелон с комбайнами, прибывший из Ростова-на-Дону.

– Вот и переадресуйте его в Сибай. Через сколько дней комбайны будут на месте?

– Через 2-3 дня, – ответил Воюшин и что-то отметил в своем блокноте.

– Раис Имамович, – обратился высокий гость к первому секретарю Баймакского райкома партии, – доложите мне, как только совхоз их получит.

– Мидхат Закирович, еще есть просьба, – сказал я, – дайте автоколонну для вывозки зерна на элеватор в город Сибай в счёт выполнения плана сдачи хлеба государству. Все зернотока забиты зерном, ссыпать уже некуда, вы это видели сами.

– Сколько вам надо автомашин?

– По моим расчетам, чтобы сдать государству 36000 т зерна, как вы сказали к 10 сентября, нам надо 200 грузовых автомашин в пересчёте на пятитонные.

– У меня нет такого количества автомашин, но автоколонну из 150 автомашин из города Электросталь, выделенную нам Совмином СССР, дадим. Ждите.

– Спасибо, это уже помощь, но хотелось бы все-таки 200.

– Не могу, нет у меня такой возможности. Кстати, а какие у Вас отношения с директором медно-серного комбината Иваном Ивановичем Коркиным?

– После смерти Ивана Ильича я у него ни разу не был.

– Вот и будет повод встретиться, завтра поезжайте к нему. Попросите у него «Кразы» и «Татры», я переговорю.

– Хорошо, я завтра утром буду на комбинате у Коркина.

На следующий день, в 8 часов утра я вошел в кабинет директора крупнейшего в мире медно-серного комбината. Он встретил меня приветливо, расспросил о последних днях своего товарища Ивана Ильича, как он умер, где и кем похоронен.

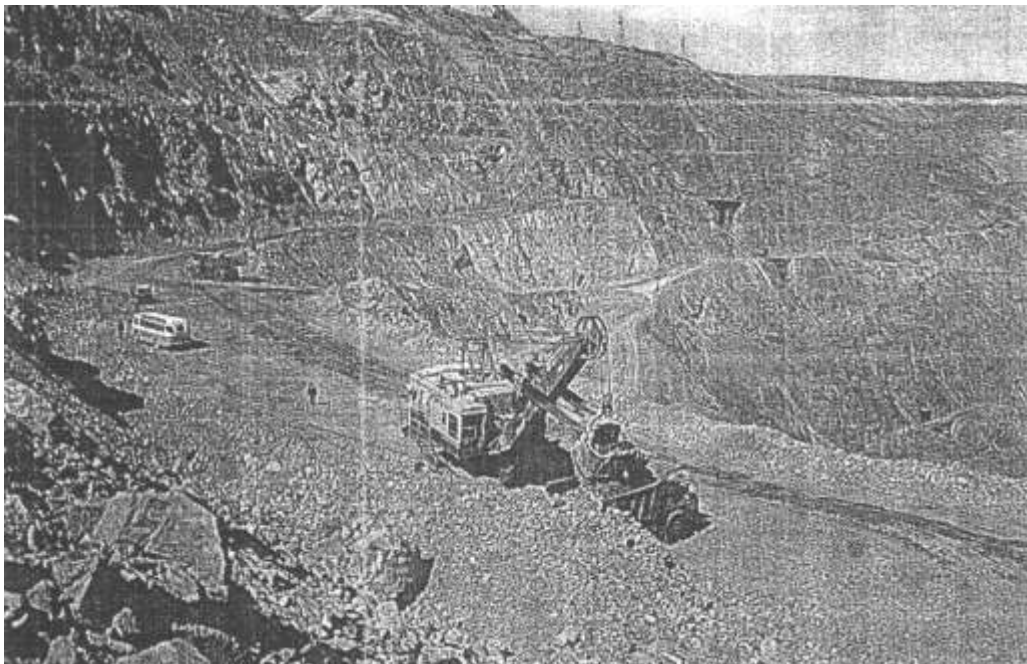
Я ему все рассказал. Иван Иванович встал, открыл сейф, достал бутылку водки, и мы выпили за упокой души его друга и моего наставника. «Прощай, Иван Ильич», – беззвучно шептали мои губы». Помолчав немного, он предложил мне проехать с ним на карьер, где добывался и вывозился на обогатитель-

ную фабрику медный колчедан. Вошедшему в кабинет главному инженеру Симакову Петру Георгиевичу сказал:

– Сейчас мы с Анатолием Петровичем поедem в карьер, а вы в 10 часов 30 минут пригласите на совещание автомехаников, бригадиров и заведующего автогаражом. Надо помочь вывезти 20 тысяч тонн пшеницы на элеватор.

Как я рад был услышать эти слова! Как будто тяжёлый груз свалился.

То, что я увидел в карьере комбината, описать невозможно, но всё-таки в общих чертах попробую это сделать.

Башкирская АССР. Сибай. Карьер ордена Трудового Красного Знамени Башкирского медно-серного комбината

Представьте себе воронку диаметром 10-12 км в верхней её части и глубиной более 800 метров. По стенам этого гигантского усечённого конуса, как змея, уползающая в пропасть, вьётся серая лента серпантина. Угол его уклона такой, что сверху кажется, будто это ровная дорога. Глядя вниз, я заметил, что в карьере на вывозке руды работают различные марки автомашин. Мощные и неторопливые пятидесятитонные «Белазы», тяжёлые двадцатипятитонные «Кразы» и стремительные, летящие по серпантину, словно птицы, чехословацкие «Татры».

Зачарованно глядя в пропасть карьера, я видел, как далеко внизу у меня на глазах пятидесятитонные «Белазы» из великанов превращались в спичечные коробки, а громадный экскаватор, загружающий в их широкие кузова руду, казался мне маленьким жуком. С интервалом не более одной минуты грузовики один за другим подходили на погрузку. Я был потрясен такой четкой организацией труда. Взглянув на часы, Иван Иванович сказал: «Анатолий Петрович, нам пора ехать».

А я стоял, смотрел в карьер и не хотел уходить. Что-то особенное, необъяснимо магнетическое испытывал я в эти минуты.

– Поехали, Анатолий Петрович, – настойчиво повторил Иван Иванович, нам пора на совещание, нас уже ждут, и он взял меня за руку.

Он был участником Великой Отечественной войны, и я в свои тридцать лет годился ему в сыновья. Подспудно я чувствовал к себе его отеческое отношение.

– Приезжай позже, когда закончишь уборку и сдашь хлеб государству, я разрешу тебе проехать на «Татре» по серпантину.

Возвратившись из карьера, мы вошли в пустую приёмную. Все его помощники во главе с главным инженером уже сидели в кабинете. Открыв дверь, он пропустил меня вперёд, и я почувствовал на себе внимательно изучающие меня взгляды. Наверное, я тогда растерялся и не знал, куда мне сесть. Иван Иванович, заметив мою растерянность, предложил мне сесть рядом с ним, сказав обо мне такие слова, которые придали мне силы и ещё сейчас живут в моей памяти.

– Наш карьер самый крупный в мире, об этом все знают, – сказал Иван Иванович.

– А вот этот молодой человек, – и он положил свою тёплую руку на моё плечо, – его зовут Анатолий Петрович, – он сделал паузу и совершенно серьёзно добавил, – он руководит самым крупным в мире совхозом «Зилаирский». Иван Ильич умер, – все молча встали. – В каком-то роде хоть профиль работы у

нас разный – мы – гиганты. Гигант обязан в трудную минуту помочь гиганту, карлик ему не поможет.

Представляете, какое было у меня состояние, когда я услышал из уст этого уважаемого человека сказанное в мой адрес?! Поверьте, говорю совершенно искренне. Я даже не представлял и не думал, что являюсь руководителем такого масштаба. И лишь по пути в совхоз я до конца осознал сказанное. Действительно, в РСФСР совхозу «Зилаирский» не было равных. Ни по площади, ни по объему производства. А если учесть, что в капиталистических странах вообще нет крупных хозяйств, а в соцстранах были карликовые госхозы, то он был, безусловно, прав.

– Анатолий Петрович, о чем вы хотите нас попросить, какая вам нужна помощь? – сказал Иван Иванович.

– На токах совхоза в настоящее время лежит 20000 т зерна под открытым небом. В ближайшие дни поступит еще около 40000 т пшеницы. В любой день может пойти дождь, и хлеб будет испорчен. Помогите мне вывезти его на Сибайский элеватор, – несмело попросил я присутствующих и добавил: «Первый секретарь обкома партии товарищ Шакиров установил мне срок сдачи хлеба государству до 12-15 сентября. В связи с тем, что весь совхозный транспорт обслуживает комбайны, я просто бессилён выполнить его поручение. Помогите мне поднять эту неподъемную ношу».

– Мы можем вам выделить на перевозку хлеба 20-25 Кразов в сутки, а в субботные и воскресные дни можем их число удвоить.

– Но как вы их загрузите? – обратился ко мне главный инженер комбината Петр Георгиевич Симаков.

– Я видел, какая у вас четкая организация труда, и уже сделал расчеты. Начнем возить хлеб с Сосновского отделения. Время в пути до отделения – один час, 30 минут уйдет на погрузку «Краза», 10 минут – на маневрирование, таким образом, – заключил я, – подавайте «Кразы» и «Татры» с интервалом 40 минут. В этом случае простои в ожидании погрузки и маневрирование составят

всего 10 минут. Пусть подходят по одному, а не по 5-6 единиц сразу, и простоев в ожидании погрузки не будет. Завтра мы сделаем нужный для этих целей погрузчик, а послезавтра во второй половине дня можете подавать автотранспорт по одному с интервалом 40 минут. Ни у Вас, ни у совхоза не будет проблем.

Через два дня с интервалом в один час стали приходить «Кразы» и «Татры». Мы были уже готовы к их погрузке. Сдача хлеба государству началась. Об этом я доложил первому секретарю Баймакского райкома партии Р.И. Имамову. Вскоре прибыли 70 зерновых комбайнов СК-4, хотя мне было обещано только 50, а через несколько дней прибыла в совхоз на уборку урожая автоколонна из г. Электросталь Московской области – 150 автомобилей.

Это была победа. Однако этот отлаженный процесс сдачи хлеба государству вскоре нарушился: появилось третье звено – элеватор. Все попытки отрегулировать начатое дело не имели успеха. Единственный в районе совхоз «Зилаирский» убрал полностью урожай в хорошую погоду, выполнил государственный план. Сдал 36000 т зерна, в полном объеме засыпал семенные и фуражные фонды. Остальные хозяйства, применяя прямое комбайнирование, убрали урожай по морозу, а некоторые колхозы – весной, перед посевом. О преимуществах отдельного способа уборки я написал несколько статей в союзные журналы.

Когда убрали последние гектары в Карамалинском отделении, вдруг потемнело осеннее небо, а на вершине священной горы Балта-Тау за клубился туман. Исчез из виду аул Баймурза у ее подножия, где проживал мой знакомый старик Сайфулла. С ним мы однажды (виртуально) совершили экскурсию в глубокую шахту, где во время Великой Отечественной войны добывалось золото. Сайфулла был единственным оставшимся в живых из всех его товарищей, которые были мобилизованы райвоенкоматом на работу в шахту. Рассказ Сайфуллы «Ты не пойдёшь на фронт» я предложу позже. Извините, отвлекся.

Стоявший со мной рядом управляющий Карамалинским отделением А.А. Клысов, глядя на Балта-тау²³, у подножия которой находился аул Карамалла, где он вырос и прожил всю жизнь, сказал:

– Анатолий Петрович, не будет в этом году больше хорошей погоды, Аллахум Худо Сани Тарафинга Эдди.

– Юк, иккаламиз тамонда, – сказал я ему, и добавил, – Иншала.

Обнял пожилого, уже совсем седого человека, и мы крепко, больше не говоря ни слова, пожали друг другу руки. Ночью пошел затяжной холодный дождь. Началась сырая осень. Вскоре выпал снег, вслед за ним пришла ранняя суровая зима.

Таким мне запомнился 1972 год, который стал первой вехой в моей беспокойной жизни. Всё только начиналось...

1.5. СЕРПАНТИН СИБАЙСКОГО КАРЬЕРА

В восточном предгорье Южного Урала, там, где увалы хребта Ирэндик плавно переходят в Западно-Сибирскую равнину, на границе Европы и Азии расположен город Сибай. В 1948 году здесь был построен Башкирский медно-серный комбинат. Неотъемлемой частью комбината является его карьер – крупнейший в мире. За период с 1948 года по 1998 год комбинат выдал более пятисот шестидесяти тысяч тонн меди, девятисот тонн цинка. Доля комбината в Российском производстве меди составляла в те годы более 20 процентов. Около тысячи тружеников предприятия за тот период были награждены орденами и медалями нашей Родины.

Директор комбината Иван Иванович Коркин имел орден Ленина, а главный инженер П.Г. Симаков – орден Октябрьской Революции. Коллектив десятки раз

²³Балта-тау–топор гора, Биик-тау- большая гора, Аллахум Худо Сани Тарафинга Эдди- Аллах был на твоей стороне, Юк, иккаламиз тамонда- нет, на нашей с тобой (башк).

выходил победителем во Всесоюзном социалистическом соревновании среди предприятий цветной металлургии.

В восьмидесятых годах на руднике впервые в нашей стране был введен в эксплуатацию скиповый подъемник грузоподъемностью сорок тонн, предназначенный для транспортировки горной массы из карьера на поверхность. В широких масштабах стал внедряться комбинированный способ транспортировки руды на железнодорожном транспорте. Эти новшества позволили освободить сотни водителей «Кразов», «Белазов», чехословацких «Татр» от тяжелого и рискованного труда. В настоящее время объемы добычи меди на комбинате существенно сократились, забыты имена героев труда и других его достойных тружеников.

Вот что, мой читатель, я хочу рассказать. Однажды, уже осенью, после сдачи хлеба государству, я заехал на комбинат, чтобы сказать Ивану Ивановичу спасибо за оказанную мне помощь в вывозке хлеба на Сибайский элеватор. Тридцать шесть тысяч тонн добротной пшеницы мы вывезли вместе с ним в 1972 году в закрома любимой Родины. Чувство бесконечной благодарности испытывал я к нему. Именно он помог мне выполнить в установленные сроки задание первого секретаря Башкирского обкома партии М.З. Шакирова.

С разрешения секретаря я вошел в просторный кабинет, тот самый, в котором я еще недавно просил помочь мне вывезти хлеб. Мы поздоровались. Иван Иванович расспросил меня о делах в совхозе, поинтересовался, есть ли у меня проблемы и какая у меня к нему просьба. Я поблагодарил его за помощь.

– Не желаешь ли ты, Анатолий Петрович, проехать по серпантину на чехословацкой «Татре» с инструктором? Помнится, я обещал тебе эту увлекательную экскурсию. Не передумал? – спросил он меня.

– Очень даже желаю промчатся на «Татре» по серпантину. Я даже хотел попросить вас, Иван Иванович, разрешить мне эту поездку сегодня.

– А как у тебя с вестибулярным аппаратом?

– Проблем у меня нет. На ЛИ-2 в любую «болтанку», когда самолет пересекает Уральский хребет, я не испытываю неудобств. Даже когда он вдруг проваливается в глубокую «воздушную яму», я чувствую себя хорошо.

– Мы недавно получили из Чехословакии новые «Татры», – продолжил он, – и сегодня принимаем на работу водителей. Так что ты прибыл вовремя. Давайте попросим инструктора Эрику проверить тебя, как будущего водителя, на профессиональную пригодность. Кто знает, а может тебе понравится, – и он многозначительно посмотрел на автомеханика.

– Не возражаешь? Авось в жизни пригодится, а вдруг в Чехословакию захочешь уехать, такие случаи у нас уже были.

В автогараже перед выездом на серпантин мне, как и всем пришедшим на испытание водителям, медсестра измерила артериальное давление. Записала в журнал фамилию, имя, отчество, поставила дату и сказала автомеханику: «Нормально».

Испытуемых водителей было человек 10-12, все они были молодые ребята, недавно вернувшиеся со службы в армии.

– Поехали, ты будешь первым, – сказал мне автомеханик.

У новенькой серебристого цвета «Татры» нас ожидала высокая белокурая, очень симпатичная девушка.

«Наверное, это самая красивая в Чехословакии девушка», – глядя на неё, подумал я.

Ладно сидевший на ее крепкой фигуре спортивный голубой костюм и такого же цвета берет подчеркивали её красоту и элегантность.

– Эрика, – по-русски обратился к ней механик, – прокатите товарища по серпантину с ветерком. Крепкий парень!

Мы познакомились, и она протянула мне руку. Я тогда еще не знал, что в отличие от других автомашин, работающих в карьере, «Татра» имеет воздушное охлаждение и поэтому, чтобы не перегреть мотор, она не просто движется, а стремительно летит по серпантину, как птица.

Мы сели в машину. Эрика опустила предохранитель, и дверь с моей стороны наглухо закрылась. Откровенно скажу, меня это позабавило. В кабине «Татры» было просторно и чисто. Пахло заграничными духами. Позади, у нее за спиной, на тонком шелковом шнурке висела яркая детская игрушка. Заметив, что я глянул вниз, Эрика сказала: «Не смотрите туда!», – и указала в пропасть карьера.

«Татра», подчиняясь её рукам, плавно тронулась с места, в мгновение набрала скорость, и уже через несколько секунд мы были в начале серпантина.

Серпантинны Сибайского карьера

– Анатолий, давно ли вы работаете водителем? Какой у Вас стаж работы?

Я ответил что-то невразумительное. Вскоре мы разговорились. Она сказала мне, что живет в Чехословакии. Но дома бывает мало.

– Часто езжу в другие страны. Недавно была в Чили, там почти такой же карьер, чуть поменьше. Часто бываю в Италии. Италия покупает у нас «Татры», и

я еду туда инструктировать. Вчера вечером самолетом из Уфы я прилетела в Сибай, чтобы проинструктировать ваших водителей. Надо показать им, в каком режиме лучше всего работают наши новые «Татры», – рассказывала Эрика. Она прекрасно говорила по-русски, была приветлива и обаятельна. У нее был удивительно красивый голос, с мягким, как бы прибалтийским акцентом.

Уже через несколько минут я пожалел о своем легкомысленном поступке. «Татра» стремительно набирала скорость, и мне уже казалось, что я сижу не в кабине автомашины, а в салоне лайнера, который вот-вот оторвется от взлетной полосы. Витки становились короче, а спуск – круче. На очередном витке серпантина, глянув в низ, я сжался в комок и вдруг почувствовал, что как будто проваливаюсь в глубокую яму. Дыхание остановилось, к горлу подкатил противный тошнотворный комок, и я невольно воскликнул: «О, господи!»

Мне казалось: еще миг, и если не на этом, так на следующем витке мы обязательно сорвемся в пропасть, на дне которой работал огромный с большим ковшем экскаватор, а рядом с ним стояли «Белазы», ожидая погрузки. Поверьте мне, перелет через главный хребет Урал-Тау на транспортном двухмоторном ЛИ-2 даже в самую жестокую болтанку казался мне теперь просто детской забавой.

Услышав мой возглас, Эрика участливо спросила:

– Анатолий, как вы себя чувствуете?

Откровенно признаюсь вам, что в тот момент я жалел, что на белый свет родился.

– Может, вернемся? Спуск только начался. Мы можем перейти на другую, ведущую вверх спираль серпантина и вернуться в гараж.

– Нет, Эрика, поедем до конца, – сказал я, сделав очередной глубокий вдох.

Добавив еще скорости и обойдя экскаватор, мы вышли на спираль, ведущую вверх. Вскоре я справился со своим состоянием и взял себя в руки. Обратный путь мне показался легче, я уже спокойно смотрел в глубину карьера и восхищался умению Эрики вести машину. Мне уже не казался таким страш-

ным «полет» на «Татре» по серпантину, а пропасть карьера – такой глубокой. Согласно правилам испытуемый водитель после первой поездки обязан был пересест за руль «Татры» и в присутствии инструктора самостоятельно сделать три рейса.

– Спасибо, Эрика, – сказал я, выходя из машины.

– А вы разве больше не поедете? – спросила она улыбнувшись.

– Нет, Эрика, не могу. Извините (хотя у меня было желание кататься с ней по серпантину хоть целый день).

– Вам было плохо?

– Нет, Эрика, меня ждут другие дела.

За плечами у меня был совхоз площадью восемьдесят шесть тысяч гектаров, и я не мог позволить себе расслабиться.

– Еще раз Вам большое спасибо.

– Пожалуйста!

– До свидания, Эрика!

– До свидания.

И она на прощание протянула мне руку. Наверное, она догадалась, что я не собирался стать водителем.

– Как настроение? – широко и добродушно улыбаясь, спросил у меня автомеханик гаража, когда я подошел к нему попрощаться.

– Великолепное, я был просто в восторге, – сказал я как можно бодрее.

Механик, как мне показалось, странно посмотрел на меня и сказал:

– Лишь два человека из десяти испытуемых водителей оформляются на работу после поездки с инструктором на «Татре». Остальные, к сожалению, уходят на другие машины.

– До свидания, – сказал я автомеханику, на прощанье пожал ему руку и пожелал успехов в подборе водителей.

Войдя в кабинет Ивана Ивановича, я поблагодарил его за экскурсию и пригласил в совхоз на торжества по случаю выполнения плана сдачи хлеба государству.

Рашид Исянгильдин, водитель служебной автомашины секретаря партийного комитета совхоза А.Ш. Исянтаева, узнав о моей поездке по серпантину, засмеялся и сказал, что не выдержал такой работы и через неделю уволился с комбината, хотя в армии был лихим шофёром.

Осенью 1973 года я был переведен на партийную работу. И с Иваном Ивановичем мы больше никогда не встречались. Но добрые воспоминания о нём, об этой увлекательной поездке по серпантину остались и живут в моей памяти до сих пор.

1.6. ТЫ НАСТУПИЛ НА ХВОСТ ЗМЕЕ

Так в предгорьях Урала говорят о том, кто неосторожным словом или суждением наживает себе неприятности. И я хочу поведать вам об одном случае в моей жизни, который надолго остался в моей памяти.

В июне 1973 года я был приглашен в райком партии на совещание руководителей и специалистов по уборке урожая. Первый секретарь райкома партии Р.И. Имамов предложил мне рассказать о преимуществах уборки зерновых культур отдельным способом. Конечно, как и в 1972 году, мы планировали в 1973 году, убрать урожай отдельно. Однако большинство руководителей хозяйств района считали метод отдельной уборки неприемлемым. Председатель одного, я бы сказал неплохого, колхоза, мешая русский и башкирский языки, прямо сказал мне:

– Не надо нас учить. Биринсе марта эмас шилаим. Еш хали²⁴!

Последнее было сказано явно в мой адрес.

²⁴ Не первый год работаем. Молод еще!

Руководители, выступавшие на совещании, убеждали Р.И. Имамова и начальника управления сельского хозяйства С.Б. Худайгулова, что не скошенную в валки пшеницу всегда можно убрать. Надо откровенно признать, что в известной степени они были правы. Раздельный способ уборки требует четкой организации труда. Лишь два директора – Р.М. Ялалетдинов и П.Н. Селезнев – сочли этот метод перспективным.

На этом совещании я никого не агитировал, сказал лишь в адрес руководителей, не желающих убирать хлеб таким способом:

– Убирайте, как хотите. Не уберете в этом году – закончите уборку в следующем, весной, перед посевом. У некоторых из вас это хорошо получилось в прошлом году. Удивляюсь, как до сих пор терпит вас райком и ещё не прогнали колхозники!

Мои слова и суждения вызвали бурю негодования среди отдельных руководителей. Подобный тон и нравоучения не позволял себе даже Р.И. Имамов, который был избран недавно и не был местным жителем. Некоторые руководители и специалисты, особенно из числа молодых и местных кадров, почувствовали себя незаслуженно оскорбленными. Начались, как сейчас говорят, «разборки» и нелिцеприятные разговоры. Некоторые затаили «глухую» обиду.

– Кто он такой? Откуда взялся? – говорили одни.

– Обойдемся и без них, – вторили им другие.

– Успокойтесь, ребята! – сказал я им довольно фамильярным тоном, – я не претендую на ваши места, а вам нечего делать на моём месте.

Тогда я не знал, что в скором времени, буквально через 2 месяца по решению обкома партии я стану претендентом на должность второго секретаря райкома, осуществляющего партийный контроль за развитием сельского хозяйства в районе.

Воистину правильно сказано: Не говори о людях плохо, и тогда ты не услышишь о себе в ответ еще хуже. Сидевший в президиуме первый секретарь Р.И. Имамов, как мне тогда показалось, был ошеломлен моей категоричностью.

После того памятного собрания я недолго проработал в совхозе. В конце августа, когда совхоз уже завершал уборку, позвонил Р.И. Имамов и сказал, чтобы я вылетел вечерним рейсом из г. Сибай в Уфу и утром, в 9 часов, был в обкоме КПСС у заведующего отделом организационно-партийной работы товарища Г.П. Федотова. На мой вопрос, зачем я вдруг понадобился товарищу Федотову, он коротко ответил:

– Там тебе все скажут. Не забудь взять с собой партбилет, – добавил он.

Утром, предъявив партбилет постовому милиционеру, я впервые в своей жизни перешагнул порог Башкирского обкома КПСС. В те времена в обком КПСС или СОВМИН мог войти каждый, достаточно было показать партийный билет. Никаких других документов тогда не требовалось. Беспартийные, получив пропуск и предъявив паспорт, могли беспрепятственно пройти в обком или СОВМИН. Таков был тогда порядок.

Поднявшись на второй этаж, я вошел в приемную заведующего отделом организационно-партийной работы Геннадия Петровича Федотова. Вскоре я был уже в его кабинете. О том, кто такой Федотов и чем занимается его отдел, я уже упоминал в рассказе «Доверие».

Побеседовав со мной о делах в совхозе, он спросил, часто ли я пишу в журналы и в каких изданиях есть мои работы. Я сказал, что сейчас пишу не часто, а лишь тогда, когда позволяет время, и пояснил, что некоторые мои работы есть в книжном фонде Башкирской республиканской библиотеки им. Н.К. Крупской, а также в Башкирском отраслевом территориальном центре научно-технической информации.

– А что, есть интересные работы? – осведомился Геннадий Петрович.

– Не знаю. Не мне судить о себе. Боюсь быть необъективным, – сказал я. – Вы, Геннадий Петрович, сами можете получить нужную информацию от этих учреждений.

Выслушав меня, он что-то отметил в своем ежедневнике. В заключение беседы поинтересовался, насколько хорошо я владею немецким языком, распро-

сил о моих родителях и ближайших родственниках. Я рассказал о себе и родителях всё что знал, ничего не утаил. Он спросил, насколько хорошо я уже владею башкирским языком. Ответив на все вопросы, я подумал, что обо мне ему известно многое, а уточнял он всего лишь для формальности.

– Сейчас возьми вот эту анкету, – он открыл сейф и подал мне бланк, – напиши всё так, как ты мне сейчас рассказал.

Просмотрев заполненную анкету и не задавая больше вопросов, предложил: «Посиди в приемной, а я схожу к Мидхату Закировичу».

Несмотря на то, что я уже встречался с первым секретарем обкома партии, сидя в приемной, я испытывал необъяснимое волнение. Вскоре я был приглашен в кабинет первого секретаря. За большим столом, уставленным множеством телефонов, я увидел совсем другого человека. Совсем не того, с которым я так смело разговаривал в совхозе. Прошло уже много лет, а я до сих пор не могу понять, куда девались моя прежняя смелость и уверенность. Ответив на мое приветствие, он поднялся из-за стола, подал руку и спросил, как дела в совхозе и когда будет завершена уборка. Задал еще несколько вопросов, на которые я ответил кратко.

На столе у него я заметил свое личное дело. У меня было такое чувство, что я нахожусь в каком-то непонятном пространстве в подвешенном состоянии.

Выслушав мои ответы, Мидхат Закирович объявил:

– Уборку хлеба завершат без вас. Мы рекомендуем вас вторым секретарем Баймакского райкома КПСС.

И, как бы опережая мой вопрос, продолжил:

– Второго секретаря Г.Г. Якупова мы направляем на учёбу в Москву, в высшую партийную школу при ЦК КПСС.

Обращаясь к Федотову, добавил:

– Геннадий Петрович, завтра вместе поезжайте в Баймак, проведите пленум райкома партии, держите меня в курсе дела.

А мне сказал кратко:

– Счастливого пути, успехов Вам, Анатолий Петрович.

Он крепко, по-отечески, пожал мне руку, глядя прямо в глаза, как будто заглядывая в душу.

Уже на следующий день, на пленуме, когда обсуждалась моя кандидатура, выступающий в прениях один из председателей колхозов задал обсуждению «нужный» тон. В присутствии Г.П. Федотова я узнал о себе больше, чем написал в анкете и знал о себе сам. Вот когда я в полной мере ощутил, что такое реакция змеи, которой неожиданно «наступили на хвост».

Сидевший в президиуме член бюро, директор Баймакского ОПХ Башкирского НИИСХ, участник Великой Отечественной войны, кавалер орденов Ленина, Октябрьской революции, Трудового Красного знамени, Отечественной войны 2 степени и многих медалей, Андрей Иванович Лукьянов вдруг спросил у одного из выступающих с критическими замечаниями в мой адрес:

– Скажи-ка, Салимьян, ты когда-нибудь раньше знал Анатолия Петровича? Или ты его где-то видел?

– Нет, – последовал ответ критикующего.

– Так почему же ты, Салимьян, – продолжил Андрей Иванович, – говоришь, не зная человека?

– Мне об этом рассказывал мой кум, – смутившись, объяснил Салимьян.

– А вот я, – продолжил Андрей Иванович, – знаю Анатолия Петровича с другой стороны, с гораздо лучшей.

Не стану я загружать вас, мои читатели хвалебными эпитетами в свой адрес, скажу лишь, что мне приятно было слышать хорошие отзывы о себе. «Нашелся хоть один человек и сказал обо мне доброе и воодушевляющее», – думалось мне тогда.

Сидевший в зале заведующий отделом организационно-партийной работы Амир Закирович Сайгафаров встал и, обратившись к членам райкома, сказал:

– Здесь в зале сидят коммунисты из ордена Ленина совхоза «Зиларский», но я от них никогда не слышал плохого об Анатолии Петровиче, и знаю его с лучшей стороны.

И он дал мне положительную характеристику.

Выступивший в прениях по моей кандидатуре директор Зилаирского совхоза Р.М. Ялалетдинов в заключение решительно сказал: «Прения нужно прекратить».

«За что мне такое испытание?» – думал я тогда. Мне хотелось встать и спросить у председателя колхоза, у Салимьяна и его единомышленников, дружно поливающих меня грязью на виду у всех: «За что вы меня так унижаете? В чем я провинился?» Хотелось даже закричать от душившей меня обиды. Но я молчал и не втягивался в дискуссию, в которую меня хотел втянуть «режиссёр». Я знал, что нет большего мужества, чем слышать оскорбления и не отвечать на них. Оставить эти оскорбления без ответа – вот самый правильный ответ.

Наверное, я тогда поступил правильно.

1 сентября 1973 года Постановлением XII пленума Баймакского РК КПСС я был избран вторым секретарем райкома. По окончании работы пленума я поблагодарил всех, кто поддержал меня. В адрес поливающих меня грязью сказал лишь:

– Аллах не простит вам этого–вы всю жизнь будете помнить и стыдиться своего поступка.

Услышав сказанное, некоторые из них усмехнулись, будто что-то колючее пряча под свою улыбку и, несколько смутившись, покинули зал. Но, не дойдя еще до выхода, один из них – Салимьян – вдруг быстро вернулся, взял меня за руку и тихо сказал по-татарски:

– Рахим итегез кичерегез²⁵.

²⁵Простите меня, пожалуйста.

– Рахмат Сау булыгыз²⁶, – так же по-татарски тихо ответил ему я, и мы пожали друг другу руки.

Все произошло так быстро, что никто и сообразить не успел, зачем он вернулся.

После пленума я, уже в должности второго секретаря райкома, вместе с активом возложил венок к памятнику В.И. Ленину.

Мы сфотографировались.

Партийно-советские работники Баймакского района возложили венок к памятнику В.И. Ленину. Слева пятый по счёту – А.И. Лукьянов, шестой – А.П. Пономарёв, седьмой – А.З. Сайгафаров, восьмой – Р.И.Имамов

Поверьте, мой читатель, сейчас, когда я смотрю на фотографию, понимаю, что ничего не бывает случайно. Не знаю кто – Бог, Будда или Аллах – поставил нас рядом. Слева от меня – А.И. Лукьянов, справа – А.З. Сайгафаров.

²⁶ Спасибо. Будьте здоровы.

А.И. Лукьянов вскоре стал моим наставником, заменив ушедшего из жизни И.И. Симонова.

Андрей Иванович Лукьянов родился в 1918 году. Его трудовая деятельность началась очень рано. В возрасте 14 лет он уже работал. В 1939 был призван в Советскую армию, где прослужил 8 лет. Принимал участие в войне с Германией и Японией. Вернувшись с фронта, без отрыва от производства получил сельскохозяйственное образование. Долгие годы работал директором Баймакского опытного хозяйства Башкирского НИИСХ. Был добрым советчиком и наставником молодых кадров. Родина высоко оценила его ратный и мирный труд. Он был награждён орденами

Ленина, Октябрьской революции, Трудового Красного знамени, Отечественной войны, 14-ю медалями правительства. Ему присвоены почётные звания «Почётный целинник» и «Заслуженный агроном Башкирской АССР». В возрасте 91 год Андрей Иванович ушёл из жизни. Светлые воспоминания о нём живут, и всегда будут жить в сердцах тех, кому посчастливилось с ним встретиться.

Завершив положенный ритуал, мы вошли в мой кабинет вместе с Геннадием Петровичем, и я услышал:

– Наконец-то я могу тебя поздравить с избранием! – сказал он с облегчением в голосе и крепко пожал мне руку.

– Как же так, Анатолий Петрович, ты только начал работать и уже наступил на хвост «большой змее»? Постарайся впредь этого не делать. Будь осторожен в суждениях, а тем более – в осуждениях.

– Хотелось бы, Геннадий Петрович, – ответил я, – да видно, такова моя горькая участь.

Наверное, вы подумаете, что я сделал вывод и стал совершенно беззубым? Нет. В Кугарчинском районе я наступил на хвост еще «большой змее», и ещё более искусной.

Оставшись один, я сел за стол и закрыл лицо руками... Нахлынувшие воспоминания, словно луч, осветили в моей памяти всю мою жизнь в Зилаирском совхозе, где в трудный момент, после внезапного ухода из жизни директора совхоза И.И. Симонова, я, временно исполняя его обязанности, не растерялся и, проявив волю и решительность, выдержал первый экзамен.

«Теперь ты партийный работник, ищи свой, присущий тебе стиль работы. У тебя все получится, это только начало», – шептал мне мой внутренний голос.

Тот первый день, когда я пришел на работу в Баймакский райком, даже спустя много лет живо представляется мне сегодня.

Последующие за ним дни и годы в должности второго секретаря мелькают в моих воспоминаниях не так ярко. Иные как будто закрылись пеленой времени, слились между собой в единую полосу забот и обязанностей. Но все, что я испытал за два года работы, представляется мне теперь как будто недавно случившимся. Так, наверное, и должно быть. Помню ясно, что с первого дня работы в райкоме меня поразило то, что я как будто не нашел в ней ничего особенного, необыкновенного или лучше сказать – неожиданного. Все это как будто бы было уже в моей жизни, когда я работал в Зилаирском совхозе.

Однако скоро лавина самых неожиданных дел начала «захлестывать» меня чуть не на каждом шагу. Сама по себе работа второго секретаря, занимающегося проблемами сельского хозяйства и осуществляющего партийный контроль за исполнением хозяйствующими органами директив партии и правительства, не казалась мне такой уж тяжелой. Сложность состояла не в трудности этой работы, а в ее непрерывности. Чувство, что я постоянно у всех на виду, не оставляло меня ни на минуту. В любой час меня могли отыскать, потребовать отчета или объяснений. Дать совершенно невыполнимые, на первый взгляд, задания,

от исполнения которых я не в праве был отказаться, и обязан доложить о выполненной работе.

С коллективом райкома у меня сложились нормальные, деловые отношения. Заведующий организационным отделом А.З. Сайгафаров, имея богатый опыт партийной работы, помогал мне быстрее войти в курс дел. Сейчас, по истечении многих лет, я пишу эту повесть только благодаря ему. Именно он прислал мне бесценные материалы, письма и фотографии, а также подарил мне книгу.

Ниже я предлагаю вашему вниманию его фотографию.

Амир Закирович Сайгафаров – ветеран труда. По профессии учитель, окончил Темясовское педагогическое училище, Башкирский госуниверситет.

Работал учителем, директором школы, секретарем партийного комитета Ирандыкского совхоза, заведующим организационным отделом Баймакского райкома КПСС, председателем Баймакского райсовета, первым заместителем главы администрации города Баймак и Баймакского района.

Награжден орденом Трудового Красного Знамени и двумя орденами «Знак почета», имеет звание «Заслуженный работник народного образования РБ», Почетный гражданин Баймакского района и города Баймак. За многочисленные статьи и очерки по краеведению А.З. Сайгафарову присуждена премия районной администрации имени Батыра Валидова.

Находясь на пенсии, много лет возглавляет Курултай башкир Баймакского района

Автор книг по краеведению «Баймакский край», «Баймак районы. Ерпыу атамалары», «450 лет вместе с Россией».

2. В КРАЮ ДИКИХ ГОЛУБЕЙ

2.1. ПОГОВОРИЛИ ПО ДУШАМ

Вот уже почти целый месяц я пишу свои воспоминания и каждое утро сжигаю то, что написал накануне вечером. Наконец я понимаю, что без живого общения с людьми, о которых я хочу написать, у меня ничего не получится.

Страница за страницей сгорают в ярком пламени камина мои вчерашние сумбурные мысли. А память вновь возвращает меня к тем дням. Прошло уже почти 40 лет, как в конце ноября 1975 года с мандатом «доверия» Башкирского обкома КПСС я приехал в Кугарчинский район.

– Там живут дикие голуби, стремительными потоками стекают с гор холодные ручьи и водопады. Там таинственные и глубокие пещеры со сталактитами, горный чистый воздух, озера с прозрачной, кристально чистой водой и... тишина, – напутствовал меня первый секретарь Башкирского обкома КПСС Мидхат Закирович Шакиров. Это он оказал мне доверие, направив меня в Кугарчинский район.

– Курорт, да и только! – сказал он, и озорная искра на мгновение мелькнула в его уставших глазах.

Я и сегодня думаю, что все им сказанное жило где-то в тайниках его души неисполнимой, сокровенной мечтой. Пройдя путь первого секретаря райкома партии длиной почти в 15 лет, я в этом теперь не сомневаюсь. Видимо, тишина была его несбыточной мечтой.

Семь лет я проработал в этом районе, стал его «долгожителем», но так и не увидел прелестей, о которых с таким вдохновением мне рассказывал Мидхат Закирович. Иногда мне казалось, что время, отпущенное мне судьбой для жизни и работы в этом районе, мчится стремительно, со скоростью курьерского поезда, а иногда – что оно мучительно долго тянется, забирая у меня жизненные силы.

Как и в первой части повести, фамилии, имена и отчества людей, о которых я пишу – подлинные. Их дети, внуки, читая повесть и находя в ней имена родных и близких им людей, могут гордиться их добрыми делами.

Совсем недавно, после неудачных попыток написать о моих товарищах, мне, наконец, удалось отыскать номер домашнего телефона директора совхоза «Октябрьский» Фуата Салаватовича Халитова. Как счастлив я был, когда, набрав номер, услышал его голос! Сначала я разговаривал с ним на его родном татарском языке просто так, для разминки, о всяких обыденных делах. Он долго, как мне казалось, не мог понять, кто с ним говорит. Лишь когда я перешел на русский и стал расспрашивать о его товарищах – директорах совхозов, он вдруг все понял. О, как изменился его голос!

– Анатолий Петрович, я ведь сразу узнал вас, только поверить в это не мог, ведь столько лет прошло, – сказал он мне, волнуясь.

Узнав, что мне нужны фотографии руководителей хозяйств, его товарищей по работе, с горечью сказал:

– Аллах хаммани чакирди²⁷. И неподдельная тоска прозвучала в его голосе. – Хамма уерда²⁸, – добавил он с грустью.

– Сегодня, – продолжал он, – будем хоронить директора школы Абдулина: наверное, вы его помните. Всех, кто живы, я увижу там. Расскажу о нашем разговоре и о вашем желании написать книгу. Мы помним вас, Анатолий Петрович, часто вспоминаем, ведь вы работали у нас дольше всех. После вас в районе было несколько секретарей, но они не задерживались и вскоре уходили. Фотографии я пришлю. Мы будем ждать от вас добрых вестей и книгу. Тезлаш²⁹, – добавил он по-татарски, – хорошо бы встретиться.

Слушая его взволнованный голос, я думал о том же.

– Не знаю, Фуат Салаватович, не обещаю. А вот как напишу книгу, обязательно пришлю. Передавай всем привет от меня, скажи каждому, кого уви-

²⁷ Аллах многих позвал.

²⁸ Почти все там.

²⁹ Торопись.

дишь, что я его помню и горячо обнимаю. Очень прошу тебя, Фуат, сделай это. Передай всем нашим товарищам, что о каждом из них я напишу только хорошее, вдохновляющее. Прошу тебя, Фуат Салаватович, брось от меня вместе со всеми горсть земли на могилу нашего товарища Абдулина. Пусть будет ему земля пухом.

В этот миг, как никогда остро, я почувствовал, что самая тяжелая утрата в жизни – это потеря человека.

– Слушай, Анатолий Петрович, я написал два небольших сборника стихов о родном крае, о моих товарищах и о том удивительном времени, в котором мы жили.

– Фуат, я очень прошу тебя, пришли, пожалуйста. Ведь это поможет мне в написании повести.

– Хорошо, я обязательно пришлю, только ведь стихи на татарском языке. А ты, наверное, его уже забыл, Анатолий Петрович.

– О чем говоришь ты, как я мог забыть, ведь это была моя жизнь, ведь у меня кроме вас никого не было. Хорошие слова, Фуат, на всех языках понятны.

– Это верно, ты прав, – услышал я его голос.

– Фуат Салаватович, может, судьба отпустит мне еще немножко времени, и я успею сделать перевод твоих стихов на русский язык. А ты посмотришь, так ли я понял твои стихи, а заодно проверишь, не забыл ли я татарский.

– Хорошо, я обязательно пришлю сборник стихов и фотографии.

– Спасибо тебе, Фуат! Я рад, что ты так тепло отнёсся к моему желанию написать книгу. Я как будто побывал в местах, где прошли мои лучшие годы. Без общения с тобой, без твоих стихов, без фотографий моих товарищей невозможно работать. Теперь я окрылен, помолодел духом. Очень хочу вас порадовать добрыми воспоминаниями.

Вскоре я получил объемистый конверт с фотографиями, вырезками из газет и сборник стихов на татарском языке с дарственной надписью от автора.

ФУАТ ХӘЛИТ
ГӨЛБАНУ ХӘЛИТОВА

БЕЗ БЕРГӘ

Шигырьләр

Ултонор иези Антонина
 Шигырьләр Шигырьләр
 Но нәкъдәт. 8 сөмбәт
 һәм 100 сөмбәт
 Башкирия
 10.08.2014

Издательство 2002

Все фотографии, вырезки из газет и удивительные по содержанию стихи я предложу твоему вниманию, мой читатель, по ходу развития событий в повести.

С уважением,

2.2. КОНФЕРЕНЦИЯ

Сейчас, когда я пишу эти строки, с глубоким чувством думаю: оказывается, как это здорово, спустя много лет хотя бы в мыслях заново оказаться на ступеньках невысокого двухэтажного здания с голубыми елями у фасада.

Справа вывеска на русском языке, слева – на башкирском:

Башкорт АССР-ы

КПСС – ТЫН

Кугарсен район

Комитетен

Кугарчинский

Районный комитет

КПСС

С. Мраково БАССР

Поднимаемся с Геннадием Петровичем Федотовым на второй этаж. Входим в приемную. Прямо – дверь в кабинет. Читаю на табличке: Первый секретарь Баталов М.С. Входим. Навстречу из-за стола поднимается молодой, крепкого телосложения мужчина. Здравуемся. Чувствую на себе его вопросительный взгляд. Трудная миссия у Геннадия Петровича, который задает ему несколько вопросов по поводу предстоящей сегодня вечером партийной отчётно-выборной конференции. Сейчас он скажет этому человеку, что обком больше не доверяет ему и что следует подать заявление с просьбой освободить его от занимаемой должности.

Вот и наступил твой час, Марат Саляхович, когда ты должен будешь отчитаться на конференции о проделанной работе за отпущенное тебе обкомом партии и судьбой время.

Не завидую я ни тому, ни другому. Знаю, что и мой час когда-нибудь наступит. Я ведь уже перешагнул порог райкома, пошло моё время – и текучее, и ускользящее – часть времени у нас отбирают силой, часть похищают, часть утекает впустую, но позорнее всего – потеря по нашей собственной небрежности. Не упускай ни часу! Удержишь в руках день сегодняшней, меньше будешь зависеть от дня завтрашнего, – размышлял я.

Вскоре собрались члены бюро. Все вместе, возложив цветы к памятнику Ленину, мы направились в Дом культуры.

Звонит звонок. Первый секретарь М.С. Баталов объявляет партийную конференцию открытой и отчитывается о проделанной работе. Внимательно слушаю доклад. Нет, меня совсем не интересуют цифры, их я посмотрю в отчётах в любое время. Мне нужно знать, кого он хвалит, а кого ругает.

Никогда не смотри только на того, кого хвалят или кого ругают. Прежде посмотри и оцени того, кто хвалит и кто ругает. И, поверь мне, читатель, ты сделаешь правильный вывод. Обрати внимание и запомни, кто с кем сидит рядом. Пригодится.

Сейчас я вижу за трибуной здорового, красивого, слегка сидящего крепкого мужчину. Мог бы еще поработать и принести пользу району. Так нет, провалил пятилетку, не обеспечил район кормами, истратил впустую отпущенное ему время. Это из-за него я здесь. Теперь я вместо него должен класть свою, ни в чём не повинную голову под тяжёлый пресс и искать выход.

Сидел бы я сейчас в обкоме, в кабинете с высоким потолком с Шамилем и Сашей, писал бы письма в ЦК КПСС и с чувством исполненного долга уходил бы в конце рабочего дня к семье, детям.

Вместо сочувствия у меня в душе возникло чувство неприязни к нему. Размышляя об этом, даже не заметил, что закончился доклад и начались прения. Работа бюро райкома признана неудовлетворительной. Объявляется перерыв.

– Погуляй с Робертом Мутыгуловичем³⁰, – говорит мне Геннадий Петрович.

Я знаю, что он будет говорить с Маратом Саляховичем, а потом вечером в гостинице будет глотать какие-то таблетки. Ах, Геннадий Петрович, я не завидую вам и себе тоже.

Звонит звонок. В малом зале Дома культуры собирается партийная группа. Таков порядок. В списки для тайного голосования вносится моя кандидатура. Баталов из списка будущего состава членов райкома выводится. Делегаты конференции получают бюллетени. Начинается тайное голосование. Создаётся счётная комиссия, избирается её председатель. Вскоре он объявляет итоги голосования. Я получил 16 голосов против и постановлением первого пленума Кугарчинского РК КПСС был избран первым секретарём и членом бюро райкома.

³⁰ Председатель райисполкома.

Кто же эти 16 человек, проголосовавшие «против»? Что я им сделал плохо, что и когда сказал обидного? А ведь завтра нам вместе надо работать.

– Не пренебрегай врагами: они первыми заметят твои недостатки и просигнализируют, куда надо. Тем самым помогут тебе исправиться. Не стремись узнать их имена, а узнаешь – найди способ сказать им «спасибо» за то, что помогли тебе. Не слишком разжигай печь для своих врагов, ибо в ней ты можешь сгореть сам, – шептал мне мой внутренний голос.

Пленум завершил работу. Вместе с Геннадием Петровичем возвращаемся в райком. Входим в кабинет, где я теперь буду работать.

– Наконец-то я могу тебя поздравить, – говорит он, по-отечески пожимая мне руку. – Старайся сам во всём разобраться.

Трудно описать моё состояние в то мгновение, у границы района, когда я прощался с ним.

– До свидания! – садясь в машину, сказал Геннадий Петрович и пожал мне руку.

Приходилось ли Вам когда-нибудь оставаться одному на пустой дороге наедине с тяжёлыми мыслями? Если да, то вы, как никто другой, поймёте моё состояние.

– Постарайся сам во всём разобраться! Прислушайся к себе, и твой прошлый опыт даст тебе совет. Не замыкайся в себе. Замкнувшись в себе, трудно осознать, что живёшь. Это осознание приходит от соприкосновения с другой жизнью, – звучали в моей голове прощальные слова Геннадия Петровича.

Другая жизнь. Вот она рядом, за стеклом служебной автомашины: разбитая дорога, голая пустая пашня, уже местами припорошенная снегом, пустые кормовые дворы, и холодный декабрь стоит у ворот. Глядя на эту удручающую, печальную картину, я понял, что вынужден решительно, прямо сходу начать разгребать ворох проблем, доставшихся мне от предшественника. Возвратившись в гостиницу, я почувствовал себя смертельно уставшим, как когда-то в аэропорту после расставания с Рихардом.

Вскоре я привёз семью в Мраково. Галя, моя жена, стала биологом и классным руководителем 7 «б» класса в Мраковской средней школе. Дима продолжил учёбу в третьем классе, а Слава и Саша стали посещать детский сад.

Учащиеся 7 «б» класса и классный руководитель

Урок биологии в Мраковской средней школе

2.3. ПЕРВОЕ БЮРО

На следующий день утром по пути в райком я думал, как лучше провести первое бюро. Преодолевая сугроб за сугробом, закрывая от ветра лицо воротником, вдруг вспомнил.

В июне 1975 года, когда небывалая засуха обрушилась на Южный Урал, опытный первый секретарь Баймакского райкома Р.И. Имамов не растерялся. Он закрепил за каждым членом бюро и секретарями райкома конкретное хозяйство и потребовал сделать максимум возможного в заготовке кормов, чтобы сохранить от падежа скот. По моей просьбе я был прикреплен к Ирандыкскому совхозу. Директором совхоза работал Киреев Марат Сулейманович, с которым по распределению на работу после института мы прибыли в 1968 году в Баймакский район. Мы с ним были ровесниками, нам легко и просто было работать вместе. Мы знали, что нам надо делать и делали все возможное. Вскоре все травы, камыши, осока и другая болотная растительность были убраны. Знойные суховеи раскаляли почву, деревья сбросили листья и стояли голыми, как осенью. Убирать стало нечего.

Однажды, когда я проезжал мимо озера Улянде-Куль (травяное озеро), на берегах которого уже все было скошено и вывезено на кормовой двор, меня вдруг осенила мысль.

– Марат Сулейманович, – сказал я директору, – давайте-ка с помощью тракторной волокуши вытащим из озера на берег водную растительность вместе с водорослями, просушим, и это будет неплохой корм для телят.

– Это идея, – согласился Марат.

Вскоре в совхозной кузнице были изготовлены волокуша и широкий плот, на него поставили волокушу и вывезли в озеро на 100-150м от берега. Оставшиеся на берегу концы троса закрепили за фаркоп трактора и вытащили на берег огромную массу водной растительности. На раскаленном каменистом берегу, как на сковородке, трава и водоросли быстро высохли и охотно поедались телятами.

Об этом способе добычи кормов я рассказал членам бюро и первому секретарю райкома Р.И. Имамову. Такая работа была начата и в других хозяйствах. Спустя несколько дней в Баймакский район прибыл первый секретарь Башкирского обкома КПСС М.З. Шакиров. Вместе с Имамовым они подъехали к озеру. Увидев стог уже готового сухого корма, он обратился ко мне:

–Чья это идея?

– Это мы вместе с директором придумали, – ответил я.

– Ну и как этот корм, съедобный? – спросил он у стоявшего рядом директора совхоза.

– Еще как, мы уже давали его телятам, едят охотно, – сказал Марат Сулейманович.

В этих раздумьях я не заметил, как подошел к райкому. Прошло уже более 30 лет с того памятного для меня дня, когда я первый раз в своей жизни провёл бюро в должности первого секретаря Кугарчинского райкома. Стёрлись в памяти многие события тех лет, померкли, стушевались и уже не так остро тревожат душу.

Войдя в зал, я просто и доверительно сказал сидящим там руководителям:

– Давайте с вами познакомимся. Меня зовут Анатолий Петрович, – и, сделав небольшую паузу, добавил, – теперь мы будем действовать вместе, крепко взявшись за руки. Я искренне благодарен вам за то, что вы поддержали мнение обкома партии обо мне. В свою очередь, я буду стараться оправдать вашу поддержку. Поверьте мне, уважаемые руководители, что если мы все вместе пойдём, крепко взявшись за руки, даже мелкие дела станут великими. При несогласии, разброде и шатании даже великие начинания погибнут. Я призываю вас работать в согласии и уважительном отношении друг к другу. Хочу довести до вашего сведения, что постановлением бюро Башкирского обкома КПСС хозяйствам района по моей просьбе выделено 12 тыс. тонн комбикормов и 40 тыс. тонн соломы. Вам предстоит в ближайшую неделю начать её доставку. Первый состав с техникой уйдёт в Краснодарский край, в Кущёвский и Динской районы, затем составы с техникой уйдут на Украину, в Латвию, в Красноярский край.

Взяв в руки список руководителей, я сказал:

– Сейчас буду называть каждого из вас по фамилии, имени, отчеству. Вы либо встаньте, либо скажите: «Я». Поступайте так, как вам угодно.

Так состоялось знакомство с ведущим звеном руководителей хозяйств.

– Товарищи! По сводкам оперативной отчётности, которые я уже изучил, состояние кормовой базы на начало зимовки оставляет желать лучшего и в целом по району заслуживает оценки «неудовлетворительно». Если кто-либо из руководителей считает, что эта оценка его не касается, он может встать и прямо сейчас покинуть это заседание. Ему разрешается впредь не участвовать в коллективных мероприятиях по заготовке соломы за пределами республики. Никаких претензий к нему нет и не будет. Наоборот, честь и хвала руководителю, который в такой засушливый год обеспечил хозяйство кормами.

Воцарилась напряжённая, гнетущая тишина; как хотел я тогда, чтобы большинство из них встали и покинули зал. Но, к моему сожалению, этого не случилось. Лишь один человек, директор совхоза «Октябрьский», поднял руку.

– Что вы хотите сказать, Фуат Салаватович³¹?

– Анатолий Петрович, я правильно Вас понял? Я могу уйти?

Как я был рад услышать такой вопрос. Мне хотелось подойти к нему, пожать руку, даже обнять этого коренастого энергичного человека. Но я не сделал этого. И вместо разрешения уйти сказал:

– Фуат Салаватович, спасибо, я очень рад, что вы не потеряли лето, но я прошу вас, оставайтесь.

– Товарищи, – продолжал я, – управлением сельского хозяйства определены мероприятия по заготовке соломы и хвой. Ознакомившись с ними, я сделал вывод, что, выполнив эти мероприятия, можно спасти скот, не допустить падежа животных. Ровно через неделю, в следующий понедельник, – продолжал я, – на станцию «Мелеуз» утром будет подан состав платформ-«вертушек», в которые нам надо загрузить технику, трактора, вязальную проволоку, а в пассажирском вагоне поедут бригады рабочих. Первый состав уйдёт в Краснодарский край уже вечером в понедельник. По информации начальника станции «Мелеуз», первые платформы «вертушки» с соломой из Краснодарского края вернутся примерно через две недели. В дальнейшем таких платформ «вертушек» будет много, и они будут приходить регулярно через 2-3 дня, в зависимости от нашей с вами расторопности. Укомплектуйте бригады рабочих ответственными механизаторами и бригадирами. Направьте на заготовку соломы лучших рабочих из числа коммунистов и комсомольцев. Наша задача – через неделю, в следующий понедельник вечером, независимо от погоды и обстоятельств отправить первый состав. Если в понедельник это мероприятие будет сорвано, виновные будут найдены и независимо от занимаемой должности понесут заслуженное наказание. Хочу довести до сведения всех руководителей хозяйств и начальника

³¹Халитов Ф.С.- 1986-1990гг. начальник Управления сельского хозяйства Исполкома райсовета. Награжден орденом Трудового Красного Знамени. Член исполкома.

управления сельского хозяйства В.И. Филатова, что в этом году никому из вас не удастся «спихнуть» истощенный скот на мясокомбинат. Ни одной головы! Ворота мясокомбината для хозяйств Кугарчинского района будут закрыты наглухо.

Сейчас, по истечении времени, я убеждён, иного решения тогда и не должно было быть.

– Вечером в понедельник, ровно через неделю, на грузовом терминале станции мы в этом же составе проведём первую планёрку, а если потребуется, то и выездное бюро, поэтому явка всех руководителей хозяйств и членов бюро обязательна.

Кроме руководителей хозяйств, на заседание бюро были приглашены начальник дорожного участка дистанции «Ира-Мраково» В.А. Богданов, начальник узла связи Ибраков, управляющий РОСХТ К. Гильманов. Обратившись к начальнику дорожного участка, я сказал:

– Владимир Александрович, все наши замыслы останутся лишь благими намерениями, если по какой-то причине через неделю, утром в понедельник дорога Мраково-Мелеуз окажется в непроезжем состоянии. Поэтому Ваша явка в понедельник на станцию Мелеуз на планёрку обязательна. В течение этой недели я планирую побывать у вас и побеседовать с коллективом дорожного участка, ознакомиться с состоянием дел на месте. Вам, товарищ Гильманов, и Вам, товарищ Ибраков, в понедельник также надо быть в Мелеузе на планёрке.

Таких жестких требований к руководителям, как я понял позже, никто из них не ожидал. На этом первое бюро завершило работу.

Покинув зал заседаний и войдя в свой кабинет, я почувствовал себя совершенно разбитым. Будто из меня ушли все мои силы. Многие еще было впереди, о чем тогда я и не мыслил, чего и предусмотреть не мог. Новая беспокойная жизнь только еще начиналась.

Все сомнения, которые терзали меня с момента выезда из Уфы и до сегодняшнего бюро, я решительно загнал глубоко внутрь настолько, насколько

смог. В течение недели я побывал на дорожном участке, в районном объединении «Сельхозтехника», которое находилось в селе Подгорном, и в районном узле связи. О том, что я там увидел, расскажу позже. Знакомясь с предприятиями, хозяйствами и организациями, я старался вести себя так же уверенно, как когда-то в Баймакском районе.

Но меня ещё долго не покидало чувство, что я не дома, а как будто в гостях. Многие были непонятно и тревожно. Так мне тогда казалось.

Я сам уже желал поскорее вместе со всеми войти в общую колею и пройти до конца весь путь, уготованный мне судьбой, предпочитая преодолеть любые трудности, нежели бросить на полпути доверенную мне тяжелую ношу.

К тому же в последующие после бюро дни навалилась масса новых дел, связанных с заготовкой кормов в Краснодарском крае. Я уже несколько раз звонил в Куцевский и Динской райкомы партии. Уточнял со своими коллегами список хозяйств, в которых нам предстояло работать, и объемы заготовок соломы по каждому из районов и по каждому хозяйству, написал руководителям районов соответствующие просьбы.

Все надо было предвидеть, во все вникнуть и как можно скорее разобраться. В этих заботах незаметно прошла первая неделя. Говорят, что люди обычно бывают довольны собой, но недовольны своим положением. У меня все наоборот: положение, казалось бы, высокое, а довольства нет. Все у меня было неспокойно, призрачно и неустойчиво.

Каждый вечер перед сном с тревогой смотрел я на барометр и интуитивно чувствовал, что надвигается буран. Засыпая тревожным сном, я постепенно терял нить размышлений: «невесело..., не то слово, хуже не придумаешь...», – путались мысли в моей голове...

«Расслабься и усни, тебе хочется спать, ты уже чувствуешь тяжесть в веках, забудь обо всем: расслабься и спи, ты должен, ты обязан уснуть», – мысленно убеждал я себя.

Утром в субботу, когда я шёл в райком, на всем пути от гостиницы, в которой я временно жил, и до здания райкома лежали глубокие сугробы. Снег шел весь день. Вечером в субботу началась метель. Из тесных ущелий южного хребта Урал-тау, из его северной части, вдоль реки Большой Ик, протекающей через райцентр, дул порывистый ледяной ветер. Началась долгая, суровая уральская зима, и от этого мне становилось ещё тревожнее. Утром в воскресенье уже ревел и бесновался буран. Я не ошибся.

– Что же мне надо сделать, чтобы завтра, в понедельник вечером, состав с техникой и людьми смог уйти в далекий и теплый Краснодарский край? – размышлял я по пути в райком, увязая в глубоких, снежных сугробах.

2.4. МЫ ЛЕТИМ В ОДНОМ «БОМБАРДИРОВЩИКЕ»...

Почти сорок лет прошло с тех памятных событий, когда утром в воскресенье я понял, что дороги на Мелеуз нет, и не будет завтра. Беспокойство охватило мою душу. С нетерпением я ждал в райкоме партии своих помощников. Сейчас мне трудно точно передать течение моих мыслей в тот день, но я всё-таки попытаюсь воспроизвести мой разговор с членами бюро хотя бы в общих чертах.

Сегодня, когда я работаю над повестью и пишу эти строки, глядя на фотографию своих товарищей, я удивляюсь своему необыкновенному волнению. Я даже не ожидал, что у меня с такою силой будет биться сердце.

Переговорив по телефону с руководителями всех хозяйств, управляющим районного объединения «Сельхозтехника» Гильмановым и с начальником районного узла связи Ибраковым, я сделал вывод, что все они озабочены ситуацией, сложившейся в течение трех последних суток.

Буран, начавшийся еще в пятницу, не прекратился до сих пор и, кажется, даже набирал силу.

Слева-направо: первый во втором ряду – Г.Г. Баймуратов – заведующий организационным отделом райкома партии, Н.М. Скороваров, А.И. Сайткулов, А.П. Пономарев, далее М.С. Иванов – второй секретарь райкома партии, участник Великой Отечественной войны, Г.Х. Кинзябулатов – председатель комитета народного контроля, участник Великой Отечественной войны, В.И. Филатов – начальник управления сельского хозяйства, участник Великой Отечественной войны, А.З. Галеев, А. Рахматуллин, участник Великой Отечественной войны

Я поблагодарил Ибракова за то, что с хозяйствами есть связь. А вот связь с Краснодарским краем, где мы будем заготавливать солому, оставляла желать лучшего.

– Это от нас не зависит, – горячо убеждал меня Ибраков.

– А от кого, если не от вас это зависит?! – спросил я его.

– Дело в том, – продолжал Ибраков, – что телефонный кабель Мраково-Мелеуз много раз был поврежден, и в настоящее время его нужно срочно менять. Лишь после замены кабеля у нас будет хорошая связь.

– Так вот и меняйте кабель.

– Нет, Анатолий Петрович, не все так просто. Вы переговорите с нашим управлением, попросите, чтобы наш район был включен в план реконструкции узла связи с заменой кабеля, – посоветовал он мне.

Забегая вперед, скажу вам, что мне удалось договориться с начальником Башкирского производственно-технического управления связи Г.М. Мулюковым, и Кугарчинский район был включен в план реконструкции узла связи на 1978 год с заменой устаревшей кабельной линии на современный стекловолоконный кабель.

– Возможности этого кабеля просто фантастичны, – делился со мной своими мыслями Г.М. Мулюков. – Однако есть и сложности, – добавил Галикарам Мухарамович, – этот кабель нужно получить в г. Новосибирске и доставить в Мраково своим транспортом, а у нас таких возможностей нет. Вот и решайте, Анатолий Петрович, обычный кабель мы можем получить на Уфимском кабельном заводе, а вот стекловолоконный – только в Новосибирске.

Беседуя с ним и глядя на его орденские колодки, я думал: «Вот они, фронтовые связисты, не щадя своих жизней, тянули на своих спинах катушки с телефонным кабелем от стен Москвы до Берлина зимой и летом, и под обстрелом. А мне всего-то нужно вывезти кабель из Новосибирска».

– Сколько надо КАМАЗов, чтобы одним рейсом привезти кабель? – спросил я начальника управления.

– Думаю, что десять автомобилей с прицепами смогут за один рейс забрать с завода все наши фонды, – сказал Галикарам Мухарамович.

– Нет вопросов, Галикарам Мухарамович, давайте наряд на получение, мы вывезем этот кабель, – горячо сказал я.

– Ну вот и договорились, Анатолий Петрович, на сто лет теперь будет обеспечен надежной связью Кугарчинский район.

В начале августа 1978 года мы вывезли из Новосибирска стекловолоконный кабель, а в сентябре 1979 года благодаря реконструкции и новой кабельной ли-

нии протяженностью 80 км я мог говорить со всеми городами СССР, где были установлены автоматические телефонные станции. Сейчас, по истечении многих лет, я вспоминаю то время с чувством гордости за страну, в которой мне посчастливилось жить и работать. Все вопросы тогда решались. Никакой коррупции, никаких «откатов», никаких тендеров, надувательств и махинаций не было. Никто безнаказанно не запускал руку в «карман к народу» и государству. Многого тогда делалось для народа. Возможности социалистического строя были поистине неисчерпаемы... Но я отклонился от темы своего рассказа, за что и приношу извинения.

Вернёмся в мой кабинет. Напрасно я ожидал тогда своих новых товарищей, которых недавно горячо убеждал, что мы теперь – монолит и пойдём вместе, крепко взявшись за руки. Не поняли, не услышали. Наверное, не те слова я сказал им. В душе у меня невольно разгорался костер неприязни и недовольства. Я был совершенно обескуражен, ведь никто из членов бюро не сказал мне ни тогда, ни после, что я в чем-то не прав.

Наконец терпение мое «лопнуло», и я нажал кнопку вызова дежурного по райкому. Вошедшему инструктору райкома сказал:

– Пригласите ко мне заведующего орготделом Г.Г. Баймуратова и членов бюро по списку.

– Но ведь сегодня воскресенье, – недоумевал дежурный.

– Возьмите список и позвоните каждому. Скажите, что я их жду ровно в 12-30.

Как оказалось позже, все приглашенные, кроме начальника дорожного участка В.А. Богданова, жили рядом с райкомом, и вскоре все собрались в кабинете у второго секретаря райкома М.С. Иванова. О чем они говорили – не знаю, но в 12-30 все дружно вошли в мой кабинет.

Я поднялся и поприветствовал каждого рукопожатием. То, что творилось у меня в душе, никак не отразилось на лице.

– Вот вы все теперь, – начал я спокойно, – смотрите на меня и думаете: что же такого особенного он может сказать нам, пригласив всех в воскресенье? Я собрал вас совсем не для того, чтобы учить, как надо работать. Я всего лишь хочу подвести некоторые итоги прошедшего бюро. Нам важно не упустить день сегодняшний, и тогда мы будем меньше зависеть от дня завтрашнего. Каким он будет? Думаю, не лучше сегодняшнего, а может еще и хуже. Вы, наверное, помните, что завтра на станцию Мелеуз независимо от погоды будет подан состав с платформами, на которые мы должны погрузить трактора, прессы для прессовки соломы, бухты вязальной проволоки и весь необходимый инвентарь для работы?

В кабинет вошел Богданов.

– Владимир Александрович, извините, подождите в приемной, – попросил я его – нам нужно посоветоваться.

– Мы обязаны, – продолжал я, когда дверь за ним закрылась, – принять все возможные и невозможные меры, чтобы дорога на Мелеуз была в проезде независимо от погоды, какой бы она завтра ни была. Состав с техникой должен уйти. Поверьте мне, он уйдет. Иного исхода быть не должно. Для этого мы здесь. Я как первый секретарь райкома уже через неделю после избрания не хочу писать объяснения в обком партии и отвечать на конкретный вопрос: почему район не обеспечил отправку техники на заготовку соломы в Краснодарский край. Если у кого-то из вас, членов Бюро, есть желание написать объяснение, то текст его вы можете начинать писать уже сегодня, милости прошу! А я на основании ваших напишу свое.

– Вот вы, например, – спросил я, обращаясь к одному из членов бюро, – что вы напишете в объяснении? Погода была плохая? Дороги не было? А в дорожном участке снегоочистители и бульдозеры неисправны? Так вы напишете в своем объяснении? Это будет правда. Но ведь это объяснение не члена бюро, а человека постороннего, не наделенного никакими властными полномочиями, а у каждого из вас этих полномочий больше, чем достаточно. А что, если буран

не стихнет и завтра, и послезавтра, и ещё целую неделю? Возникает законный вопрос, будет ли стоять на станции состав с платформами и ждать, пока вы, члены бюро, и я вместе с вами, расчистим дорогу от снежных заносов? – Не будет! И обком не допустит ликвидации животноводства в Кургачинском районе, в этом я абсолютно уверен. Понедельник конкретно покажет, на что мы с вами способны. Поэтому я хочу и сам избежать неприятностей, и вас от них уберечь. Ведь вы знаете, что на последней конференции работа бюро райкома была признана неудовлетворительной. Вот и делайте вывод, чем может обернуться для вас эта оценка.

Замолчав, я задумался: «Слова, слова, все одни слова. А ведь нужны дела. Если не будет нужного результата, то хоть наизнанку вывернись, все равно ты будешь плох и во всем виноват».

Ощущая мучительное напряжение и беспокойство, я сохранял внешнее спокойствие. Лицо мое было серьезно и озабоченно.

Иногда самая, казалось бы, несущественная мысль внезапно так прочно укрепляется в сознании, что начинаешь её принимать как что-то вполне существенное. Мало того, если вдруг возникшая идея соединяется с желанием, то всегда найдется решение, как ее осуществить.

– Товарищи, – обратился я к сидящим с невозмутимым видом членам бюро, – любое дело, каким бы сложным оно ни было, легко выполняется, если следовать правилу от простого к сложному. Выполнив элементы простого, получишь сложное. Давайте, – предложил я, – с учетом ваших пожеланий закрепим за каждым из вас конкретное хозяйство.

Взяв лист бумаги, я записал результаты распределения членов бюро по хозяйствам с учётом их пожеланий.

– Теперь каждый из вас наравне с руководителем хозяйства будет нести персональную ответственность за исход зимовки в закреплённом за вами хозяйстве, а я – в целом за район.

– А Вы, Роберт Мутыгулович, возьмите под свой контроль дорожный участок и вместе с В.А. Богдановым содержите дорогу в проезжем состоянии.

Чтобы хоть как-то разрядить обстановку, которая к тому моменту мне показалась гнетущей, я спросил:

– Скажите, Михаил Степанович, сколько человек было в экипаже бомбардировщика, когда Вы, получив задание от командования, летели на цель?

– Нас всегда было четверо: командир, второй пилот, радист и я – штурман, – улыбаясь своей доброй, располагающей улыбкой, ответил Иванов.

– Летали по картам и ориентирам? – уточнял я.

– Днем по картам и ориентирам, иногда и по пеленгу. Ночью, когда летали в Германию, то только по пеленгу, – обстоятельно отвечал бывший военный штурман.

– Скажите, а у вас всегда были парашюты? – продолжал я расспросы, замечая удивленные взгляды членов бюро.

– Конечно. Благодаря им мы и остались живы. Однажды в небе над Вислой наш самолет был атакован немецкими истребителями, получил повреждение и загорелся, – Иванов замолчал в тяжелом раздумье.

– Все спаслись? – спросил я.

– К сожалению, нет. Командир погиб, я был тяжело ранен. По команде мы выбросились из горящего бомбардировщика с парашютами. А командир не успел, он был последним. Таков закон. Командир покидает самолет последним, – голос Иванова стал глуше.³²

– Давайте почтим его память и встанем. А теперь, товарищи, хоть сейчас и мирное время, предлагаю считать, что все члены бюро – экипаж «бомбардировщика». Ориентиром у нас будут неотложные дела. Целью – десятая пятилетка, а пеленгом – Постановления Правительства и обкома КПСС.

– Вы, Михаил Степанович, по-прежнему боевой штурман, а я – Ваш командир. Вы сами меня избрали на пленуме. Еще я хочу сказать вам, что ни у кого

³² Рассказ о штурмане Иванове «Прощальный салют» см. в п. 2.5.

из нас нет и никогда не будет «парашютов». Наша ближайшая «цель» – зимовка, и к этой «цели» мы полетим вместе, в одном «бомбардировщике». Первый «ориентир» у нас – железнодорожная станция Мелеуз. Хотя сейчас мирное время, но наш «бомбардировщик» в любой момент может «вспыхнуть». И теперь успех «полёта» зависит от каждого из нас, от нашей слаженной работы.

Глядя на притихших членов бюро, я думал – а какая мне разница: с парашютом я или без него? Все равно мне суждено сгореть не в этом, так в другом полете. Участь моя такая. Не стану я в этот раз забегать вперед. Расскажу позже.

– А теперь, – сказал я членам бюро, – прошу вас, когда закончится наше совещание, связаться по телефону с руководителем закрепленного за вами хозяйства, и довести до его сведения, что вы теперь вместе с ним несете ответственность за исход зимовки. Доходчиво разъясните ему, чтобы завтра к вашему приезду в хозяйство вся техника и люди были готовы к отправке на станцию Мелеуз, а затем в Краснодарский край. Иного мнения ни у кого не должно быть.

– А как мы завтра доберемся в закрепленное хозяйство, если туда нет дороги? – спросил меня председатель комитета народного контроля, член бюро Генриат Калеевич Кинзябулатов.

– Завтра это будет несложно. В приемной сидит и ждет приглашения начальник дорожного участка В.А. Богданов, вот и послушаем, что он нам скажет по этому поводу. А скажет он нам примерно следующее: «Дороги не было вчера, нет сегодня, и не будет завтра. У меня только один исправный бульдозер, остальные в ремонте, что я могу сделать? Одним бульдозером дорогу от Мраково до деревни Ира не расчистишь. Это ведь почти 70 км».

– И это, товарищи, действительно так. Один в поле не воин, – напомнил я членам бюро известную пословицу. – Недавно я был в дорожном участке. По всей территории под открытым небом, занесенные снегом, стоят разобранные и неисправные снегоочистители, бульдозеры, автомашины. Здание мастерской

участка в таком состоянии, как будто оно подверглось налету вражеских бомбардировщиков. Так что рассчитывать на Богданова не приходится – заключил я.

– И что же нам теперь Богу на него молиться? – сказал один из членов бюро и предложил снять Богданова с работы.

– Нет, молиться не будем, а снять с работы всегда успеем. Давайте сначала поможем ему навести порядок в дорожном участке, а уж потом, если он не делает правильных выводов, примем решение. Я не хочу начинать свою работу с разгона кадров.

Нажав кнопку звонка, я попросил дежурного пригласить к нам В.А. Богданова.

– Скажите, Владимир Александрович, вы сможете завтра обеспечить проход техники до станции Мелеуз?

– Нет, – последовал категоричный ответ, – и далее он повторил то, что вы, мой читатель, уже знаете.

– Хорошо, Владимир Александрович, а сколько нужно бульдозеров, чтобы завтра расчистить дорогу до станции Мелеуз от снежных заносов и привести ее в проезжее состояние?

– Думаю, 7-8 единиц хватит, – ответил Богданов.

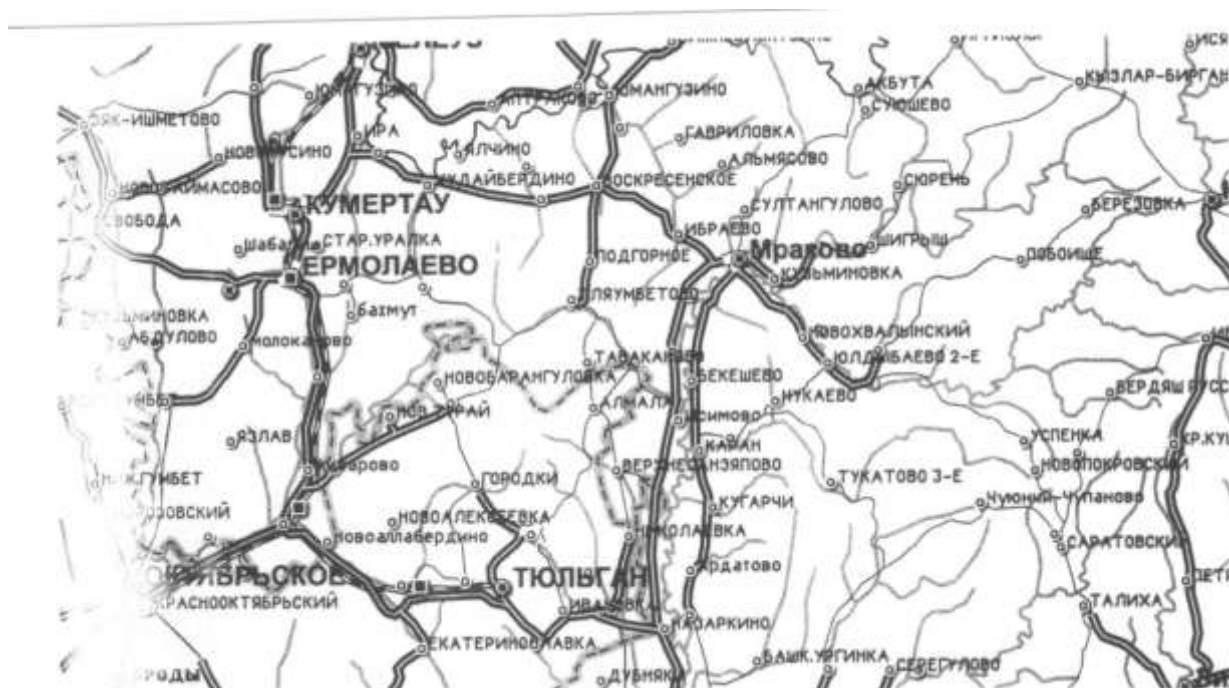
– У вас есть один исправный бульдозер?

– Да.

– Ваш служебный автомобиль исправен?

– Конечно.

– Ну вот и хорошо. Это уже что-то. Завтра ваш бульдозер должен быть у конторы Кугарчинского совхоза, и Вы тоже должны быть там. Директор совхоза Багаутдинов даст Вам совхозный бульдозер, мы с ним уже договорились об этом. После Вы направитесь в д. Ибраево и, – я показал эту точку на карте, – к Вам навстречу выйдет бульдозер из откормочного совхоза «Мраковский», директор совхоза П.И. Живодёров об этом знает.

Карта дорог Кугарчинского района Башкирской АССР

После того, как вы встретитесь с ним, вы уже вместе, в сопровождении трёх бульдозеров, последуете до села Воскресенское. Там к вам присоединятся бульдозеры из районного отделения сельхозтехники, колхозов им. Чапаева и «Кызыл-Байрак». Сюда же подойдут бульдозеры из колхозов «Красный маяк», «Сеятель» и «Сургуяз» – итого в Воскресенском в вашем распоряжении будет уже 9 единиц бульдозеров. Все вместе, расчищая дорогу, вы дойдете до деревни Ира, по дороге к вам присоединятся еще два бульдозера: один из колхоза им. М. Горького и один – из колхоза имени Шагита Худайбердина. Итого в вашем распоряжении будет 11 бульдозеров. Вот и руководите ими вместе со своим главным инженером Ахмеровым. Руководители всех хозяйств об этом уже знают. Сегодня утром мы с ними твердо договорились. Теперь дело за вами, Владимир Александрович. Когда дойдете до деревни Ира, возвращайтесь обратно, расширьте дорогу, делайте глубокие «карманы», чтобы встречный транспорт мог разойтись. Помогайте выбраться тем, кто завяз в снегу. Вечером вам нужно быть на планерке на станции Мелеуз, чтобы доложить членам бюро, как руко-

водители хозяйств справились с заданием. Обратитесь к управляющему РОСХТ Гильманову. Он поможет Вам восстановить ваши неисправные бульдозеры. У вас, Владимир Александрович, есть вопросы?

– Нет.

– Сейчас Вы свободны, идите к себе и переговорите по телефону с руководителями хозяйств, они ждут Вашего звонка.

– До свидания.

– А теперь давайте завершим начатый разговор, – обратился я к членам бюро. – Каждому из вас нужно завтра выехать в закрепленное хозяйство, убедиться на месте в серьезности намерений руководителей хозяйств выделить в распоряжение В.А. Богданова технику. Если кто-либо из руководителей забыл о договоренности, помогите ему вспомнить об этом. Утром в понедельник я вновь переговорю с каждым руководителем. Вам же следует организованно вместе с Богдановым выехать из райцентра и в сопровождении бульдозеров добраться до с. Воскресенское. А уже затем, когда в с. Воскресенское подойдут еще 6 бульдозеров, разъехаться по хозяйствам и вместе с их руководителями обеспечить отправку техники на станцию Мелеуз для погрузки её в железнодорожный состав. Дорога во второй половине дня, думаю, уже будет. Вечером давайте встретимся в этом же составе и проведем первую планерку с участием руководителей хозяйств. В дальнейшем вы, Михаил Степанович, как секретарь, ведающий вопросами сельского хозяйства, и вы, Владимир Иванович, будете проводить планерки по мере необходимости. А вы, Роберт Мутыгулович, возьмете шефство над дорожным участком и вместе с В.А. Богдановым будете содержать дорогу Мраково-Ира в проезжем состоянии до конца зимовки.

Г.С. Азанбаеву – секретарю райкома, ведающего вопросами идеологической и массово-политической работы, было рекомендовано составить план мероприятий по идеологическому обеспечению работ по зимовке скота.

С невеселым лицом я закрыл свой блокнот, давая понять, что разговор окончен, и поднялся.

Вопрос о расчистке дороги и отправке из хозяйств техники на станцию Мелеуз был решен.

Вечером в понедельник на станции Мелеуз состоялась первая планерка.

Такой стала дорога Мраково-Ира после прохода бульдозеров

Члены бюро отметили, что запланированное мероприятие по очистке дороги прошло организованно.

Погрузка техники началась вовремя. Утром во вторник ушел первый состав в далекий Краснодарский край. Сложный механизм по обеспечению животноводства соломой был запущен в работу и «набирал обороты». От меня требовалось лишь периодически направлять и координировать действия моих помощников.

Возвращаясь из Мелеуза поздно вечером, после первой планерки, я размышлял: «А что, если бы я пал духом, если бы не посмел разговаривать таким тоном с уважаемыми людьми, участниками Великой Отечественной войны?» – и необъяснимая тоска цепко хватала меня за душу.

Поверь мне, мой читатель, есть что-то особенное в ощущении того, что ты один на чужой стороне, далеко от родных мест, родителей, друзей юности и совершенно не знаешь, что будет с тобой завтра.

Новое поколение с новым мышлением, наверное, не поймет нас, уходящих в небытие... Мы в большинстве своем были наивны и честны. Мы готовы были под музыку оркестра нашей юности пойти куда угодно, хоть на целину, хоть на край света, и работать там кем угодно, лишь бы это было на благо Родины и народа.

Сегодня, после чудовищной переоценки ценностей, сложившихся ранее в обществе, мне страшно подумать, что может быть с нынешним поколением в дальнейшем. Но это только мои личные ощущения...

Ночь наступала холодная, метель, наконец, начала стихать, и я, глядя на Млечный путь, думал: «Как это здорово, что удалось выполнить намеченное!»

– Мы приехали, Анатолий Петрович, – прервал мои мысли водитель, фронтальной шофер Шаукат Сатыбалов, остановившись у калитки гостиницы.

Зная о том, что мой водитель татарин, я тихо произнес:

– Бикзуррахмат (Большое спасибо).

– Рахимитегез (Пожалуйста), – ответил он.

– СауБулыгыз (До свидания).

– Хайерле тон (Доброй ночи), – кивнул Шаукат Исламович.

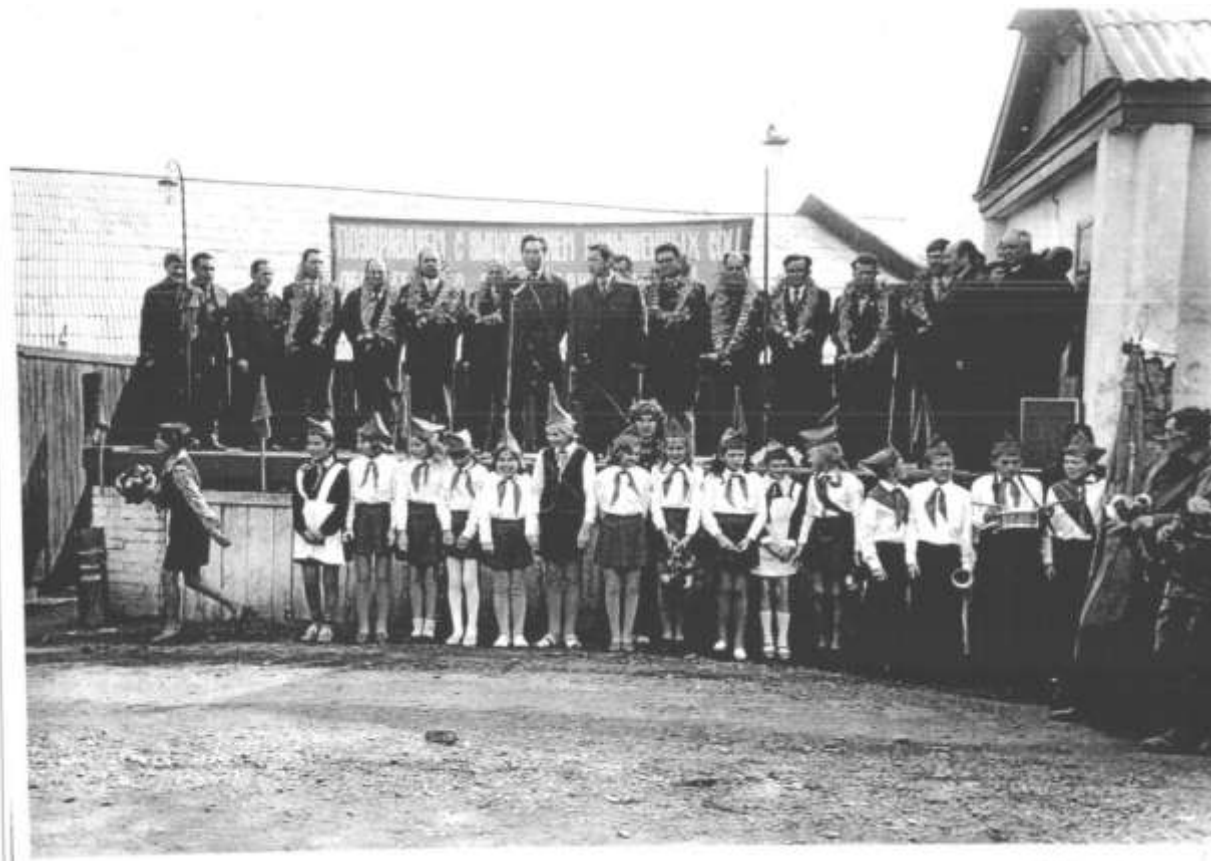
Войдя в свою комнату, я долго не мог уснуть: лежал, закинув руки за голову. Было о чем подумать. Я постепенно втягивался в новую беспокойную жизнь.

2.5. ПРОЩАЛЬНЫЙ САЛЮТ

Лента времени, отпущенного мне в Кугарчинском районе, стремительно разматывалась. До моего ухода из района оставалось несколько лет. В кругу нахлынувших забот и обязанностей я даже не заметил, что мы успешно добрались до «первой цели» – десятой пятилетки. Остались позади года успехов, подъемов, неудач и огорчений. Многого пришлось нам пережить за это время. И

вот уже на карте штурмана нашего «бомбардировщика» снова вырисовывается «новая цель» – одиннадцатая пятилетка. А десятая будет теперь жить в наших воспоминаниях глухими, отдаленными раскатами грома и аккордами волнующей музыки победы.

Скажу кратко: мы успешно ее завершили.

Митинг, посвященный передовикам сельского хозяйства, выполнившим пятилетний план по сдаче хлеба государству. На плечах руководителей хозяйств – венки из колосьев

По итогам 10 пятилетки более 60 человек, в том числе 10 руководителей из 13, были награждены орденами и медалями. Предлагаю вашему вниманию фотографию.

Какие мы разные, молодые и не очень, русские и татары, чуваша и башкиры, украинцы и марийцы. Мы – дети одной Родины, имя которой – Советский Союз. К сожалению, некоторых из тех, кого вы видите на памятной фотографии, уже нет в живых. На бескрайних полях, на животноводческих фермах, на

тракторах и автомобилях, в зной и стужу, не щадя своих сил и веря в будущее, умножали они богатство нашей Родины.

Председатель колхоза «Кызыл Байрак» М.М. Нафиков сдаёт рапорт о выполнении плана сдачи зерна государству. Крайний слева – секретарь райкома Г.С. Азнабаев, четвёртый слева – председатель райисполкома Р.М. Арсланов, следующий за ним на первом плане – начальник Управления сельского хозяйства В.И. Филатов

Председатель колхоза им. Чапаева В.П. Картошин сдаёт рапорт

Самой высокой правительственной награды был удостоен водитель Кугарчинского совхоза Александр Петрович Куракин. Он был награждён орденом Ленина, стал депутатом Верховного Совета БАССР.

Я был награждён орденом «Знак Почёта», стал депутатом Верховного Совета и членом Совета старейшин.

– Не рановато ли? – говорили между собой некоторые мои старшие по возрасту и более опытные коллеги.

Признаюсь вам, глядя на убелённых сединой аксакалов, членов Совета старейшин, слушая их мудрые речи, я тоже иногда так думал, ведь тогда я был самым молодым в республике первым секретарём райкома партии.

Много раз в столице республики Уфе, на центральной Советской площади, перед зданием Совета Министров Башкирской АССР, в честь тружеников нашего района поднимался красный флаг с серпом и молотом. Мы радовались своим успехам и гордились тем, что своим трудом крепим могущество нашей любимой Родины. Какое необыкновенное чувство признательности и уважения испытывал я тогда к своим помощникам – членам бюро, руководителям хозяйств. Уже дважды мы с ними отчитывались на районной партийной конференции о проделанной за эти годы работе. И дважды были получены положительные оценки нашего труда. Дважды коммунисты района тайным голосованием единодушно избирали меня первым секретарем райкома партии, а моих помощников – членами партийного бюро.

Отчетно-выборная партийная конференция.

За трибуной – директор совхоза «Октябрьский» Фуат Салаватович Халитов

Мы были дружны и едины в помыслах. Нам вместе было работать легко и просто. Искренность и уважение стали нормой нашего экипажа «бомбардировщика».

Иногда, если в плане заседания бюро были сложные вопросы, я совершенно серьезно спрашивал: «А что скажет нам штурман Иванов, как проходит наш «полет» и какие у нас по курсу ближайшие ориентиры?»

Второй секретарь райкома КПСС, член бюро. Штурман тяжелого бомбардировщика в годы Великой Отечественной войны

И Михаил Степанович, как бы продолжая начатую еще в первый год десятой пятилетки игру, совершенно серьезно докладывал: «Недавно прошли «зимовку», следующий ориентир – «весенне-полевые работы».

– Не беспокойтесь, командир, следуем строго по намеченному курсу.

Слушая его, кто-то из членов бюро шутил, кто-то отпускал безобидные реплики, и мы иногда от души смеялись. Несколько разрядившись, мы начинали очередное заседание бюро с хорошим настроением, хотя иногда приходилось принимать «крутые» решения, вплоть до исключения виноватых из рядов Коммунистической партии и снятия их с работы, ведь не всё и не всегда решалось гладко и ровно. Нередко после подобных решений у меня долго болела голова и «давило» сердце. Эмоции, эмоции...

На празднике по случаю завершения весенне-полевых работ в колхозе им. Шагита Худайбердина

«Не затем тебя избирали первым секретарем райкома, чтобы кого-то жалеть, а кого-то ненавидеть. Будь объективным, постарайся во всем разобраться сам», – звучали в моей памяти слова Г.П. Федотова, которые он произнес во время прощания на границе района после первой партийной конференции.

Никогда не бывает попутного ветра у того, кто не знает, куда идти. Мы твердо знали куда идём, и уверенно следовали к новой цели – одиннадцатой пятилетке. Попутный ветер уверенно нес экипаж нашего «бомбардировщика».

Никто не знал тогда, что попутный ветер вскоре сменится «ветром перемен и новых мышлений». Как будто свирепый ураган пронесется по просторам нашей необъятной Родины. На долгие годы страна погрузится в хаос. Не стану я сейчас описывать обещанные народу «прелести перестройки». Это не входит в круг моего повествования. Да и стоит ли писать об этом «уникальном» эксперименте над своей страной и своим народом? Сейчас каждый это видит сам. Когда-нибудь позже народ даст оценку событиям того времени и воздаст должное авторам «нового мышления» и исполнителям его идей.

Другие тяжелые предчувствия змеей вползали мне в душу. Подсознательно ожидал я её «укуса». Все чаще и чаще я замечал, что нашему бессменному штурману нездоровится. Помню, как будто это было вчера. Хмурым, осенним вечером вошел ко мне в кабинет Михаил Степанович.

– Поговорить бы надо, Анатолий Петрович, – сказал он.

– Слушаю вас, Михаил Степанович, что-то произошло?

– Нездоровится мне в последнее время. Ищите мне замену, Анатолий Петрович, – как бы извиняясь, сказал он.

Земля будто ушла из-под моих ног. Я был ошеломлен и подавлен.

– Обследование мне нужно пройти, – добавил он грустно.

Сложно описать все, что пришлось пережить этому мужественному человеку. Скажу лишь, что печальная дорожка из бесчисленных медосмотров и анализов привела его в республиканский онкологический диспансер. Вскоре консилиум опытных врачей вынес вердикт: необходима срочная операция.

Сегодня, когда пишу эти строки, вспомнилось, что Михаил Степанович часто приглашал меня в лес собирать грибы. Он все о них знал и обещал показать лучшие грибные места, известные лишь ему одному. Каждый раз я клятвенно обещал, что мы скоро, уже в ближайшее время, ходим в лес. Вот и в эту сырую, дождливую осень я опять пообещал и опять не сдержал своего слова.

Зазвонил телефон. Сняв трубку, услышал незнакомый мне голос:

– Анатолий Петрович, я главврач диспансера. Вчера мы сделали операцию Михаилу Степановичу, надо бы встретиться. Завтра в 17-00 буду Вас ждать.

– Хорошо, я все понял. В 17-00 буду у Вас.

На следующий день, в 17 часов я вошел в кабинет главврача диспансера. Мы поздоровались.

– Анатолий Петрович, все, что зависело от нас, мы сделали. – Сделав небольшую паузу, он посмотрел мне прямо в глаза и продолжил: «Опоздали, нужно было ему раньше обратиться».

– Скажите, а когда можно забрать домой Михаила Степановича? – осведомился я.

– Этого делать не следует, он не транспортабелен.

Доктор тяжело вздохнул...

– Я позвоню Вам.

Я понял, что он имел в виду.

– Мне бы хотелось встретиться с Михаилом Степановичем. Разрешите мне побыть с ним, – тихо попросил я врача.

– Хорошо, Анатолий Петрович, только не более 5 минут. Сейчас мы сделаем ему укол, и тогда вы можете зайти, – сказал он мне и добавил: «Не более 5 минут».

Войдя в палату, я увидел совсем не того веселого, никогда не унывающего боевого штурмана, а как бы другого человека, маленького, с потухшим взглядом. Мне показалось, что он больше походил на подростка. Увидев меня, он обрадовался, спросил, как я здесь оказался. Пришлось солгать:

– Совещание было в обкоме, недавно закончилось – вот и решил Вас навестить.

– Спасибо, – Михаил Степанович болезненно улыбнулся, – а я вот лежу...

Он знал, что ему вырезали опухоль, и верил, что будет жить. Я, как мог, старался его подбодрить. Это было непросто. Ведь я уже знал, что наш штурман доживает последние дни. Как жестока судьба, как тяжело терять человека, ставшего твоим единомышленником, твоим другом!

– Вот скоро встану на ноги, и давайте, Анатолий Петрович, вместе сходим по грибы, – взяв меня за руку, тихо, из последних сил сказал мне Михаил Степанович.

Я опять обещал ему, что мы обязательно, как только он поправится, пойдём в лес, в березовую рощу. Посидим на берегу быстрой и холодной реки Большой Ик. Вскипятим на костре чайник, попьём чаю с горными травами, послушаем чарующие песни ночных птиц. Говоря это, я понимал фальшь своих слов. Ведь

я знал, что больше никогда не увижу его живым. Глаза мои застилала слезы. Заметив мое состояние, бывалый фронтовик, неоднократно смотревший смерти в лицо, сказал:

– Ну что Вы расстраиваетесь, Анатолий Петрович, я скоро встану, и мы опять «полетим» вместе в нашем «бомбардировщике»...

И, не закончив говорить, устало прикрыл глаза и тихо вздохнул.

Эти слова были последними, которые я от него слышал. Я понял, что мне нужно уйти. Пять минут времени, отпущенного нам на встречу, истекли. В палату тихо вошел врач и беззвучно поманил меня пальцем. Не помню, как я вышел из диспансера. Хорошо, что у выхода меня ждал водитель Шаукат Исламович. Как мы дошли до машины, я не помню. Слезы потоком лились из глаз.

– Прощай, Михаил Степанович, – тихо шептали мои губы.

– Что скажу я Полине Алексеевне, жене Михаила Степановича, когда вернусь из Уфы? Ведь она знает, что я был в больнице. На этот вопрос я не знал ответа.

На следующий день в райком позвонил главврач и сообщил, что Михаил Степанович умер. Я срочно собрал членов бюро, рассказал им о последнем разговоре с ним и сообщении врача. Мы решили гроб с телом нашего друга установить в районном Доме культуры. Военный комиссар района Разетдинов распорядился поставить у гроба боевой караул из ребят, вернувшихся из армии этой осенью.

Попрощаться с Михаилом Степановичем и проводить его в последний путь, скажу без преувеличения, пришли все жители села Мраково и близлежащих деревень. Его знали почти все, знали и уважали.

На кладбище был проведен траурный прощальный митинг. Время стерло из моей памяти речь, которую произнес, прощаясь с другом. Но я помню главные слова, сказанные о нём:

«Михаил Степанович свой путь к Победе начал от стен Москвы и закончил в Берлине. Он был боевым, бесстрашным штурманом. Рискуя жизнью, неоднократно совершал вылеты на территорию фашистской Германии.

Особенно он и его экипаж отличились в боях за Сталинград. За мужество и героизм был награжден Орденом Великой Отечественной войны второй степени. В небе над рекой Вислой его бомбардировщик был атакован немецкими истребителями. Самолет загорелся, Михаил Степанович по команде командира экипажа выбросился из горящего бомбардировщика с парашютом, был ранен, его командир погиб...»

Проводы в последний путь

Еще много хороших и проникновенных слов сказал я людям о Михаиле Степановиче. Слово предоставлялось всем, кто хотел и кто мог говорить. Такого стечения народа на митинге, как мне сказали члены бюро, они никогда не видели.

Прощальный траурный митинг

По команде военного комиссара района прогремел прощальный салют.

– Прощай, Михаил Степанович, – тихо шептал я.

После похорон с накипевшей болью в душе я пришел в райком. Вошел к себе в кабинет, сел за стол и закрыл лицо руками. Тяжелые мысли теснились у меня в голове и больно терзали сердце.

Думи мои, думи
 Лихо мени з вами!
 На шо стали на папери
 Сумными рядами?

Мне вспомнились я стихи Т.Г. Шевченко, помогающие хоть как-то заглушить боль невосполнимой утраты.

2.6. ЖИЗНЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

В каждом коллективе есть, наверное, люди, утрата которых кажется невозполнимой. Уход из состава партийного бюро второго секретаря райкома М.С. Иванова сильно повлиял на работу нашего коллективного органа.

Спустя некоторое время я обратился в отдел организационно-партийной работы Башкирского обкома КПСС с просьбой помочь мне подобрать нового сотрудника. Из предложенных мне кандидатур я никого не выбрал. Слишком значительным в моем сознании был образ и авторитет ушедшего из жизни М.С. Иванова.

– Не то, – сказал я в очередной раз заведующему организационным отделом Г.П. Федотову.

– Ну, знаешь, слишком ты, Анатолий Петрович, привередливый, – остудил мой пыл Геннадий Петрович. – Подбирай себе помощника сам, требования к работнику такого уровня ты знаешь. Ищи у себя в районе, когда подберешь соответствующую кандидатуру, присылай на собеседование. Посмотрим на твой выбор, – сказал он мне однажды.

Вскоре я лишился еще трёх человек из состава членов бюро. Ушел на работу в министерство просвещения республики председатель райисполкома Р.М. Арсланов – стал первым заместителем министра. Ушли на заслуженный отдых начальник управления сельского хозяйства В.И. Филатов и секретарь райкома партии Г.С. Азнабаев.

Когда ты теряешь одного уважаемого тобой человека, это, безусловно, тяжёлая потеря. Но когда вдруг ты теряешь одного за другим еще трёх человек, это просто катастрофа. За годы совместной работы я привык к ним, даже больше скажу: не мыслил себе работы без них.

– Что же мне делать? За что мне новое испытание? – подобные размышления загоняли меня в тупик.

– Уже пропущено несколько заседаний бюро, вопросы накапливаются. Нарушается график и ритм работы, – обеспокоенно, но терпеливо напоминал мне заведующий отделом организационно-партийной работы, опытный сотрудник райкома Галиулла Габитович Баймуратов.

Я же находился в каком-то оцепенении и, откровенно скажу, не знал, как мне выйти из создавшегося положения. Наконец после долгих раздумий решил выбрать себе помощников и членов бюро из молодых и, как мне тогда казалось, перспективных национальных кадров. Башкирский обком партии после собеседования с каждым кандидатом одобрил мой выбор. Вторым секретарем стал В.Г. Азнагулов, секретарем по идеологической работе был избран Ч.А.Гайсин.

Секретари райкома партии. Крайний слева – Ч.А. Гайсин, следующий за ним – В.Г. Азнагулов, А.П. Пономарев

Вскоре по моей рекомендации Совет Министров Башкирской республики назначил председателем райисполкома М.Г. Шарипова. Министерство сельского хозяйства республики утвердило начальником управления сельского хозяйства Алексея Никитовича Кушнерова.

СПРАВКА. А.Н. Кушнеров по национальности украинец. По моей просьбе обучал меня украинской мове, за что я ему бесконечно благодарен. Благодаря его стараниям я стал читать украинских писателей в подлиннике. Алек-

сей Никитович – уроженец Одесской области, окончил Одесский сельскохозяйственный институт. Армейскую службу нёс на острове Новая земля в Северном Ледовитом океане. Готовил полигон для испытания знаменитой «кузькиной матери». – Мы вам покажем «кузькину мать» – говорил с трибуны ООН импульсивный Никита Сергеевич Хрущев, и не без основания. Благодаря нашему ядерному щиту Запад с большим страхом и уважением относился к нашей стране, таил злобу и вынашивал замыслы стереть с карты истории СССР. По итогам десятой пятилетки А.Н. Кушнеров был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Так мне удалось, наконец, восстановить численный состав членов бюро.

Серьезные изменения произошли и в составе руководителей хозяйств. Погиб в автокатастрофе лучший председатель колхоза «Кызыл Байрак» Нафиков Минияр Минигалеевич, участник Великой Отечественной войны, кавалер многих боевых орденов и ордена Трудового Красного Знамени, которым был награжден по итогам десятой пятилетки.

Уехал на родину в Краснодарский край председатель колхоза им. В.И. Чапаева Виктор Павлович Картошин.

Ушел на заслуженный отдых председатель колхоза «Сеятель» Газизов, участник Великой Отечественной войны, Кавалер многих боевых и трудовых Орденов. Ушел в Управление профессионально-технического образования опытный директор совхоза «Кугарчинский» Багаутдинов. Произошли кадровые изменения в аппарате райкома партии.

Теперь, после замещения всех образовавшихся вакансий, можно было спокойно начинать одиннадцатую пятилетку. Но каждый раз после очередного заседания бюро я остро чувствовал, что мне не хватает чего-то очень важного, очень существенного. Чувство, что я опять остался на «дороге» один, ещё долго не покидало меня.

Но жизнь продолжалась шла каждодневная работа, о которой я расскажу дальше.

Уверен, что в каждой полученной тонне зерна, молока или мяса, в каждой стройке, будь то животноводческий комплекс, школа, детский садик, больница, дорога или что-либо другое, и поныне живут и останутся навсегда жить частички души моих товарищей – членов партийного бюро, руководителей хозяйств и организаций. Память о каждом прожитом дне надолго сохранится и у меня, и у всех, кто слышал в грохоте зерновых комбайнов гимн хлебному полю, кто не прятал лицо от холодных, пронизывающих ветров, кто держал в своих руках плоды Земли, без которых нет человеческому сердцу тепла и радости.

Обновленный состав райкома партии. Нижний ряд слева направо: В.К. Тятюшкин– заведующий общим отделом, В.Г. Азнагулов– второй секретарь РК КПСС, А.П. Пономарев– первый секретарь РК КПСС, Ч.А. Гайсин– третий секретарь РК КПСС, А.И. Сайткулов– заместитель заведующего идеологического отдела, Н.М. Скороваров– инструктор сельскохозяйственного отдела

Уже вскоре была сдана в эксплуатацию главная артерия жизнеобеспечения района – асфальтированная дорога Ира-Мраково. Построить асфальтированную дорогу было моей мечтой с того первого дня, как я вместе с Г.П. Федотовым приехал на партийную конференцию в Кугарчинский район.

Такой была дорога Ира-Мраково. По этой дороге я приехал на партийную конференцию в ноябре 1975 года

Не будет лишним сказать несколько слов о строителях дороги. В помощь «Башкирскому производственному управлению строительства дорог» была направлена прибывшая в Кугарчинский район на уборку урожая из г. Электросталь Московской области автоколонна из 180 автомобилей. В железных кузовах автосамосвалов вместо зерна нового урожая водители повезли щебень, гравий, песок, бетонные конструкции для мостов и горячий дымящийся асфальт из городов Мелеуз и Салават.

Сколько нареканий, неприятных разговоров и даже угроз мне пришлось выслушать от вышестоящих товарищей за нецелевое использование автотранспорта, прибывшего из Московской области на уборку урожая. Надо сказать правду, никаких последствий, кроме нервотрёпки, они для меня не имели. Единственный человек, кто хранил молчание, не осуждал и не поддерживал мои действия по нецелевому использованию автоколонны, был первый секретарь Башкирского обкома партии Мидхат Закирович Шакиров. Наверное, он хорошо знал известную восточную пословицу о караване, который идет... и помнил те слова, которые мне сказал, когда направлял в Кугарчинский район. Я

тоже всегда помнил, зачем я здесь, и делал всё возможное, чтобы оправдать его высокое доверие.

Невероятно, но моим помощником и единомышленником в строительстве дороги стал начальник электростальской автоколонны Георгий Прокофьевич Тихонов, участник Великой Отечественной войны. За боевые заслуги он был награжден многими орденами. Во время войны командовал автобатальоном. Неоднократно смотрел смерти в лицо. Испытал на себе все тяжести военного бездорожья. Он лучше всех знал, что такое дороги.

Назовите, мой читатель, объект важнее дороги. Назвали? А теперь скажите, мог ли он быть вообще и нормально функционировать, если к нему нет, и никогда не было дороги? Вот видите – не мог.

Наконец дорога была построена. По ней пошли в район грузы: стройматериалы, кирпич, сборный железобетон, различное технологическое оборудование. Мы строили, строили, строили... Строили много и быстро.

Пошли по этой дороге, еще не совсем обустроенной, автобусы, и пассажиры, спокойно глядя в окно, рассматривали неповторимые горнолесные пейзажи Кугарчинского района. Никто из них и не помнил уже, что совсем недавно на этой дороге стояли в глубоком снегу автомашины с соломой и другими грузами

для района, что здесь, с трудом преодолевая бездорожье, двигались тракторы. Мне тоже не раз приходилось с лопатой в руках откапывать свой служебный вездеход УАЗ-469, чтобы выбраться из очередного сугроба. Теперь дорога стала проезжей в любое время года.

Новая дорога Ира-Мраково. Роторный снегоочиститель в работе.

Сейчас, по истечении многих лет, я вспоминаю, с какой радостью прочитали все жители райцентра сообщение в районной газете «Слава труду» о том, что бюро райкома партии приняло решение построить в райцентре в Международный год ребенка типовой детский сад-комбинат за счет средств, заработанных населением на коммунистических субботниках.

Много прекрасных традиций родилось в ходе социалистического строительства в нашей стране. Самая замечательная из них – каждую годовщину со дня рождения В.И. Ленина отмечать коллективным трудом.

Двадцать второго апреля (день рождения В.И. Ленина). Все жители райцентра начали этот день коротким митингом у ворот своих предприятий и организаций. Секретари партийных комитетов объясняли народу суть постановления бюро райкома партии. Поверьте мне, никого не надо было агитировать, призывать безвозмездно трудиться.

Вскоре на территории будущего детсада-комбината собрались представители от коллективов и добровольцы. Закипела дружная работа, повсюду слышался смех, звучала музыка, песни. Как будто люди в спецовках отмечали здесь, на стройке, большой долгожданный праздник. Мне хотелось подойти к каждому ветерану, обнять, пожать ему руку, сказать слова благодарности за поддержку решения бюро районного комитета партии.

Накануне субботника начальник ПМК №153 Марк Викторович Цукер определил чёткий объём работ. Люди, не теряя ни одной минуты, дружно взялись за работу. В районном отделении Госбанка был открыт специальный счет, и вскоре на него стали поступать средства, заработанные населением на субботниках. Их хватило не только на то, чтобы рассчитаться со строителями, но и приобрести всё необходимое оборудование для детского сада.

Жители райцентра приходили каждую субботу и безвозмездно выполняли любую работу, независимо от их профессий. Я тоже часто бывал на этой стройке. Регулярно проводил планерки с подрядчиком, работал наравне со всеми, ведь и мой ребенок должен был пойти в этот сад-комбинат.

Литературный журнал «Башкортостан Кызы» (Женщины Башкирии) признал наш сад-комбинат лучшим среди сельских районов, участвующих в конкурсе. Детсад-комбинат нам удалось построить и сдать в эксплуатацию до конца текущего года, то есть за семь месяцев. По этому поводу было много безобидных шуток.

Заведующей детсадом была назначена одна из самых активных строительниц, имеющая специальное образование и опыт работы с детьми, С.В. Самойлова. Осенью, перед сдачей садика в эксплуатацию родители детей привезли из леса саженцы рябины с красными гроздьями. Детсад единодушно был назван «Рябинка». Мы, члены бюро, тоже посадили саженцы рябины: может быть, они растут до сих пор.

Митинг по случаю сдачи в эксплуатацию детского сада в Международный год ребенка. Символические ключи получает заведующая детсадом Самойлова Светлана Валентиновна. А.П. Пономарев разрезает ленту

При активном участии населения райцентра были построены поликлиника и водопровод. Из всех объектов, которые были сооружены в райцентре, больше всего хлопот у меня было с водопроводом. Казалось бы, нет проще объекта: копай траншеи и закладывай трубы. Но всё было не так просто. Ежегодно министр коммунального хозяйства республики Мидхат Гайнулович Галиуллин по просьбе райкома партии выделял деньги на строительство водопровода, и ежегодно они не осваивались в полном объёме. Мне уже стало стыдно заходить к нему в кабинет и опять просить денег на следующий год.

Согласно проектной документации, резервуар-накопитель должен был находиться на одной из гор, с северной части села Мраково. В этом и была трудность. Скальный грунт не позволял провести туда магистраль, питающую

резервуар, и обратную, поддерживающую давление в водопроводе. Техника была бессильна.

Группа детей первого набора детского сада «Рябинка». Интересно было бы узнать, как сложилась их судьба. Среди них – мой сын Коля

Однажды я проезжал мимо горы с начальником геофизической партии М.Х. Назировым. Он уже второй год проводил в районе изыскательские работы по поискам запасов нефти на больших глубинах. Методом буровзрывных работ геофизики прослушивали возвратный сигнал взрыва с больших глубин и с помощью соответствующей аппаратуры определяли наличие или отсутствие нефти в исследуемом пласте земной коры.

Запасы сернистого газа были колоссальны, а вот нефти пока не удавалось обнаружить.

– Марат Хидиатович, а что если нам подняться на вершину горы, – сказал я начальнику геофизической партии. С вершины мы увидели панораму села Мраково.

– Какая удивительная картина, – восхитился начальник партии.

– Марат Хидиатович, Вы правы, панорама села действительно живописна, – поддержал я его восторженные высказывания. – Помоги, Марат (мы были ро-

весники, и я перешёл на «ты»), взорви скалу по трассе будущего водопровода, это всего лишь полтора километра.

– Ого, а где мне взять столько взрывчатки? (он тут же в уме сделал необходимые расчеты). Да и профиль исследуемых глубин здесь не проходит, – заключил он, как мне показалось, с некоторым сожалением.

– Марат, я знаю, твой профиль проходит параллельно трассе водопровода, через то поле пшеницы. Директор совхоза Р. Шагаров не даст тебе разрешение пройти с твоей техникой через поле, пока оно не будет убрано.

– Тогда у меня сорвется график работы.

– А у меня уж который год срывается пуск в эксплуатацию водопровода. Вон, видишь сооружение? Это будущий резервуар для воды, он опять останется пустым, если мы не подведем воду. Так что давай, Марат, договоримся. Ты ведь сам определяешь трассу профиля? – Спросил я его.

– Конечно.

– Ну, вот и запланируй профиль по трассе будущего водопровода, заложи в скважины заряды помощнее и взорви. Может и найдешь как раз то, что ищешь. А я переговорю с директором совхоза, чтобы он разрешил тебе пройти через поле до уборки урожая.

Вскоре по всей трассе будущего водопровода прогремел созидательный взрыв. Бульдозеры и экскаваторы быстро завершили начатую работу. Водопровод был сдан в эксплуатацию, а я с облегчением вздохнул.

В годы десятой пятилетки за счёт средств хозяйств были построены типовой молокозавод, хлебозавод, холодильник, база сельхозхимии, цех по ремонту зерновых комбайнов, несколько средних школ, типовая база РЭС, районная библиотека, Дом быта, овцеводческий комплекс в колхозе им. М. Горького, молочный комплекс в колхозе «Кызыл Байрак». Начато строительство учебного корпуса СПТУ и свинокомплекса на десять тысяч центнеров свинины в год в колхозе «Октябрь».

Успешное строительство объектов в районе стало возможным благодаря хорошо налаженным связям с начальником главного территориального управления по строительству в Башкирской АССР В.Я. Громаковым. С его помощью в районе была создана и материально укреплена база ПМК-153 треста «Кумертаустрой» с объёмом строительно-монтажных работ более одного миллиона рублей в год. Начальником ПМК-153 был назначен грамотный, деловой и, как сейчас говорят, предприимчивый Марк Викторович Цукер.

В это же время с помощью председателя Совета «Башмежколхозстройобъединение» В.Д. Хромых была значительно укреплена материально-техническая база межколхозной строительной организации с объёмом строительно-монтажных работ более 1,5 млн. руб. в год. Председателем межколхозной строительной организации был назначен Наиль³³ Яхеевич Ахтямов. Его фотографию Вы видите на титульной странице второй главы повести, в нижнем ряду, крайний справа. Наиль Яхеевич Ахтямов за успехи в строительстве объектов по ходатайству райкома партии был дважды награжден высокими правительственными наградами.

В годы десятой пятилетки широкое распространение в районе получил так называемый хозяйственный способ строительства. По просьбе райкома партии, при поддержке заместителя председателя Совета Министров БАССР Г.М. Осьмухина председатель Госплана БАССР В.М. Пастушенко выделял Кугарчинскому району на строительство объектов хозяйственным способом колоссальные средства. Выделенные району бюджетные средства распределялись по хозяйствам и организациям района.

Сейчас, исходя из реалий сегодняшнего дня, я думаю, какое широкое поле открывалось для хищения этих средств! А ведь не было ни одного случая хищения денег или стройматериалов. Деньги осваивались согласно утвержденным райкомом графикам строительства. При строгом партийном контроле школы, магазины, фельдшерско-акушерские пункты, животноводческие фермы

³³ Имя Наиль расшифровывается как наследник Ильича.

своевременно сдавались в эксплуатацию. Наверное, при этом я страдал больше всех. Не всегда у меня в служебной машине были сапоги и спецовка. Каждый раз после очередной планерки на объекте или его сдачи в эксплуатацию мне приходилось покупать новый костюм, так как прежний был в краске, извести или алебастре: благо, что одежда и обувь стоили тогда недорого.

С большим уважением и пониманием к просьбам райкома партии при строительстве районной поликлиники, реконструкции участковых больниц и фельдшерских пунктов относился министр здравоохранения республики Минигалим Хазигалеевич Камалов. Поддерживал и всячески помогал нам в строительстве школ и комплектовании их молодыми кадрами, выпускниками вузов министр просвещения Сабир Шаяхметович Зиганшин. Ежегодно по просьбе райкома партии район получал специалистов, выпускников различных вузов республики.

У входа в райком партии. Встреча с молодыми специалистами, прибывшими в район по направлению министерства просвещения

Председатель республиканского объединения «Сельхоз техника» Воюшин Владимир Леонидович, известный читателю по первой главе повести, ставший вторым секретарём Башкирского обкома КПСС, охотно, как и прежде, поддер-

живал наши добрые начинания. Открывались широкие перспективы и возможности в других, не менее важных делах.

С молодыми учителями, прибывшими в район в 1980 г.

Встреча в райкоме партии с молодыми выпускниками вузов, прибывших в район по распределению

Не подумайте, мой читатель, что нам всё легко и просто удавалось. Безусловно, мы старались ежегодно выполнять государственные планы. Не всегда получалось, были и срывы. Иногда на совещании в обкоме партии я попадал под огонь уничтожающей критики. Интуитивно я чувствовал, что когда-нибудь мое сердце не выдержит, как когда-то после очередной несправедливой критики не выдержало сердце моего первого наставника Ивана Ильича, о котором я упоминал ранее. Я тогда еще не знал, что подобными мыслями лишь приближал то, чего не хотел. Ведь я был молод, и очень хотелось жить.

Руководители хозяйств знали, что меня в очередной раз «потрепали», и переживали неудачи вместе со мной. Нередко, чтобы увеличить объемы производства продукции, мы на заседании очередного бюро принимали решение дополнительно построить новый животноводческий объект. Однако ещё до окончания строительства району совершенно необоснованно увеличивали план сдачи государству молока или мяса.

Именно так произошло при строительстве свиноводческого комплекса на десять тысяч центнеров мяса в год в колхозе «Октябрь». Комплекс был ещё в стадии строительства, а району увеличили план сдачи свинины государству на десять тысяч центнеров. Пришлось срочно запускать комплекс в работу по частям, не дожидаясь полного завершения строительства³⁴.

К сожалению, это было не раз. Извините, я, кажется, увлекся и отошел от темы. Хотя, впрочем, и в этих воспоминаниях тоже часть моей беспокойной жизни.

Иногда на заседании бюро к виновным в нарушении закона и партийной этики приходилось принимать крутые меры. Однажды вечером, когда я еще не ушел домой, дежурный по райкому сообщил, что ко мне пришел на приём посетитель.

– Чего он хочет? – Спросил я дежурного.

– Не знаю, говорит, что ему надо срочно к вам.

³⁴ В дальнейшем этот метод ввода строящегося объекта по частям был одобрен обкомом КПСС.

– Пусть заходит, карточку посетителя заполните потом.

Вошёл не известный мне человек, отрекомендовался, назвал свою фамилию, имя и отчество. Затем, глядя мне в глаза, сообщил, что председатель районного народного суда взял у него взятку и положил её в сейф.

– Когда это было? – Спросил я его.

– Десять минут назад, – ответил посетитель.

Сейчас не могу объяснить, почему я ему поверил. Раньше в мой адрес поступали письма без подписи о неправомερных делах судьи, но сообщения были не конкретными, и по ним нельзя было принять никаких мер.

Я сразу же вызвал председателя партийной комиссии и начальника милиции майора Янбекова Винера Кашфуловича, попросил их вместе с посетителем (заявителем) пройти в кабинет председателя районного народного суда и заставить судью открыть сейф. При этом сказал им, что если он откажется это сделать, немедленно опечатать сейф и вызвать представителя министерства юстиции и районного прокурора. Далее предстояло составить акт изъятия свертка с указанием содержимого, если таковой окажется там.

Действительно, сообщение заявителя подтвердилось. Уже поздно вечером состоялось внеочередное заседание партийного бюро.

– Неужели вы всерьёз думаете, что можете меня снять с работы? Ведь не вы меня назначали председателем районного народного суда, и не вам меня снимать, – сказал судья членам бюро.

Он был раздражён и с трудом сохранял свой высокомерный вид.

– А мы и не думаем вас снимать с работы, это не входит в компетенцию бюро, – успокоил я его.

Он долго и пристально рассматривал меня: видимо, не привык к такому обращению с ним, считал, что только он вправе задавать вопросы и решать судьбы людей.

Я попросил его передать мне партийный билет – таков был порядок. Это не шло вразрез с Уставом КПСС, знал об этом и я и, безусловно, председатель суда.

Получив партбилет и посмотрев отметки об уплате членских партийных взносов, попросил у него объяснения по факту изъятия свёртка из его сейфа. Постановлением Заседания бюро председатель районного народного суда единогласно был исключён из рядов Коммунистической партии. Бюро райкома партии рекомендовало министру юстиции Ляле Хазиевне Идрисовой рассмотреть вопрос о целесообразности оставления его в должности председателя Кугарчинского народного суда. Вскоре министерством юстиции БАССР он был снят с работы. Согласно существовавшему тогда положению, беспартийный, а тем более исключённый из рядов КПСС, не мог быть председателем районного народного суда.

Это решение не прошло для меня без последствий. В разные инстанции, вплоть до ЦК КПСС и лично председателю партийной комиссии товарищу А.Я. Пельше, на меня поступило от неизвестных лиц по меньшей мере два десятка анонимных жалоб. В них доверительно сообщалось обо мне такое, о чём я никогда не помышлял, а тем более не делал. Скажу вам, жалобы на нас, первых секретарей, в том числе и анонимные (то есть без подписи), тщательно проверялись. Одни проверяющие уезжали, поступали новые жалобы без подписей, приезжали уже другие проверяющие, и проверки начинались с ещё большим рвением, поскольку «доброжелатель» указывал, что прежние проверки проводились поверхностно.

Надо признать, что в этом беспределе клеветы и наветов мы были просто беззащитны. После подобных проверок и объяснений с проверяющими у меня мучительно болело сердце, надолго выбивая меня из привычного ритма жизни.

Припоминается и другой случай (фамилия, имя, отчество вымышленные: событие, о котором пойдёт речь – подлинное). В сейфе у меня уже давно лежало письмо без подписи, в котором сообщалось о связи Хлебникова Ивана Ни-

колаевича с некой женщиной. Срок проверки жалобы истекал, и я уже давно хотел поговорить с ним, но не знал, как это сделать поделикатнее. Иван Николаевич был значительно старше меня, совершенно седой, умудрённый большим жизненным опытом. В тяжёлые годы войны, ещё подростком, Хлебников начал работать в совхозе. Ухаживал за скотом, пас и объезжал лошадей, готовил их для прославления Башкирской кавалеристской дивизии. Заочно окончил сельскохозяйственный институт и впоследствии стал директором совхоза. Был женат, вырастил и воспитал двоих сыновей. За трудовые достижения был награждён орденом «Знак Почёта», многими медалями и Почётными грамотами райкома партии и исполкома райсовета. В ходе проверки жалобы подтвердились изложенные в ней сведения. В беседе с председателем партийной комиссии Хлебников не отрицал своей связи. Вскоре состоялось заседание партийного бюро. Председатель партийной комиссии доложил членам бюро о результатах проверки жалобы, счёл действия аморальными и предложил дать партийную оценку поступку Хлебникова.

– Вот видите, Иван Николаевич, – начал я, – есть повод обсудить ваше поведение на заседании бюро. Как вы сами оцениваете свой поступок?

– Не знаю, не мне судить. У вас жалоба, вам решать, – как-то отрешённо сказал он.

А что я мог решить? Действовать строго по Уставу партии и объявить его поведение аморальным я считал, будет не совсем правильным. Опыта по рассмотрению подобных вопросов у меня ещё не было. Я мучительно думал, как поступить, какое решение принять. А в памяти у меня вдруг закрутились слова поэта Сергея Острового: «Человек – он ведь тоже природа. Он ведь тоже восход и закат. И четыре в нём времени года. И особой в нём музыки ход... и какая в нём брезжит погода...»

Члены бюро притихли в ожидании. У Ивана Николаевича был подавленный вид. Скажу откровенно, мне его было жаль. Я попросил членов бюро высказаться по существу персонального дела. Один из членов бюро встал и довольно

строго отчитал Хлебникова, высказал своё мнение, что за внебрачную связь его надо исключить из рядов Коммунистической партии и предложить начальнику управления сельского хозяйства освободить его от обязанностей директора совхоза. Следующий выступающий сказал, что знает Хлебникова как хорошего руководителя, однако это не даёт ему права вести себя аморально, и предложил объявить ему строгий выговор с занесением в учётную карточку, оставив его в должности директора, чтобы возвратиться к рассмотрению этого вопроса через год. Выступили все члены бюро. Никто не остался равнодушным к судьбе товарища по партии. За всё время обсуждения Хлебников не проронил ни одного слова, молчал и не делал никаких заявлений. О чём думал, какие мысли теснились у него в голове, мне неизвестно.

Единогласно было принято решение объявить строгий выговор с занесением в учётную карточку и предложить ему упорядочить свои семейные отношения.

Как сложилась его судьба, и какое было принято решение по его персональному делу через год, мне не известно. Вскоре я был освобождён от обязанностей первого секретаря Кугарчинского райкома партии и переведён на работу в Аскинский райком.

Сейчас я думаю, что подобные «персональные дела» навсегда ушли в прошлое. А хорошо ли это или плохо, кто знает...

За весь период работы в должности первого секретаря, а это почти пятнадцать лет, я ни разу не принял решение исключить из рядов Коммунистической партии руководителя хозяйства. Не было на то оснований. Выговоры объявлять приходилось нередко, в том числе и с занесением в учётную карточку. Многие из числа наказанных относились с пониманием к партийному взысканию и уже через год исправляли положение. В доверенном им хозяйстве наводили порядок, обеспечивали выполнение государственных планов. Выговор снимался, и я от души поздравлял руководителя, жал ему руку. Другие подолгу писали злые жалобы и таили обиды. К счастью, их было немного.

С руководителями хозяйств и организаций, моими помощниками и единомышленниками мы старались выполнять решения партии и Правительства. Шли по жизни от одного года к другому, от вехи к вехе, крепко взявшись за руки. Мы были разными по возрасту, разными по национальности. Порой говорили на разных языках, без переводчиков понимали друг друга. Это было удивительно хорошее время. Это была моя беспокойная жизнь.

2.7. ВЫМОЙ РУКИ В КЛЮЧЕВОЙ ВОДЕ ЖИДЕБУЛАКА³⁵

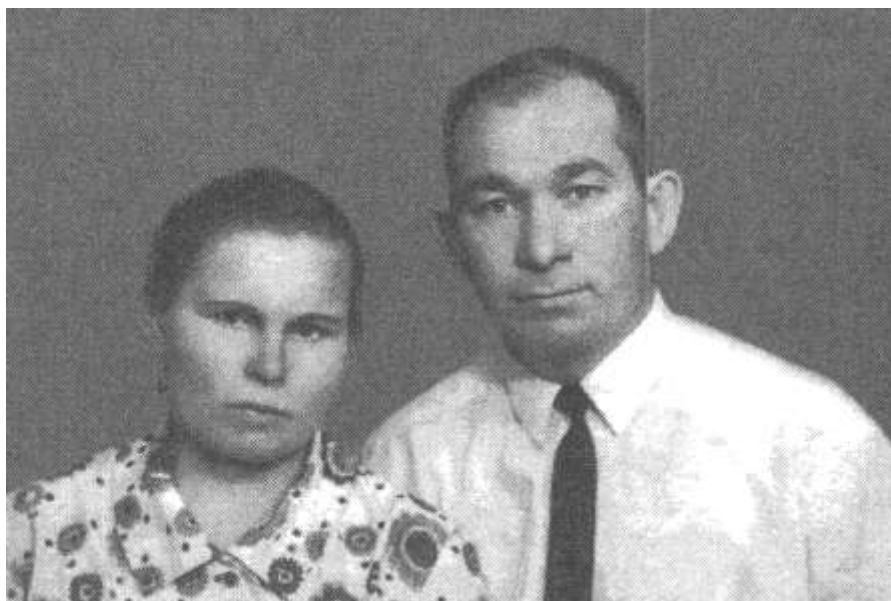
Когда по ходу повести я вспоминаю имя этого человека, перед мысленным взором встаёт внешне суровый, но добрый в душе человек. Это о таких, как он, сказано: «Не прятал лицо от холодных, пронизывающих ветров, держал в своих руках плоды Земли».

Фуат Салаватович Халитов родился в семье сельского активиста, организатора колхозного производства. Он и его сверстники, дети военных лет, рано приняли на свои еще не окрепшие плечи трудовую вахту от своих отцов-участников войны. Бескорыстным трудом, не требуя высоких оплат и почестей, крепили они могущество нашей Родины. Именно у этого поколения самый большой трудовой стаж.

Сейчас этот уважаемый человек, награжденный орденами «Знак Почета» и «Трудового Красного Знамени», многими медалями и Почетными грамотами, находится на заслуженном отдыхе. Вместе с женой Гюльбану Шаяхметовной они воспитали четверых детей.

Уже в зрелом возрасте, после выхода на пенсию, у него появилась тяга к поэзии. За последние годы вышли в свет уже два сборника стихов на его родном татарском языке. Совсем недавно он подарил мне книжку своих творений. Она называется «Без бергэ» (Мы вместе). Это удивительные по содержанию стихи.

³⁵ Жидебулак – название реки.

Ф.С. Халитов, Г.Ш. Халитова

О нем, об этом человеке, директоре самого крупного на юге Башкирии совхоза «Октябрьский», пойдет мой рассказ. Но вначале скажу всего лишь несколько слов о совхозе.

Совхоз «Октябрьский» был создан в 1961 году на базе нескольких бывших колхозов. Общая земельная площадь составила 64800 гектаров, из них пашня – более 36000 га. Это было крупное, многоотраслевое, устойчиво рентабельное хозяйство. Специализация совхоза на производстве зерна и сахарной свеклы в сочетании с развитым животноводством и пчеловодством позволяли ему из года в год добиваться высоких производственно-экономических показателей. За счет свободной части прибыли совхоза, оставшейся после выплат государству, строились детские сады, водопроводы, жилые дома для рабочих и специалистов. Создавалась нужная инфраструктура. За период своего существования совхоз сдал государству около 1 млн. тонн зерна, более 1 млн. тонн сахарной свеклы и много различной животноводческой продукции: молока, мяса, меда, шерсти. Всего там трудились около 2000 человек.

Сейчас этого совхоза нет. На всей бывшей территории работают не более 120-130 человек. Животноводческие фермы, комплексы, машинные дворы, мастерские разрушены и представляют собой груду щебня, битого кирпича, обломков железобетона. Разрушена инфраструктура хозяйства. Оставшиеся без

работы трактористы, водители, комбайнеры, строители, животноводы и другие категории работников совхоза бедствуют. Имея самый большой стаж работы, по сорок лет и более, они получают нищенские пенсии и влачат жалкое существование. Те же, кто не получает пенсии, бедствуют еще больше. Мужчины, оставив свои семьи, мечутся по всей России в поисках хоть какой-нибудь работы.

Таковы реалии сегодняшнего дня не только в совхозе «Октябрьский»: подобное происходит на всей территории бывшего СССР. Не стану я давать оценку сложившейся вопиющей ситуации, не входит это в тему моего повествования.

А сейчас я продолжу начатый рассказ.

В пору жатвы лишь два цвета красок волнуют и радуют крестьянина: золотистый цвет спелых колосьев пшеницы и голубой – чистого безоблачного неба. Но не часто балует земледельцев Южного Предуралья желанная голубизна.

В тот яркий августовский день по дороге в совхоз «Октябрьский» я встретился в поле с директором совхоза «Исимовский» Петром Алексеевичем Огарковым. Остановившись на краю поля, где работало звено комбайнов, я слушал его взволнованный рассказ.

– Сколько времени сберег нам крупногрупповой метод уборки урожая, а коллектив как сплотился! Попробуй кто-нибудь теперь работать спустя рукава, допускать огрехи и потери, товарищи комбайнеры, идущие по полю вслед за ним, не допустят подобное. Приятно, когда люди, сплотившись, помогают друг другу в нелегком механизаторском деле.

– У Вас, Петр Алексеевич, хорошо получается убирать хлеб прямым комбайнированием, а не хотите ли вы попробовать убрать вон то поле отдельным способом, – предложил я директору.

Мы подъехали к полю.

– Скосить в валки эту пшеницу уже можно, в восковой спелости она находится. Но вот беда, чувствую я, что погода скоро испортится, а вдруг дожди затяжные начнутся. Потери будут большие, – заключил он.

На поле в совхозе «Исимовский». Крайний справа – директор совхоза П.А. Огарков, крайний слева – секретарь партийного комитета совхоза Чулпан Абдулхакович Гайсин

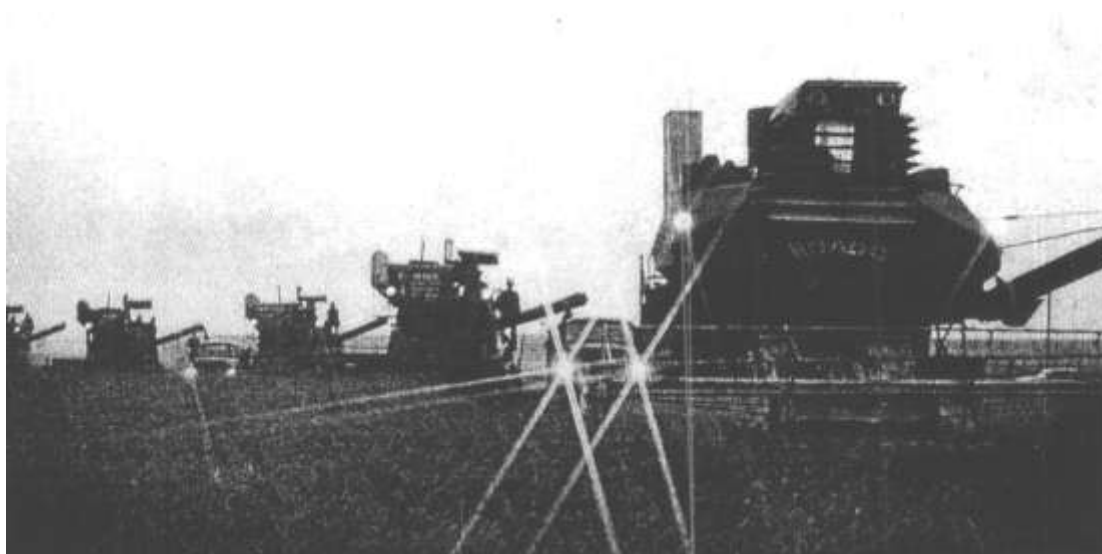
Я не стал настаивать, ибо знал, что Петр Алексеевич Огарков очень опытный директор и уважаемый в районе человек. К его мнению следовало прислушаться.

В совхозе «Исимовский» благодаря его стараниям была построена и введена в эксплуатацию уникальная установка по расщеплению и осолаживанию клетчатки соломы методом высокого давления и высокой температуры пара. Улучшенная таким способом солома не уступала по качеству сену. Использовалась она при откорме крупного рогатого скота на открытой откормочной площадке.

Осмотрев еще несколько полей, поговорив с комбайнерами и оставив директора в поле, я уехал в совхоз «Октябрьский», где меня уже ждал Ф.С. Халитов. Вместе с ним мы подъехали к полю, где комбайны, собранные в крупные механизированные звенья, обмолачивали яровую пшеницу.

Когда наступает пора уборки и колосья приобретают золотистый цвет, вдруг замечаешь, каким величественным становится крестьянин, посеявший хлеб. Насколько красив он в своем трудовом порыве. Может быть теперь, когда изменилось отношение к сельскому труду, вполне может кто-то усомниться и не поверить, что сельскому человеку генетически свойственна любовь к хлебному полю, к профессии механизатора, комбайнера, животновода. Приведу лишь один пример подлинной любви к своей профессии. Комбайнер совхоза «Октябрьский» Дамир Абзалилов в том памятном году выдал из бункера своего комбайна «Сибиряк» более 20 000 центнеров зерна. Его комбайн поступил в совхоз в разгар уборки. В короткий срок Дамир привел его в рабочее состояние, и – сразу в поле. Это не единичный случай, так поступали все комбайнеры. Десятки тысяч центнеров зерна намолотил каждый из них в тот год.

Уборка зерновых в совхозе вступала в завершающую фазу. Комбайнеры топились убрать начатое еще вчера огромное поле яровой пшеницы.

Уборка зерновых в совхозе «Октябрьский» крупногрупповым способом

– Сколько вы, Фуат Салаватович, планируете сдать зерна государству? – спросил я директора совхоза.

– Двадцать пять тысяч тонн точно будет, – ответил Фуат Салаватович.

– Хорошо, а сколько будет сверх плана?

– Планируем еще три тысячи тонн. Надо бы поскорее закончить уборку, – глядя на потемневшее небо, ответил он.

Гроза разыгралась внезапно. Раздирая громаду неба, яркие молнии озаряли вдруг потемневший небосвод. Ветер терзал промокшую ниву, а гром внушительно встряхивал землю. Дождь лил сплошной стеной. С неба на поле спелой пшеницы, на нас, на комбайны обрушился водопад. Молнии непрерывно сверкали одна за другой, и где-то совсем близко над головой, из низко летящих темных туч раздавался оглушительный грохот.

Казалось, разгулу внезапной стихии не будет конца. Однако вскоре ливень стих, и гроза переместилась в горную часть совхоза. Отдаленные раскаты грома и молнии уже не были такими страшными.

Комбайны стали, на поле появились большие лужи. Выглянуло яркое солнце, и лишь белое облако, зацепившееся за вершину Биик Тау (Большая гора), напоминало о прошедшей недавно грозе.

– Послушайте, Анатолий Петрович, здесь совсем рядом, на речке Жидебулак, находится мое родное село Кугарчи. Там я родился, вырос, окончил среднюю школу, там я встретил свою Гюль. Отсюда я ушел в армию и, окончив институт, возвратился сюда. Там, на тихом сельском кладбище, покоятся мои предки. Давайте заедем, посмотрим село, зайдем в школу, где я учился, – обратился ко мне Фуат Салаватович.

Я согласился.

По пути в село он поведал мне историю села, школы и своих сверстников. Я лишь воспроизведу то, что осталось у меня в памяти.

– Наши деды-прадеды, – начал он свой рассказ, – умели выбирать место для поселения: чтобы лес был рядом, обильные выпасы для скота, цветущие луга и земли для возделывания зерна и овощей были удобными. Особенно беспокоились старейшины о речке, чтобы она была чистая, быстрая, с бурлящими холодными родниками. Ведь если земля, говорят, кормилица, то речка – поилица.

Наша тихая улочка выходит прямо на берег речки. Пяти деревням дала жизнь наша Жидебулак. С древних, незапамятных времен здесь жили башкиры рода Давлеткула. Позже в низовье Жидебулака поселились мои предки, усяр-

ганские башкиры. Однако мои односельчане называют себя татарами из рода Кугарчен, и поэтому село наше называется Кугарчи.

Помню, в селе стояла большая и очень красивая зеленая мечеть с высоким минаретом. Строилась она на деньги всего населения. Отдельвалась без спешки. На её строительстве трудились лучшие сельские мастера. Не каждому доверялось это важное дело. От наших стариков я узнал, что за очень высокую плату раскрашивал мечеть русский мастер-красильщик. За краской специально ездили в Оренбург и выбирали лучшую, точно такую же, какой блещет в Оренбурге и поныне знаменитый Караван-Сарай. Она получилась поистине величавой, с кружевной резьбой и тонким полумесяцем на остром шпиле минарета.

Судьбе было угодно распорядиться так, чтобы в просторном зале мечети впоследствии расположилась средняя школа, которую я окончил.

Удивительна судьба моей школы. Трижды она меняла место своего расположения, и на каждом новом месте становилась лучше. Первой была медресе – приходская мусульманская духовная школа. Находилась она, как говорят старики, во дворе мечети. В медресе учили только мальчиков, и то далеко не всех. Приходили учиться те, кому было во что одеться, обуться, и те, чьи родители могли заплатить за обучение хазрету (мулле). В школе учили читать религиозные тексты на арабском языке. Говорят, что наша медресе была лучшей в округе, сюда привозили детей даже из Оренбурга.

Первое переселение школы произошло якобы в 1929-1930 годах, точно не знаю. Из ограды зеленой мечети вынесли медресе за село, на склон того сырта. Она стала народной четырехлетней. Теперь её посещение было бесплатным не только для детей, но и для взрослых из числа тех, кто хотел научиться читать и писать. Там она простояла недолго, говорят, 3-4 года. Затем её перенесли на другую сторону села. Здесь к ней сделали пристройку, и она стала неполной средней школой. Тогда семилетнее образование стало всеобщим, бесплатным и обязательным для всех.

В 1949 году, это событие я уже хорошо помню, школа возвратилась на свое прежнее место, воссоединилась с бывшей мечетью и стала средней. В ней я окончил 10 классов.

Так из медресе выросла современная советская школа. Первым директором и строителем средней школы стал наш односельчанин, коммунист Котдус Закирович Валитов, участник Великой Отечественной войны, офицер танковых войск, энергичный и смелый человек.

Я никогда не видел его унывающим. Он всегда был приветлив, общителен, к каждому находил нужное слово. Котдус Закирович просто горел на работе, добывал лес, доски, кровлю, цемент, шифер, железные скобы, гвозди. Время было трудное. Страна восстанавливала разрушенные войной города и села. Строительных материалов катастрофически не хватало. Пригодились бревна старой зеленой мечети, доски от заброшенных байских домов. Всё пошло под топоры и рубанки пожилых стариков-плотников. С большим усердием, старательно прилаживали местные умельцы каждый обрубок дерева к подходящему месту. Я тогда был еще мальчишкой, мы вместе с моими товарищами – Валитовым Октябрём, Рафиковым Минибаем, Исмагиловым Хамидуллой, Искандаровым Камиллом и другими ребятами – на лошадях и телегах подвозили из старой школы парты, классные доски, школьное оборудование; отвозили от нового здания строительный мусор.

Всё взрослое население села трудилось на стройке в вечернее и более позднее время. Днём все были на колхозной работе. Никому из ребят не нужно было напоминать идти на стройку: все мы, от малышей до будущих восьмиклассников (девятиклассников еще не было) целыми днями трудились на строительстве своей школы.

Фуат Халитов, Котдус Валитов. Октябрь, 1952 год

Какое это было счастливое время, пусть трудное, но зато так радостно и сладко было работать! С какой радостью я, как и все мои сверстники, 1 сентября перешагнули порог нашей новой школы!

Немало времени прошло с тех пор. Разъехались по стране её выпускники, мои товарищи. Стали инженерами, строителями, агрономами, врачами, учителями, партийными и советскими работниками, руководителями колхозов и совхозов. Я часто вспоминаю их и нередко вижу во сне. Как бы я хотел с ними встретиться! Почти каждый год я бываю в родной школе, и каждый раз испытываю что-то такое особенное, волнующее душу.

Ушёл на заслуженный отдых наш боевой директор, в коллективе учителей теперь большинство тех, кто в этой же школе учился держать ручку, выводить свои первые буквы, писать слово Родина. Возглавляет школу сейчас её выпускник – Валитов Фарваз Калиевич.

Не я теперь учусь здесь, а всё равно чувствую, будто она, эта школа, и сейчас меня чему-то учит. Мне всегда хочется войти в класс, потрогать рукой парты, покрутить глобус, погладить, словно живое существо, эти уже обветшалые стены. Фуат Салаватович вдруг замолчал, о чем-то задумался, и я почувствовал, что какие-то особые мысли теснились в его голове.

– А знаете, Анатолий Петрович, есть у меня сокровенная мечта, – сказал он тихо и проникновенно. – Я обязательно построю здесь новую, современную среднюю школу.

Лицо его выражало спокойствие и решительность.

– Трудное дело ты задумал, Фуат Салаватович, ведь школа – это не коровник, не детский садик и даже не участковая больница в Максютово, за строительство которой ты получил строгий выговор от моего предшественника Марата Саяховича Баталова. До сих пор не пойму, чем ты его так прогневал? Наверное, характер у тебя упрямый, непоседливый. Не любишь ты ходить по указанной тебе сверху дорожке.

Говоря это, я думал: а я ведь сам такой. Был бы другой, не поехал бы из теплой Ростовской области за Урал, не испытывал бы свою судьбу в Башкирском Зауралье, в Зилаирском совхозе, в Баймакском районе, не маялся бы теперь в Кугарчинском районе.

– Школа, – продолжал я, – это непростой объект, к ней нужна котельная, водопровод, канализация, столовая, спортивный зал, трансформаторная подстанция и, наконец, серьезная подрядная строительная организация, способная освоить крупные капиталовложения. А ведь сюда даже дороги нет, по которой можно подвезти стройматериалы. Не в каждом районном центре республики есть типовая средняя школа. А вы, Фуат Салаватович, задумали её построить в каком-то селе Кугарчи. Чтобы получить на строительство такие большие деньги, надо убедить руководство республики. А мотивы какие? Здесь, мол, в этом селе родился Фуат Салаватович, школа, мол, находится в бывшей мечети? Так и во многих райцентрах школы находятся в приспособленных, ещё в более худших помещениях, – пытался я остудить его патриотический пыл.

Не знал я тогда, что вскоре сам займусь строительством школ в другом районе. Переходящее Красное Знамя министерства просвещения СССР и памятный кубок за строительство школ получу в Аскинском районе. Но это будет уже другая история, и о ней я расскажу в третьей главе моей повести.

– Ну вот и помогите, Анатолий Петрович, решить вопрос на верхних уровнях власти, а школу я построю сам, хозяйственным способом. Будет намного дешевле: народ поможет, это будет народная стройка. Не дело, – продолжал он, – учить детей в бывшей мечети, да и ветхим стало уже здание. А мечеть надо возвратить старикам, это будет по-честному. Не будет школы и мечети – умрет село, – заключил он.

Задумался я тогда над его словами, и сейчас еще они звучат в моей памяти: «А мечеть надо возвратить старикам, это будет по-честному».

– Давайте зайдем в школу, ведь в поле все равно делать нечего: комбайны не работают, сыро после дождя, может быть, только завтра после обеда продолжим убирать хлеб.

Близились первое сентября, и я согласился зайти, чтобы посмотреть, как идет подготовка школы к новому учебному году. По длинному коридору мы прошли из конца в конец. Везде шла напряженная работа. Из открытых дверей классных комнат пахло свежей краской. Повсюду слышались звонкие голоса девочек, стучали молотками мальчики. Сверкали еще не высохшие классные доски, полы, свежеекрашенные парты, рамы и подоконники. Женщины и девушки мыли полы. Поставив столы друг на друга, белили потолки. Электрики деловито и не торопясь проверяли электропроводку.

Увидев нас, дети и взрослые приветливо здоровались на русском и татарском языках. Все были заняты делом, все озабочены одним стремлением – хорошо подготовить школу к началу учебного года. Казалось, все село пришло сюда как на праздник. Школа, и правда, уже была в ветхом состоянии, особенно та её часть, которая располагалась в бывшей мечети.

– Вот видите, Анатолий Петрович, это всего лишь косметический ремонт: основное здание обветшало, надо строить новую. Каждый раз, когда я покидаю школу, – продолжал убеждать меня Фуат Салаватович, – чувствую, что виноват в том, что до сих пор не построил новую, современную, на 360 учащихся. Кстати, есть, Анатолий Петрович, у нас такой обычай: задумал ты важное дело –

вымой руки в ключевой воде Жидебулака, чтобы дела твои были чистыми. Умой лицо, чтобы оно было светлым, а помыслы – бескорыстными. Найди чистый родник и испей воды, чтобы совесть твоя была незапятнанной, а жизнь достойной. Я этот ритуал уже исполнил. Здесь будет современная средняя школа на 360 учащихся, – тихо и твердо сказал мне тогда Фуат Салаватович.

Уже в сумерках мы покинули школу. В середине следующего года проектный институт «Башкиргражданпроект» выдал совхозу «Октябрьский» проектно-сметную документацию на строительство типовой средней школы на 360 учащихся.

Усилиями Фуата Салаватовича и жителей села Кугарчи началось возведение здания.

Построить такой объект без генерального подрядчика (специализированной строительной организации) было равносильно подвигу. Только опытный и решительный руководитель мог взяться за такое трудное дело.

Школа строится

Вскоре моя судьба круто изменилась. По воле Башкирского обкома партии я уехал на работу в Аскинский райком. Как удалось Фуату Салаватовичу испол-

нить свою мечту, я не знаю. Однако, как мне стало известно позже, в 1983-84 годах школа была введена в эксплуатацию.

В 2004 году в этой школе встретились его земляки, его школьные товарищи. Радостно и торжественно было на душе у всех прибывших из разных концов нашей прекрасной Родины. Одно огорчало – не все приехали: одни не смогли по материальным соображениям, других не стало – ушли на чужбине в иной мир, так и не увидев родное село, земляков, красавицу-школу.

Фото земляков-одноклассников: Октябрь Валитов, Хамидулла Исмагилов

Встреча прошла замечательно. Прибывшие обнимались, вспоминали общих друзей, учителей, смеялись и плакали. Ведь прошло пятьдесят лет!

Приглашение выпускникам школы³⁶

³⁶ Чакыру – приглашение, Кадерле сабакташ – дорогие выпускники (татарск.)

Совсем недавно я узнал, что сбылась еще одна его сокровенная мечта. В его родном селе, недалеко от школы, с его активным и непосредственным участием построена новая зеленая мечеть. Возвращено народу то драгоценное, что было когда-то у него отнято. Сияя яркой краской, торжественно и печально-загадочно смотрит мечеть на земные дела своих прихожан.

Зелёная мечеть

Теперь сюда, в школу и мечеть приходят жители села Кугарчи, и никому и невдомек, что в светлых, наполненных солнцем классах, в просторном зале мечети живут и всегда будут жить частицы души руководителя, труженика, поэта Фуата Салаватовича.

2.8. ГДЕ ЖЕ САНИ И ЛОШАДИ?

Уже третьи сутки ревет и беснуется, сметая всё на своём пути, свирепый акман-тукман³⁷. Он не пугает меня, как прежде, когда я впервые с ним встретился в Башкирском Зауралье. Я уже не боюсь его. Знаю, что он может внезапно начаться и так же внезапно закончиться. Если это происходит днём, то скоро в просветах темных туч появляется зимнее холодное солнце, и лишь горы снега напоминают, что ещё 15-20 минут назад он здесь бушевал. Если же он заканчивает своё разбойное нападение ночью, то вдруг просветляется небо и миллионы звезд загадочно смотрят из бездонной высоты на занесенные снегом просторы.

Утром, едва небо станет розовым от первых лучей восходящего солнца, взору откроется редкая по красоте картина зимнего утра. Глядя на восходящий алый диск солнца, вдруг почувствуешь необычайную легкость в душе и мыслях. Зачарованно глядя в небо, будешь, не отрывая взора, наблюдать удивительную по красоте картину. А когда диск станет почти круглым и лишь малый сегмент останется за горизонтом, может быть, первый раз в жизни увидишь, как этот шар, словно большой мяч, делает прыжок от кромки гор, будто вынырнет из воды, и величаво продолжит свой путь, по которому ходит миллионы лет.

Погрузившись в воспоминания, я сижу за своим столом, просматриваю ежедневные сводки и слышу, как за окном райкома ревет, не смолкая ни на минуту, свирепый акман-тукман.

День заканчивался, я собирался уйти домой пораньше. «К берегам своей мечты мы пойдем на край Земли» – задумчиво напевал на средних радиоволнах неизвестный мне исполнитель. Я потянулся рукой к выключателю радиоприемника. Внезапный телефонный звонок прямой связи властно вырвал меня из плена раздумий и воспоминаний.

³⁷ Акман-тукман – местное название снежного урагана.

– Здравствуйте, Анатолий Петрович, – услышал я голос секретаря Тани из приёмной заведующего отделом оргпарработы. Соединяю Вас с Геннадием Петровичем.

Легкий щелчок переключателя, и я по нитям стекловолоконного кабеля уже слышу знакомый мне голос так ясно и отчетливо, как будто он сидит рядом и я могу до него дотронуться рукой.

– Слушайте, Анатолий Петрович, завтра в 15 часов вам надо встретить Алексея Андреевича Туполева.

– Геннадий Петрович, но ведь уже третьи сутки у нас бушует акман-тукман, и неизвестно, когда он закончится.

– Слышал, слышал, но видеть его и встречать не приходилось. А что, очень страшно? – Спросил он меня.

– Не то слово. Жутко!

– Вот поэтому я и звоню Вам, – услышал я его тихий спокойный голос. – Его надо встретить на границе с Оренбургской областью у села Исянгулово и обязательно на райкомовской «Волге»; не на «УАЗике», а, повторяю, на «Волге», – сказал он требовательно. Довезёте его до деревни Ира, – продолжал он, – там вас встретит первый секретарь Кумертаусского горкома партии Бородин Евгений Васильевич. В городе Кумертау А.А. Туполев планирует провести встречу со своими избирателями по Ишимбайскому избирательному округу №509. Ты же знаешь, что он депутат Верховного Совета СССР – Совета Национальностей от РСФСР по Башкирской АССР. Он вчера из Москвы прилетел в Оренбург. Уфимский аэропорт по метеоусловиям был закрыт, и его самолет принял Оренбург. Ты ведь знаешь, что из Оренбурга через Тюльган в Кумертау в доброе время не бывает дороги, а сейчас, когда, как ты говоришь, бушует акман-тукман... – он сделал паузу, – представляю, что там творится.

– То же самое, что и у нас, Геннадий Петрович, – тихо сказал я. – А что, Евгений Васильевич не может его встретить? Ведь Туполев к нему в город едет.

– Может, может, но только на асфальтированной дороге у деревни Ира. У вас ведь от Мраково до Иры уже есть асфальт. Я помню, как ты «партизанил», когда прибывшую на уборку зерна и свеклы автоколонну поставил на вывозку асфальта, – напомнил он мне. – Евгений Васильевич – горожанин, привык ездить по асфальту, а ты и пострашнее, чем акман-тукман, видел в Зауралье. Вот Мидхат Закирович и решил поручить тебе, Анатолий Петрович, встретить Алексея Андреевича в 15 часов у села Исянгулово на «Волге». Не простой это человек, не дело встречать его на жестком вездеходе. Ведь он известный всему миру авиаконструктор, академик, Герой Социалистического труда, доктор технических наук, профессор, проектировал МТКК «Буран», награжден тремя орденами Ленина, орденом Трудового Красного Знамени и орденом «Знак Почета». Это я говорю тебе для того, чтобы ты знал, как вести себя, а не только для информации. Я думаю, теперь тебе всё понятно. Есть вопросы? – спросил он. – Да смотри, не заморозь нашего гостя – не сносить тебе тогда головы, – строго добавил он, как будто погрозил мне пальцем.

Я знал, что от Исянгулово до Мраково более 60 км и что никакой там сейчас дороги нет.

– Нет, Геннадий Петрович, какие могут быть у меня вопросы? У матросов нет вопросов, всё мне ясно. Надо встретить – встречу, – сказал я невесело.

Геннадий Петрович положил трубку, а я схватился за голову. Посмотри, мой читатель, карту дорог Кугарчинского района (она прилагалась раньше). Мысленно проведи линию Оренбург-Тюльган-Кумертау, а потом – линию Оренбург-Тюльган-Исянгулово-Мраково-Ира-Кумертау. Сравни эти маршруты, и ты сам поймёшь, почему я схватился за голову. Ведь мне предстоит завтра в 15 часов встретить авиаконструктора, очистить от снежных заносов дорогу протяжённостью почти 160 км! И это в такой буран!

Жизнь – чертовски интересная штука, но только редко улыбалась она мне. Чаще всего она поворачивалась спиной и, как необъезженная лошадь, лягала меня, сваливая с ног.

Сразу после разговора с Г.П. Федотовым я собрал членов бюро райкома, пригласил директоров совхозов Р.Ш. Шагарова, П.А. Огаркова, Ф.С. Халитова, П.И. Живодёрова, ведь именно по территории их совхозов проходит дорога Исянгулово – Мраково. Кроме них был приглашен начальник дорожного участка Богданов и начальник РОВД, майор милиции В.К. Янбеков. Рассказав им суть разговора с Г.П. Федотовым, я добавил, что встретить А.А. Туполева надо на «Волге».

– Дорогу очистим, – решительно сказал директор откормочного совхоза «Мраковский», добрейшей души человек с грозной фамилией Живодёров П.И.

– Анатолий Петрович, – несколько смутившись, обратился он ко мне, – просьба есть. Прошу вас, не называйте мою фамилию А.А. Туполеву, назовите лишь имя-отчество. Так будет проще.

Присутствовавший на совещании его лучший друг, директор совхоза «Исимовский» П.А. Огарков, не лишённый чувства юмора, тут же отпустил в адрес Живодёрова беззлобную шутку и, прямо скажу, развеселил ею членов бюро. Однако мне от этого не было весело. За окном ревел, не утихая, акман-тукман. Отчаяние и беспокойство цепко держали меня в своих объятиях. Как приговор, звучали в памяти слова Г.П. Федотова: «Смотри, не заморозь его, не сносить тогда тебе головы». Я лихорадочно перебирал в памяти различные варианты.

– Послушайте, Анатолий Петрович, – вдруг обратился ко мне и членам бюро директор совхоза «Октябрьский» Халитов Фуат Салаватович, – давайте сделаем дорогу не по основной трассе Исянгулово-Назаркино-Мраково, а по берегу реки Большой Ик под защитой деревьев и кустарника. Там есть проселочная дорога, правда, неважная, по ней ездят местные жители на лошадях и санях в гости из села в село. Но если её хорошо расчистить и местами подровнять, то, пожалуй, и на «Волге» можно проехать, хотя и медленно, но всё-таки возможно. В лесу значительно тише, чем на равнине, и поэтому дорогу сразу не занесёт. А на равнине, открытой всем ветрам, сколько бы мы ни старались, ничего не получится: через 15-20 минут она снова станет непроезжей, – заключил он.

Надо признать, что он был, конечно, прав. Посовещавшись недолго, мы приняли его предложение, а Живодёров сказал: «Вот видите, Анатолий Петрович, я встречу Вас с Туполевым в густом лесу – не стоит упоминать мою фамилию».

Теперь я был уверен, что завтра в 15 часов мы достойно встретим лучшего в мире авиаконструктора. Отпустив руководителей хозяйств и членов бюро, я сел за стол и подумал, что всё-таки мудро сказано: «При согласии даже мелкие дела становятся великими, а при несогласии великие гибнут».

На следующий день, придя на работу пораньше, я переговорил с директорами совхозов, и в 10 часов утра на служебном вездеходе УАЗ-469 в сопровождении мощного бульдозера Т-100 выехал по вновь открываемой дороге вдоль берега реки Большой Ик встречать А.А. Туполева.

Для проезда «Волги» надо было еще хорошо поработать. Все директора совхозов и начальник дорожного участка вместе с бульдозерами и роторными снегоочистителями были уже на месте и дружно готовили дорогу к приезду важного гостя. В лесу было значительно тише, чем на равнине, пробитая бульдозерами снежная траншея не так быстро заполнялась снегом, её быстро расширяли роторные снегоочистители.

В 14 часов на УАЗе-469 я прибыл к месту встречи. Вскоре в сопровождении роторного очистителя прибыли моя служебная «Волга» и Ф.С. Халитов на служебной «Ниве». Поговорив с водителем 2-3 минуты, Халитов что-то сказал ему, и роторный очиститель, выбросив через выхлопную трубу облако дыма, мгновенно «растаял» за завесой бурана. Ждали недолго. В 15 часов на противоположном берегу реки Большой Ик мы увидели мощный тягач «Урал», который тащил на тросу через высокие сугробы УАЗ-469. Через 5-7 минут А.А. Туполев подъехал к нам. Я подошел к нему, поздоровался и представился. Алексея Андреевича сопровождали первый секретарь Тюльганского райкома партии и работник КГБ, прибывший с ним из Москвы.

Алексей Андреевич подал мне руку, поздоровался с моими товарищами. Никакого чванства, высокомерия я в нём не заметил. Напротив, он был доступен в общении и приветлив.

– Где же сани и лошади? – Спросил он меня, добродушно улыбаясь.

Видя моё недоумение, как бы оправдываясь за свой вопрос, добавил:

– Оренбургские товарищи сказали мне, что башкиры меня встретят и повезут на лошадях в санях до Кумертау. Я так мечтал промчаться с ветерком на тройке лошадей с бубенцами, – пошутил он.

– Ничего не получится, Алексей Андреевич, не оправдал я ваших надежд, а Оренбургские товарищи пошутили. Башкиры повезут вас на «Волге», не дело это – тащить вас в УАЗике 160 километров на тросу.

Стоявший рядом с Туполевым сотрудник Комитета государственной безопасности (я не запомнил его имени, отчества), отведя меня в сторону, спросил:

– Вы что, серьезно думаете везти Алексея Андреевича на «Волге»? Где ваш тягач-вездеход? – И добавил озабоченно и строго: «А если застрянем? Посмотрите, как легко он одет. Буран ведь, шутить не надо, Анатолий Петрович», – сказал он мне назидательно.

У меня было такое чувство, как будто он погрозил мне пальцем, если не больше. Я был обескуражен, молчал, не зная, что ему ответить.

– Я прикажу взять в сопровождение Оренбургский тягач, – сказал он решительно.

Стоявший недалеко Ф.С. Халитов с присущим ему мягким акцентом обратился к товарищу из КГБ:

– Не делайте этого, у башкир всё под контролем, – добавил он то ли шутя, то ли всерьёз.

– Анатолий Петрович, утрмонда, мин хазер киля³⁸, – сказал он мне на родном языке.

– Айбат, тиздан курешканчега хатле, биш минута³⁹, – ответил я по-татарски.

³⁸ Стойте здесь, я сейчас возвращусь.

Я знал, что совсем рядом, в ста метрах от нас, скрытый пеленой бурана, стоял в полной готовности резервный роторный вездеход-снегоочиститель.

– Кто это, о чём вы говорили? – спросил меня сотрудник КГБ.

– Фуат Салаватович, директор совхоза. Он сказал, что через 5 минут возвратится сюда с роторным снегоочистителем, – ответил я.

Всё произошло так быстро: из-под завесы бурана, завывая турбиной, резко вырвался снегороторный очиститель и, описав дугу, выбросив огромный шлейф снега и дыма, встал в двадцати метрах впереди «Волги». Его мотор работал на полную мощность, а манипулятор разбрасывал в разные стороны фонтаны снега.

Попрощавшись с оренбуржцами, я предложил Алексею Андреевичу сесть в «Волгу» на моё место, рядом с водителем. Однако он сел позади водителя. Рядом с ним сел сопровождающий его сотрудник. Пока мы рассаживались в «Волге», водитель моего служебного УАЗ-469 встал в 10 метрах впереди «Волги». В багажнике у него лежал стальной трос, а в салоне – тёплый крестьянский полушубок и валенки домашней выработки.

Позади нас уже стояла с тросом служебная «Нива» Ф.С. Халитова. Водители просигналили, и мы тронулись. Через несколько минут мы съехали с основной трассы Исянгулово – Мраково на вновь открытую дорогу и углубились в лес. В машине воцарилось неловкое молчание.

«Это я тебе говорю, чтобы ты знал, как себя вести», – крутились в голове слова Г.П. Федотова. Я очень хотел поговорить с великим конструктором, но первым начать разговор не решался, да и о чем я мог говорить с человеком такого масштаба?

Алексей Андреевич, видимо, уловил моё состояние и, нарушив молчание, спросил:

– Анатолий Петрович, вы башкир?

– Нет.

³⁹ Хорошо, поскорее возвращайся, жду пять минут.

– А я слышал, вы говорили по-башкирски?

– Я говорил по-татарски.

– Вы татарин? – Удивился он.

– Нет, Алексей Андреевич, я не татарин.

– Вы знаете их языки?

– Знать языки и обычаи живущих здесь людей стало нормой моей жизни, – сказал я Алексею Андреевичу.

Разговор почему-то «не клеился». Я чувствовал себя неловко: «О чём мне говорить с ним, не о своих же делах, непонятных ему, и, конечно же, не о погоде», – терзал я себя. В лесу было сравнительно тихо. Дорога петляла, то приближаясь к берегу реки, то удаляясь. В вершинах деревьев грозно гудел ветер.

– Скажите, Анатолий Петрович, вы кто по специальности? – спросил он меня.

– Трудно сказать, Алексей Андреевич. Первым учебным заведением, которое я окончил, было Новочеркасское профессионально техническое училище. Там я получил специальность «Электромеханик». Начал работать на Сталинградском алюминиевом заводе, делал алюминий для ваших самолётов. В Сталинграде окончил экономический факультет сельскохозяйственного института. Теперь нет на карте города Сталинграда, завод и институт переименовали. Вот видите, Алексей Андреевич, какой я древний, – сказал я шутя. – Ещё в институте я начал осваивать профессию партийного работника. На факультете я был избран секретарём партийной группы. После окончания института уехал в Башкирское Зауралье. Работал главным экономистом в совхозе, потом главным агрономом. У меня два высших специальных образования. Был премирован туристической путёвкой в Венгрию и Югославию. Избирался секретарём партийной организации совхоза. Был селькором и пропагандистом. По туристической путёвке ездил по Ленинским местам. Вот уже девять лет работаю в райкомах партии – Баймакском и Кугарчинском. Окончил Высшую партийную школу при ЦК КПСС. Вот и судите сами, Алексей Андреевич, кто я по специальности.

Туполев, как мне казалось, слушал меня заинтересованно и внимательно. Мы уже проехали большую часть пути и приближались к райцентру – с. Мраково. Опытный водитель Ш.И. Сатыбалов не торопясь вел машину. Впереди нас шёл роторный снегоочиститель. Алексей Андреевич, видимо, устал в дороге и больше не задавал мне вопросов. Спросил лишь, как долго будет продолжаться буран.

– По-разному бывает, – сказал я ему. – Иногда час, иногда день, иногда – неделю. Но после него подолгу, бывает, стоит хорошая погода.

Вскоре под деревьями у дороги я увидел двух приятелей, рослого Живодёрова и коренастого, невысокого Огаркова. Буран заметно начал стихать. Окружающий пейзаж был неописуемо красив. Деревья, особенно сосны, были завалены большими шапками белого снега. Слева и справа от пробитой в сугробах дороги лежали горы выброшенного снега. Снегороторный очиститель, шедший впереди нас, иногда возвращался назад, а затем вновь, не торопясь, уходил вперед, оставляя за собой ровную дорогу.

Роторный снегоочиститель в работе

Небо над головой становилось светлее, и лишь далеко на горизонте, там, где земля сливалась с небом, ещё была тёмная полоса. Акман-тукман покидал район.

Мы подъехали к стоящим приятелям. Алексей Андреевич вышел из машины.

– Это они обеспечили нам проезд на «Волге». Это вот Пётр Иосифович, а это – Пётр Алексеевич Огарков.

Огарков был одет по последнему слову моды. На нём была импортная югославская дублёнка, меховая норковая шапка, на ногах – добротные сапоги. Живодёров был в крестьянском очень теплом полушубке, в меховой шапке-ушанке и самодельных унтах. Настроение у них было приподнятое. Халитов, попрощавшись с Туполевым, уехал. Через пять минут служебная «Нива» П.А. Огаркова заняла место Халитова, Живодёров на УАЗ-469 следовал за ним.

– Когда это он успел переодеться? Ведь ещё недавно он был одет так, как будто собирался в Заполярье, а не на встречу с Туполевым. И вот на тебе: модно одетый директор; мол, знайте наших! Молодец, – размышлял я.

Через 30 минут, оставив позади спасительный лес, мы выбрались на основную трассу и вскоре подъехали к райкому партии. Я доложил Г.П. Федотову, что мы уже сидим в кабинете.

– Ну, наконец-то, – услышал я его радостный голос. – А я вот сижу и думаю, как ты там?

– Всё хорошо, всё прошло по плану, Геннадий Петрович. Сейчас в районном Доме культуры состоится встреча А.А. Туполева с избирателями (Кугарчинский район тоже входил в Ишимбайский избирательный округ №509), – сказал я заведующему отделом оргпартрabоты.

Встреча А.А. Туполева с избирателями прошла интересно. Один из участников встречи показал ему фотографию самолёта, на котором он летал в последний год войны. Алексей Андреевич, подержав в руках фотоснимок, задумчиво сказал: «Этот самолет сконструировал мой отец, Андрей Николаевич Туполев».

На прощание я попросил разрешение сфотографироваться вместе.

А.А. Туполев в центре

После окончания встречи я предложил Алексею Андреевичу сесть в сани. Пётр Иосифович, управляя тройкой лошадей, промчал великого авиаконструктора под звон колокольчиков от районного Дома культуры до столовой Кугарчинского совхоза, где ему был приготовлен ужин.

Вечером за чашкой чая Алексей Андреевич был весел, шутил, рассказывал короткие веселые истории. Он был прост в общении и доступен.

Если бы я когда-нибудь встретил его случайно и говорил бы с ним, то никогда бы и в голову не пришло, что мне посчастливилось встретиться с великим человеком, лучшим авиаконструктором в мире.

Пужинав, мы выехали из Мраково. Впереди нас на большой скорости шёл роторный снегоочиститель. У деревни Ира А.А. Туполева ждал первый секретарь Кумертаусского горкома КПСС Е.В. Бородин. На прощание Туполев пожал мне руку, обнял за плечи, сказал мне добрые слова, пожелал здоровья и успехов в работе. Мы расстались. И ещё долго стоял я в раздумьях один на пустой дороге. Здесь в ноябре 1975 года меня после отчётно-выборной конференции оставил Г.П. Федотов, а теперь вот оставил А.А. Туполев.

Возвращаясь домой, я смотрел на ясное звёздное небо и впервые за всю жизнь поблагодарил свирепый акман-тукман за встречу, которую он мне так

любезно подарил. «Сезга бикзур рахмат Акман-Тукман»⁴⁰, – сказал я по-татарски.

12 мая 2001 года А.А. Туполев ушёл из жизни. Светлая память о нём осталась и поныне живёт в моём уже уставшем сердце.

2.9. ПЕРВЫЙ «ПОДАРОК»

В круговороте бесконечных забот и обязанностей я даже не заметил, как в сорок два года получил первый «подарок» за свой труд в Башкирском Зауралье и Кугарчинском районе. Будут и ещё «подарки», но это произойдёт позже. А сейчас, отвернувшись к стенке, совершенно безучастный ко всему, я уже второй день лежу на больничной койке. Из соседней комнаты через открытую дверь слышится негромкий женский голос, сказавший кому-то по телефону: «У него инфаркт». Я решительно приподнимаюсь и пытаюсь встать.

– Не двигайтесь, не вставайте, пожалуйста. Вам это вредно, – слышу я строгий голос вошедшего ко мне в палату врача.

– Послушайте, доктор, что со мной?

– Не делайте никаких движений, не разговаривайте, я запрещаю вам вставать, вы понимаете?

– Что же всё-таки со мной? – Несмело пытаюсь я узнать у доктора.

– Об этом вы узнаете потом, а сейчас отдыхайте, постарайтесь уснуть.

В республиканской больнице Совета министров БАССР я провёл несколько тревожных недель. Жизнь, не церемонясь и не советуясь со мной, решительно уложила меня на койку, а сама творила и впредь будет творить свои извечные дела. Для неё совершенно безразлично, был я или никогда не был.

По-прежнему из просторных оренбургских степей будут врывать на Южный Урал метели и свирепые ураганы, реветь, вырываясь из тесных ущелий

⁴⁰ Большое спасибо тебе, буран

Урал-Тау, вешние воды, колыхаться на бескрайних просторах склонившиеся к земле созревающие хлеба. И всё это будет происходить без единой оглядки на моё присутствие или полнейшее отсутствие. Как и прежде, люди будут косить травы в лугах, смотреть на горы, ручьи и реки, встречать рассветы и провожать закаты. Будут пахать и сеять, строить, идти или ехать туда, куда им надо. Одни, обессилив, оставив груз забот и обязанностей, будут уходить из этого беспокойного мира. Другие, впервые открыв глазки, увидев небо и солнце, будут радоваться приходу в жизнь.

Вьются серой бесконечной нитью мои грустные размышления. Ночью, когда подолгу не спится, ощущаю свою беспомощность, и из пустых углов палаты такая тоска наваливается, что завывать хочется. Измученный мыслями и воспоминаниями, лишь под утро засыпаю зыбким, тревожным сном. И вдруг однажды на давно не бритых щеках (врач ещё не разрешает вставать) я почувствовал сквозь сон прикосновение теплых ласковых рук, услышал тихий, сладкий, как дивная музыка, голос: «Толя, проснись же, Толя...».

С трудом открываю глаза и долго ничего не могу понять. Решительно ничего! Я снова закрываю глаза, думая, что это сон. Тот самый, который мне уже не раз снился. И всё-таки это был не сон. Но как всё изменилось у меня в палате. Я вижу на своём столе букет белых, как шапки снега на зелёных соснах, моих любимых хризантем. Ко мне в палату принесла их жена – Галя. Она держит меня за руку и говорит слова, которые и сейчас звучат в моём сердце...

А рядом на тумбочке вижу детский рисунок моего младшего сына Коли. Беру в руки и читаю написанный крупными, корявыми печатными буквами нехитрый, проникающий в душу текст, слова которого властной силой поднимут меня с больничной койки: «Папа! Приезжай на мой День рождения. Мне скоро будет пять лет. Мы тебя ждём. Дима, Слава, Саша и я, Коля».

Какое-то мучительно-сладкое чувство появилось в тот миг в моей душе.

Через несколько дней мне разрешили вставать. Вашему вниманию, уважаемый читатель, я предлагаю тот самый рисунок, который я когда-то утром уви-

дел у себя на тумбочке. Его по моим воспоминаниям нарисовала Аня, ученица второго класса, дочь моего сына Коли.

Не думал я тогда и предположить не мог, что наступит в моей жизни день, когда ещё более грозный недуг в полном смысле слова свалит меня с ног. Совершенно случайно оказавшийся рядом мой сын Коля, уже став взрослым, будет метаться по аптекам станицы Багаевской в поисках необходимых в тот момент лекарств, чтобы поднять меня, а точнее – вернуть к жизни.

Но это уже другая история, о ней я напишу рассказ «Не падайте духом, поверьте, Вам станет лучше». А сейчас возвращаюсь в свою палату.

Мне нечего делать, и это непривычно. Просто не верится, что есть такая жизнь, когда тебе никто не звонит, не даёт указаний, которые надо немедленно выполнить и доложить об исполнении. Я тоже никому не звоню, не просматриваю ежедневные сводки и ни от кого ничего не требую. Хожу по палате, смотрю в окна, а у меня их два: одно выходит во двор больницы, другое – в тихий парк. Наблюдаю, как падает снег и укрывает белыми кусками ваты деревья, ещё покрытые красными и жёлтыми листьями.

Врачи, кажется, жалеют меня и переживают вместе со мной мою болезнь. Я чувствую, что моему доктору хочется сказать мне: «Не переживай, успокойся, всё будет нормально». Конечно, всё моё будущее теперь зависит от них, и я терпеливо переношу уколы, сдаю на анализ кровь, часами лежу под капельницей, глотаю лекарства.

Однажды во время вечернего обхода я не выдержал и спросил лечащего врача, как он оценивает моё состояние и не пора ли меня выписывать.

– Я понимаю ваше желание попасть поскорее домой, но придётся ещё потерпеть, не будем спешить с выпиской. – Присев на край моей постели, послушав сердце и глядя мне в глаза, он вдруг спрашивает, – Скажите, как вы ухитрились так «загнать» себя? Я уверен, что у вас когда-то было отличное здоровье. Или вы думали, что ваш ресурс сил и здоровья не ограничен?

–Теперь я уже так не думаю.

– Вам надо искать более спокойную работу. Чем раньше вы это сделаете, тем будет лучше для вас! Понимаете?

Врач встал и вышел, его ждали в других палатах, а я потом всю ночь лежал с открытыми глазами и заново переживал годы своей жизни. И вдруг мне очень захотелось вернуться домой на родину, в Ростовскую область, где прошло моё детство, где я жил на тихой станции «Семичная», учился в средней школе, на фасаде которой буквами из красного кирпича было написано ДВКЗ-165. Там когда-то по стальным магистралям мчались мимо окон моей школы во все концы Родины мощные «Серго Орджоникидзе», неторопливые ФЭДы и вытяну-

тые, как стрела, блестящие никелем, стремительные магистральные ИСы⁴¹. Зачарованно глядя в окно, читал я на крутых боках паровозов будоражащие душу призывы: «Кузбасс – всенародная стройка», «Родина, принимай комсомольский целинный хлеб», «Привет комсомольцам Магнитки»... Будущее казалось мне тогда безмятежным и радостным.

Так после перестройки выглядит клуб с библиотекой и кинозалом. Такими я их увидел, возвратившись на родину через 21 год. На фасаде сохранилась надпись «Клуб 1936» «Наверное, мне пора на родину», – размышлял я, засыпая тревожным сном.

Через несколько дней меня выписали.

Не знал я тогда, что «ветер перемен», превратившись в ураган, пронесётся по моим родным местам. Разрушит совхоз «Семичный», где когда-то жили и работали мои родители, превратит в развалины школу с буквами на фасаде ДВКЗ-165, в которой я учился и мечтал о светлом будущем. В 1988 году я увидел то, что и Вы видите на фотографии!

⁴¹ ФЭД – Феликс Дзержинский, ИС – Иосиф Сталин – марки паровозов.

2.10. ТЕБЕ ЕЩЁ РАНО УХОДИТЬ НА СПОКОЙНУЮ РАБОТУ!

Неведомо мне было тогда, что время, отпущенное мне её Величеством Судьбой в Кугарчинском районе, стремительно уходило. Почти семь лет я жил и работал в этом районе. Много было сделано из того, что намечалось когда-то в кабинете первого секретаря обкома партии М.З. Шакирова. Впереди просматривались ещё более захватывающие и интересные проекты. Планировалось до конца одиннадцатой пятилетки построить в районном центре физкультурно-оздоровительный комплекс, завершить строительство начатых объектов. Мощности строительных организаций ПМК-153 и МСО уже позволяли начать строительство в большом объёме не только животноводческих помещений и комплексов, но и жилья. На производственной площадке МСО по инициативе её председателя Наиля Яхиевича Ахтямова развернулось производство железобетонных плит ПТК-6.3, ПКЖ-8.0, особо прочных балок фундаментных блоков и несущих конструкций.

«Какие у меня замечательные помощники–руководители хозяйств и организаций», – часто размышлял я, сидя по вечерам в райкоме и просматривая сводки. – Хорошо, что не последовал я примеру некоторых своих коллег и не стал торопливо менять уже сложившийся до моего прихода основной состав ведущих кадров.

Хорошими, опытными работниками оказались прежние директора совхозов: Ф.С. Халитов, П.А. Огарков, Р. Шагаров, И. Исхаков, П. Живодёров, председатели колхозов: М.Т. Востругин, А. Князев, Д. Явбасаров, Зуфар Инчигулов, Н. Волков, и вновь избранные молодые А. Алибаев, П. Неженский. С ними, закалёнными, умудрёнными большим жизненным опытом, жестко «битыми» трудностями, я планировал завершить одиннадцатую пятилетку. Однако моим планам не суждено было сбыться.

Где-то в конце ноября 1982 года, во второй половине дня вдруг позвонил Г.П. Федотов.

– Анатолий Петрович, – услышал я его голос, – Вам завтра надо быть на беседе у Мидхата Закировича.

«Вызов к первому секретарю обкома не бывает случайным, зовут не для того, чтобы поздороваться, или вместе выкурить сигарету», – стремительно закрутились мысли в моей голове.

– О чём будет беседа, – спросил я у Геннадия Петровича, – какие документы или сводки мне надо иметь при себе?

– Приезжай, узнаешь, – неторопливо и спокойно сказал заведующий отделом оргпартрabоты.

– Но всё-таки, какие документы мне взять с собой, не могу же я явиться с пустыми руками, – настаивал я.

– Возьми с собой краткий отчёт о проделанной работе за прошедшие семь лет по части строительства объектов жизнеобеспечения и инфраструктуры, показатели выполнения планов производства и сдачи государству сельскохозяйственных продуктов; вот, пожалуй, всё, – заключил он. – Когда приедешь в обком, зайди ко мне, – добавил он и положил трубку.

Показатели по выполнению пятилетних планов производства и сдачи государству продукции сельского хозяйства у меня были. Отчёт по строительству за семь лет надо было составить. Восстановив в памяти то, что было построено в годы десятой пятилетки и что ещё находилось в стадии строительства, я написал на имя первого секретаря обкома партии отчёт.

«Чтобы написать правду, достаточно одной страницы, а чтобы скрыть её, не хватит и десяти», – решил я и сделал последнюю запись в таблице. На часах было уже 11 часов вечера; сложив документы в папку, я вышел из кабинета.

«О чём он будет со мной беседовать?» – размышлял я в тот ноябрьский вечер, и эти тревожные мысли не оставляли меня на следующий день по пути в Уфу.

– Засиделся ты в Кугарчинском районе, Анатолий Петрович, – просматривая мой отчёт о строительстве, загадочно и спокойно сказал Геннадий Петро-

вич. – Сейчас я твой отчёт отнесу Мидхату Закировичу, а ты пока свободен. Ты где устроился?

– В гостинице «Агидель⁴²».

– Ну вот, походи в гостиницу, отдохни до 17 часов, – он посмотрел на часы.

– Не томите, Геннадий Петрович, какой может быть у меня отдых, скажите, зачем я понадобился Мидхату Закировичу?

– Я же тебе уже всё сказал: засиделся ты в Кугарчинском районе, – и, взяв мой отчёт, вышел из кабинета.

За ним, понутив голову, вышел и я.

Теперь я точно знал, что в Кугарчинском районе я больше работать не буду. «А где же теперь?» – терзали меня мои беспокойные мысли. Очень долгими показались мне часы ожидания приёма. Сначала я переживал и волновался, потом волнение стихло, пришло спокойное безразличие. Мне казалось, что я уже был готов ко всему. Лишь в 18 часов мы с Геннадием Петровичем вошли в кабинет первого. Поздоровались. Мидхат Закирович пожал мне руку.

– Слышал я, Анатолий Петрович, ты в больнице лежал, что случилось? – участливо спросил он.

– Не знаю, у меня болит сердце, наверное, устало, сказал я на его родном языке.

– Что врачи сказали?

– Известно, говорят, надо найти работу поспокойнее.

– А ты сам как думаешь?

– Устал я, Мидхат Закирович. Наверное, врачи правы, – сказал я.

– Да ты, смотрю, с докладом прибыл, – прервал он разговоры о моём здоровье. – Геннадий Петрович приносил мне твой отчёт, я посмотрел его. В общем, я думаю, ты справился с моим поручением. Знаешь что, давай так договоримся. Ты когда был в санатории?

– Два года уже не был.

⁴² Агидель – Белая река (башк.).

– Возьми в финхозотделе санаторно-курортную путёвку и поезжай в Кисловодск, я скажу об этом Рудковскому. Отдохни, подлечись, потом поговорим.

Он встал, давая понять, что разговор окончен, и подал мне на прощанье руку. О том, как прошёл отдых, рассказывать не стану. Тот, кто был хотя бы один раз в подобной ситуации, меня без слов хорошо поймёт. Скажу лишь, что я смутно догадывался, что ни о какой лёгкой работе мне мечтать не приходится. Чем ближе был день отъезда из санатория, тем больше и больше мною овладевало беспокойство. Я был готов узнать всё и немедленно, чем жить в неведении.

Прибыв домой в район, я доложил Г.П. Федотову о своём возвращении из Кисловодска.

– Как отдохнул? – спросил Геннадий Петрович.

– О чём вы спрашиваете, конечно, отлично, – ответил я с лёгкой иронией.

– Ну, вот и хорошо, ждите, мы пригласим.

Через три дня я был уже в кабинете Г.П. Федотова.

– Посидите в первой приёмной или рядом, в коридоре. Мидхата Закировича пока нет, он на нефтеперегонном заводе, будет позже.

Я не стал задавать каких-либо вопросов и молча вышел. Недалеко от приёмной, в просторном и уютном вестибюле, я сел в глубокое удобное кресло и открыл книгу «Сага о Форсайтах». Через два часа в полутёмном коридоре я увидел идущего усталой походкой первого секретаря обкома партии. Он шёл неторопливо и был задумчив, таким усталым я его никогда не видел.

Увидев меня, он подошёл. Я встал и поздоровался. Ответив на моё приветствие, он спросил, что я читаю и, не дожидаясь ответа, взял из моих рук книгу.

– «Сага о Форсайтах», – произнёс он задумчиво.

Полистал, тени каких-то тяжёлых раздумий отразились на его лице.

– Что, очень интересно? – спросил он.

– Грустно, Мидхат Закирович, – ответил я.

Возвратив мне книгу и больше не проронив ни слова, ушёл тяжёлой походкой уставшего человека. Вскоре мимо меня по полутёмному коридору прошли в первую приёмную члены бюро Обкома партии. Вслед за ними прошёл Г.П. Федотов. Увидев меня, спросил: «Ну что, Анатолий Петрович, готов? Пойдём, посидишь пока в приёмной».

Ждал я недолго. Внезапно дверь открылась, и члены бюро, кроме Г.П. Федотова, дружно прошли мимо, не обращая на меня никакого внимания. Услышал лишь, как второй секретарь В.Л. Воюшин сказал секретарю обкома партии Т.И. Ахунзянову: «Наверное, это правильное решение».

Секретарь Лариса, выйдя из кабинета, лаконично сказала: «Входите».

– Садись, Анатолий Петрович, – глядя мне в глаза, сказал Мидхат Закирович. – Бюро обкома партии приняло решение освободить вас от обязанностей первого секретаря Кугарчинского РК КПСС и рекомендовать первым секретарём Аскинского райкома партии. Что вы мне на это скажете, Анатолий Петрович?

Что я мог сказать, уважаемый читатель? Банальное, что я благодарен за оказанное мне столь высокое доверие или что я член Коммунистической партии и буду работать там, где обком КПСС сочтёт нужным. Но я ничего не сказал в тот краткий миг и, чтобы скрыть свои эмоции от первого секретаря обкома партии, молча закрыл лицо руками. Я знал, что это запущенный и тяжёлый район.

– Ну вот и договорились. Тебе ещё рано, Анатолий Петрович, уходить на спокойную работу, тебе ещё надо поработать, – сказал он внушительно и строго.

Это был уже совсем не тот, смертельно уставший человек, которого ещё совсем недавно я видел в вестибюле. Передо мной был крепкий, волевой руководитель.

– Ты работал в Зауралье семь лет, работал в Южном Предуралье семь лет, а теперь будешь работать в самом северном районе республики – Аскинском. О том, каков этот район, ты, наверное, уже знаешь, не первый год работаешь в

Башкирии. Не вижу необходимости тебе рассказывать – лучше давай поговорим о делах. Ты сначала должен сделать дорогу от Явгильдино до Аскино, это почти 70 километров. Затем продлить её по территории Пермской области до железнодорожной станции Щучье Озеро Транссибирской магистрали. Это позволит району получать грузы не за 250 км в Уфе, а всего за 70 км, на железнодорожной станции Щучье Озеро. Как видишь, – продолжал он, – разница в расстоянии довольно существенная, и населению района будет удобно, особенно студентам, обучающимся в Перми, Москве, Свердловске. Необходимо исправить положение со школами. Райбольница находится в здании бывшей земской больницы. Это становится нетерпимым. Обком партии получил разрешение от председателя Совета Министров СССР товарища А.Н. Косыгина подключить Аскинский район к экспортному газопроводу. Газопровод проходит в 30 км от районного центра в болотистой местности. Надо построить газопровод и подать газ в село Аскино, а затем по сёлам и деревням района. Кроме того, надо наладить устойчивое авиасообщение и связать в одну авиалинию города Уфа – Свердловск через Аскино, Уфа – Пермь через Аскино. Построить водопровод в райцентре. Начать строительство детского санатория. В Аскинском районе геологи нашли минеральную грязь, превосходящую по целебным качествам знаменитую «Мацесту», имеются источники уникальной минеральной воды. Кроме того, надо завершить начатое строительство комплекса по откорму крупного рогатого скота в совхозе «Дружба». Надо подумать о развитии молочного животноводства. Нигде в республике нет таких богатых клевером районов, как Аскинский. Думаю, что этого для начала тебе хватит, – заключил первый секретарь обкома. – Считай, Анатолий Петрович, это моим партийным поручением.

– Мидхат Закирович, – не сказал, а просто взмолился я. – Ведь на то, чтобы всё это сделать, уйдёт вся моя жизнь, а может и не хватит даже.

– Обращайся почаще, – уже как-то тепло и по-отечески сказал он, – я помогу тебе, а уж потом поговорим и о будущей спокойной работе.

Как никого на свете, я уважал этого доброго, беззаветно преданного делу Коммунистической партии человека. Он был для меня примером.

– Спасибо, – без особого душевного подъёма поблагодарил я первого секретаря Башкирского обкома партии и убрал в папку лежащие передо мной документы.

– Геннадий Петрович, – обратился он к заведующему отделом оргпарработы Г.П. Федотову, – завтра поезжайте вместе и проведите организационный пленум Аскинского райкома партии.

– Но как мы туда доберемся? Ведь в Аскино уже давно нет никакой дороги. Самолёт в связи с плохими метеоусловиями не летает.

– Поезжайте на «Волге» через село Бураево, а затем до райцентра Балтачево. В Балтачевском райкоме партии возьмёте вездеход УАЗ-469 и на нём доедете до границы Аскинского района, нефтяники вас проводят. На границе Аскинского района вас встретят председатель райисполкома К.М. Махмутьянов и управляющий РОСХТ В.А. Кавардаков. Проведёте пленум, позвоните. Обратном из Аскино, до автотрассы Караидель-Уфа вас проводит первый секретарь Аскинского райкома партии Пономарёв Анатолий Петрович. В райцентре Мишкино вас будет ждать обкомовская «Волга». Приедете в Уфу – зайдите ко мне, расскажите, как прошёл пленум.

Попрощавшись, он подал мне руку и пожелал успехов.

– Позвоните семье, чтобы не беспокоились, до свидания.

Мы вышли.

– Завтра в 8 часов утра выезжаем, приходите в обком партии, – сказал мне Геннадий Петрович.

Мы расстались, я ушёл в гостиницу. В эту ночь я долго не мог уснуть. Тяжёлые мысли теснились у меня в голове: «За что мне такое испытание? Ведь я не могу не выполнить его поручение и выполнить им намеченное мне тоже не под силу», – так мне тогда думалось.

Когда уже начало светать, я встал, походил по комнате и снова лёг. И сразу как будто провалился в тревожный сон. В который уже раз мне снилась мать. Вот и сегодня она явилась ко мне, поседевшая и усталая. Мне казалось, я вижу её явственно, мне хотелось подойти к ней, взять её за руку, поговорить с ней, посоветоваться, как мне быть, что делать, где взять силы. Но она не хотела говорить со мной, а только тихо плакала, вытирая слёзы уголком своей косынки.

«Надо обязательно съездить к ней», – твёрдо решил я, проснувшись.

В восемь часов утра я был уже в обкоме. Вскоре позади остались Уфа, дымные нефтехимические и нефтеперегонные заводы с высокими трубами и факелами пламени на их закопченных вершинах. Мы ехали в Аскино.

«Прощайте, мои боевые товарищи, прощай навсегда Кугарчинский район», – тихо шептал я.

3. ДОЛГАЯ ДОРОГА В АСКИНО

3.1. ДОРОГА НА СЕВЕР

Всё происходящее в моей жизни в период работы в Аскинском райкоме партии уже не так плотно скрыто пеленой забвения, и возникает в моей памяти более чётко и явственно. Помнится, что почему-то все дороги, ведущие меня к новому месту работы, были связаны с суровой зимой, буранами и бездорожьем.

Вот и опять суровая зима, метель, занесённые снегом поля и дороги. Еду я в далёкое-далёкое Аскино, один из самых северных и отдалённых районов республики. Район расположился на правом берегу реки Караидель (Чёрная речка), которая протекает вдоль северной и северо-восточной границ района.

Площадь района составляет 2540 квадратных километров, плотность населения менее 10 человек на один квадратный километр. Лесные угодья занимают более 60 процентов территории, около 20 процентов – сельскохозяйственные угодья, остальное – болота, озёра, многочисленные ручьи и речки.

Население района многонациональное: башкиры составляют 72 процента, татары 12 и русские около 8 процентов.

«Нет туда уже почти две недели никакой дороги», – вспоминаю я слова Федотова Геннадия Петровича, заведующего отделом организационно-партийной работы, сказанные им вчера вечером в кабинете первого секретаря обкома партии.

Вьются бесцветной однообразной нитью мои невесёлые мысли. Низко над горизонтом висит зимнее холодное солнце. Белыми языками лижет колючая поземка серый асфальт, замечает след, и я понимаю, что пути назад у меня уже нет. Стремительно бежит дорога под колёсами обкомовской «Волги». Далеко позади остались города Уфа, Благовещенск, Бирск. «Село Бураево влево», – читаю я на указателе дорог, – «Село Балтачево прямо».

В Балтачево заканчивается асфальтированная дорога. Потом до Аскино ещё 60 километров абсолютного бездорожья по лесу, по берегу реки Танып и её многочисленным притокам. Вчера вечером я долго и внимательно изучал в но-

мере гостиницы свой маршрут по карте. Что ждёт меня там? Опять у меня всё призрачно и непонятно. И от этих тяжёлых мыслей у меня начинает стучать в висках.

«Смени ход своих мыслей. Не терзай себя. Трезво смотри на вещи. Лучше подумай, как организовать работу, чтобы выполнить поставленные перед тобой задачи! Поступай с точки зрения трезвой логики», – советует мне некто, сидящий глубоко в моём сердце. – «Опыт прошлого подаст тебе советы на будущее, ты уже не новичок в этой работе».

– Не хочешь ли ты, Анатолий Петрович, повидать своего школьного товарища Ситдикова Фаниля Ситдиковича⁴³, – нарушив мои размышления, вдруг спросил Геннадий Петрович.

Слушатели ВПШ при ЦК КПСС.

Нижний ряд слева – направо: С.Н. Киреев, А.П. Пономарёв, Ю.С. Дёмин;

верхний ряд слева – направо: Т.Н. Ассадулин, Е.Ф. Калашников, Ф.С. Ситдиков

– Нет, сейчас не хочу. Что я скажу ему? Что в Кугарчинском райкоме уже не работаю, а в Аскинском ещё не избран? Нет, думаю, пока не следует заезжать к нему. Я обязательно с ним встречу, но позже, может быть летом (это желание так и осталось благим намерением).

– Пожалуй, ты прав, – согласился со мной Г.П. Федотов.

⁴³Ф.С. Ситдиков – первый секретарь Буряевского РК КПСС. Вместе с ним я учился и окончил ВПШ при ЦК КПСС.

И снова я остался наедине со своими думами.

Появляются на указателях и исчезают в вечерних сумерках названия рек, деревень, через которые уже более двух часов мы пробиваемся с помощью мощного вездехода «Урал», выделенного нам нефтяниками. Обкомовская «Волга» осталась в с. Балтачево, а мы пересели в райкомовский УАЗ-469 и следуем по колее вездехода в село Аскино. Иногда УАЗ-469 вязнет в глубоком снегу, буксует и останавливается. Вездеход возвращается назад, огромными колёсами пробивает новую колею и с помощью стального троса вытаскивает нас из сугроба. Потом всё повторяется снова.

«Новобалтачево, Штанды, Мата» – читаю я названия деревень на занесённых снегом указателях. Дорога петляет по сосновому лесу, то приближаясь, то удаляясь от берега замёрзшей и укрытой снегом реки Танып.

Не знал я тогда, проезжая по этим местам, что совсем рядом, в маленькой деревне Новые Казанчи, на берегу холодной речки Кутмас по замыслу первого секретаря обкома уже в скором времени развернётся строительство уникального санатория «Светлый ключ». Первым, кто возьмётся за строительство санатория, станет молодой и энергичный председатель колхоза «Ударник» Фаизов Талип Мазгарович. На первом этапе строительства силами Уфимского треста Крупнопанельного домостроительства предусматривалось освоить 345 тыс. рублей. Ввод здравницы в эксплуатацию планировался в 1988 году.

Однако построить санаторий к установленному сроку не удалось. В те годы было возведено два корпуса, столовая и библиотека. Всего было освоено 382 тыс. руб. «Ветер перемен» на долгие годы остановил строительство санатория и дороги к нему.

Лишь совсем недавно новая администрация Аскинского района возобновила строительство санатория на новом месте и в 2004 году ввела его в эксплуатацию. Санаторий получил название «Танып». Стали доступными большому числу людей минеральные воды и грязи, которые по химическому составу близки к знаменитым источникам Карловых Вар и сочинской Мацесты.

Строительство дороги к санаторию, начатое ещё в те годы председателями колхозов «Вперёд» – А. Хариповым, «Буляк» – Р. Сафиулиным, им. Чапаева – С. Алексеевым, директором совхоза «Дружба» Д. Шаисламовым, было, наконец, завершено.

Простите, читатель, я отвлекся от темы рассказа. Возвращаюсь на дорогу, по которой мы едем, а вернее – нас тащит мощный вездеход «Урал», разбивая высокие сугробы тремя ведущими мостами, перемалывая жёсткий снег огромными колёсами. Мы то поднимаемся на возвышенность, то куда-то долго спускаемся. Неистово гудит в вершинах вековых сосен ледяной ветер. Ярko в разрывах облаков светит луна.

– О чём размышляешь? – вдруг спросил меня Геннадий Петрович.

– Да так, кое о чём...

И опять так же, как и в прошлый раз, когда мы вместе с ним зимой ехали в Кугарчинский район на партийную конференцию, он сказал: «Тебе скоро будет о чём подумать».

- А впрочем, скажу тебе, не падай духом. У тебя в Аскино будет очень хороший помощник, заведующий отделом организационно-партийной работы Ф.Ф. Аскарлов. Он человек местный. Порядочный, хорошо знает людей и предан делу Коммунистической партии. Он поможет тебе в подборе нужных кадров, даст деловой совет.

А мне хотелось спросить у него: «Сколько ещё раз Вы, Геннадий Петрович, будете возить меня? Ведь это уже третья поездка, теперь вот в Аскинский райком. Опять я там чужой, и никто не ждёт меня. Устал я». Хотелось мне сказать ему, но я молчал. Молчал и он, не проронив больше до самого Аскино ни одного слова.

Глядя в наступившую темноту, я вспомнил слова М.З. Шакирова: «Поезжайте в Аскино через село Бурлаево и Балтачево». Теперь, по истечении многих лет я абсолютно уверен: он очень хотел, чтобы я поехал именно по этой дороге. Он знал, что уже в следующую зиму обяжет меня пропустить по этому марш-

руту большегрузные автомашины, панелевозы с железобетонными конструкциями. Он планировал уже в 1984 году силами Уфимского треста крупнопанельного домостроения завершить строительство современного откормочного комплекса и начать возведение санатория.

Ф.Ф. Аскарлов и его семья

В отличие от меня, он хорошо знал, что это кратчайшая дорога к названным объектам. Ему было нужно, чтобы и я узнал, в каком состоянии она находится.

Зимой следующего года, обсуждая в тресте крупнопанельного домостроительства программу строительства вышеназванных объектов, секретарь партийного комитета заметил: «До села Балтачево есть асфальтированная дорога, и по ней мы легко доставим стройматериалы и конструкции. Но ведь это только до села Балтачево, а как же дальше? Ведь дальше нет никакой дороги», – напомнил он мне.

– А дальше вообще не будет проблем ни у вас, ни у меня. У нас есть надёжный союзник – мороз. Он заморозит ручьи, болота – нам останется лишь расчистить снег, вам по зимней дороге, как по асфальту, доставить на объекты нуж-

ные строительные материалы и летом начать строительство откормочного комплекса. Нам надо работать согласованно, – предложил я.

Обсуждение строительной программы в партийном комитете треста крупнопанельного домостроительства. Слева – направо: Л.А. Шарыгин – секретарь партийного комитета треста, А.Г. Хуснуллина, А.П. Пономарёв

Справедливости ради надо сказать, что управляющий трестом крупнопанельного домостроения Лео Мамлеев, его главный инженер и секретарь партийного комитета были предельно пунктуальны. Совместными усилиями зимой 1983 года нам удалось до весенней распутицы завезти на откормочный комплекс совхоза «Дружба» все необходимые стройматериалы.

Значительно позже, осматривая пустые, готовые к сдаче в эксплуатацию корпуса комплекса, я часто думал, где же взять три тысячи телят, чтобы заполнить пустые производственные мощности? И чем ближе подходил срок ввода комплекса в эксплуатацию, тем сильнее и сильнее меня терзали мысли о том, где взять поголовье. Решение этой, казалось бы, неразрешимой проблемы пришло неожиданно. Об этом я расскажу позже, а сейчас в ярком свете автомобильных фар я увидел занесённую до самых крыш деревню и указатель при въезде с надписью «Сандугач». В переводе с татарского языка на русский – Со-

ловей. Мы ехали по плохо расчищенной улице, и ни в одном доме уже не горел свет.

«Не случайно, видимо, деревня названа Соловей, наверное, весной их здесь множество. Надо приехать и послушать», – подумал я. Но это желание так и не осуществилось.

– Это последняя деревня Балтачевского района. В конце деревни – река и мост, а дальше земли нет, – улыбаясь, сказал водитель Г.П.Федотову.

– А что же там дальше? – совершенно серьезно спросил я.

– Лес, болота, ручьи и бездорожье. Мы останемся на этой стороне речки. Мост ненадёжный, вам придётся перейти по мосту пешком, – объяснил нам водитель.

Выйдя у моста из автомашины, в свете фар я увидел ожидающих нас людей. Их было двое. Мы подошли и поздоровались. Один из них был высокий, крепкого телосложения мужчина в шубе, меховой шапке и унтах. Это был Кавардаков Владимир Александрович – управляющий Районным объединением «Сельхозтехника». Другой был невысокого роста, одетый так же. Это был председатель Аскинского исполкома райсовета Каримьян Мубаракович Махмутьянов. По иронии судьбы они 9 декабря 1982 года встретили меня на границе района. Невероятно, но именно они оба 27 декабря 1987 года сыграют в моей жизни неожиданную роль. С ними в одной связке, словно по тонкому льду, рассчитывая лишь на свои силы, я буду идти долгие пять лет. Но всё это будет потом, а сейчас, попрощавшись с водителями, мы вчетвером перешли на противоположный берег по расчищенной тропинке через замёрзшую речку.

Рядом на пригорке стоял мощный вездеход «Урал» и служебный УАЗ-469, машина председателя исполкома райсовета.

С правой стороны виднелась занесённая снегом невысокая стела, на которой было написано «Аскын районуным. Рахим Итегез (Аскинский район. Добро пожаловать)».

Вскоре мы приехали в райком партии. А на следующий день был проведён пленум Аскинского райкома партии, и через день я увёз Геннадия Петровича на автотрассу Караидель-Уфа, в деревню Явгильдино, где его уже ждала служебная обкомовская «Волга».

– Ты не затем здесь, чтобы искать причины для обоснования своего бездействия. Другая у тебя задача. Тебе надо выполнить всё и даже больше, чем было намечено первым секретарём обкома партии. До первой отчётно-выборной партийной конференции у тебя есть три года. Поторопись, Анатолий Петрович, будь объективным, постарайся во всём разобраться сам. Помни: из любой ситуации есть выход. Настойчиво ищи, и ты найдёшь его. Не замыкайся в себе, – сказал мне, прощаясь, Геннадий Петрович.

Прошло много лет с тех пор, а его слова и поныне живут в моей памяти!

3.2. ПЕРВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ И ЗНАКОМСТВО С ПАРТИЙНО-ХОЗЯЙСТВЕННЫМ АКТИВОМ

Уже несколько дней я работаю в Аскинском райкоме партии. Аппарат райкома по сравнению с другими районами невелик, всего лишь 16 человек. Вопросами сельскохозяйственной политики в районе ведаёт уже много лет второй секретарь Мубарак Галлямшинович Галлямшин. Вопросами идеологической работы – Мадихат Ситдикович Ханов. В райкоме имеется четыре отдела. Ф.Ф. Аскарлов – заведующий отделом организационно-партийной работы, С.Г. Мугтабаров – заведующий отделом идеологической работы, М.И. Афанасьев – заведующий сельскохозяйственным отделом и В.И. Якунин – заведующий общим

отделом. Остальные сотрудники: инструкторы и технические работники. В райкоме тишина и никакой суеты. Кажется, что жизнь просто остановилась.

Я тоже спокойно сижу в своём кабинете, слушаю Башкирское радио, просматриваю статистический сборник №047 «Сельское хозяйство БАССР» и делаю неутешительные выводы: Аскинский район остаётся единственным районом, который снабжается по «остаточному» принципу и поэтому не случайно по многим экономическим показателям занимает последние места в республике. Так, по обеспеченности основными производственными фондами на 100 га сельскохозяйственных угодий занимает 46 место, по фондовооружённости в расчёте на одного среднегодового работника – 50 место, по обеспеченности минеральными удобрениями в расчёте на гектар посевов – 52 место, по естественному плодородию – 54 место из 54 районов.

Заведующие отделами Виталий Изосимович Якунин и Фауки Фатхиевич Аскарров приносят по моей просьбе личные дела сотрудников аппарата райкома партии, учётные карточки руководителей хозяйств, организаций и предприятий района. Я изучаю личные дела, просматриваю учётные карточки входящих в номенклатуру райкома работников и никаких выводов не делаю. Изучаю отчёты по выполнению планов десятой пятилетки и ежедневные сводки. Запоминаю фамилии, имена, отчества руководителей и накапливаю нужную мне информацию.

Проходили дни, я никому не звонил, ни с кем не встречался, никуда не выезжал. Мне тоже никто не звонил и не задавал никаких вопросов. Тишина и спокойствие. У меня было такое чувство, что этим районом в республике никто не интересуется.

Из ежедневных сводок и статистической отчётности я узнал, что в районе имеется девять небольших колхозов, три совхоза, леспромхоз, два лесхоза, ПМК-19, передвижной механизированный отряд управления «Башсельстрой», механизированная передвижная колонна «Башкирмежколхозстрой» районные отделения «Сельхозтехника», «Сельхозхимия» и небольшой дорожный участок,

где не было никакой специализированной техники. Дорожная сеть района находилась в крайне запущенном состоянии. Хороших с твёрдым покрытием дорог практически не было. Райцентр находится в шестидесяти километрах от республиканской автодороги Караидель-Уфа, но выхода на автотрассу, по существу, не было. Имелась лишь грунтовая дорога, которая почти всегда была в непроезжем состоянии. Зимой из-за снежных заносов, весной, летом и осенью из-за частых дождей и липкой непролазной грязи, ни о каком автобусном сообщении райцентра со столицей республики не могло быть и речи. Абсолютно ненадёжным был и воздушный транспорт. Самолёт из Уфы в Аскино летал крайне нерегулярно. Никто и не помышлял о полётах из Аскино в Свердловск и Пермь. Ближайшая железнодорожная станция Щучье Озеро находилась в Пермской области на расстоянии семидесяти километров, но туда почти никогда не было дороги по тем же причинам.

Кроме всего вышесказанного в районе не было ни песка, ни щебня, ни гравия. К моей великой радости, в районе были большие запасы строительной глины, пригодной для производства кирпича. Однако кирпичный завод находился в списке «долгостроев», и его пуск в работу был проблематичен из-за отсутствия строительной организации, которая бы построила его и ввела в эксплуатацию.

Наличие больших запасов бутового камня позволяло начать его добычу. Но для этого надо было произвести буровзрывные и вскрышные работы, так как камень находился на глубине от пяти до десяти метров и представлял собой огромные глыбы. Тем не менее, если его добыть, а затем раздробить, то его можно использовать для укрепления поверхности дорожного полотна, асфальтирования улиц и устройства тротуаров. Но в районе не было необходимых для этих целей экскаваторов и мощных камнедробилок.

Ещё более вопиющим было состояние дел с учебными заведениями. Школы, как начальные, так и средние, находились в приспособленных помещениях, зачастую аварийных. Даже в районном центре восьмилетняя школа ютилась в

бывшем купеческом деревянном доме. Здание обветшало и находилось в аварийном состоянии. Средние школы, татарская и русская, располагались в одном здании: учащихся было много, и школа работала в две-три смены. Классы были переполнены: по 40-45 человек в каждом. Лишь два здания в райцентре были построены недавно: райком партии и исполком райсовета. Все остальные организации – редакция газеты «Путь коммунизма», РОВД, прокуратура, суд, управление сельского хозяйства, районная аптека, госбанк, контора «Райпотребсоюза» и другие – находились в бывших купеческих домах и домах, конфискованных когда-то у местных баев, уже обветшавших и зачастую аварийных.

Существующий в Аскино водопровод не охватывал и четверти населения, и к тому же вода в нём не отвечала санитарным нормам. Не было ни асфальтированных улиц, ни тротуаров. Даже центральная Октябрьская улица становилась непроезжей после первого дождя.

О строительстве газопровода, газификации села и котельных никто и не помышлял, так как не было ни проектно-сметной документации, ни финансирования. Демографическая обстановка в районе согласно отчётам ЦСУ⁴⁴ была тревожной. В связи с недостатком школ и отсутствием интернатов при средних школах начался резкий отток населения, прежде всего русского. Русские люди, бросив дома, целыми деревнями покидали Аскинский район. Только за последние пять-шесть лет из района уехало около двадцати тысяч человек. Длинными рядами вдоль улиц, заросших бурьяном, сиротливо стояли брошенные дома с заколоченными окнами (это я увидел позже).

Лишь кусты сирени под окнами домов, скамейки у ворот, заросшие крапивою огороды и заброшенные колодцы напоминали, что здесь когда-то жили люди. В окружении берёз, сосен, черёмух, рябин с красными гроздьями стояли неухоженные сельские кладбища. Каждый раз, проезжая мимо пустых деревень, я

⁴⁴ Центральное статистическое управление.

испытывал беспокойство и тревогу. Не стану развивать эту тему глубже. Скажу лишь, было о чём задуматься.

Заброшенная деревня

Однако трудовые ресурсы в районе были и немалые, и это вселяло уверенность, что многое из того, что было намечено первым секретарём обкома, сделать удастся. Изучая разнообразные сводки и статистическую отчётность за истекшую пятилетку, я понимал, что мне и моим новым помощникам придётся приложить немало усилий, чтобы сдвинуть с места огромный пласт накопившихся годами проблем.

«Поймут ли меня мои новые помощники, станут ли они моими единомышленниками? А без их помощи я просто бессилён сделать что-либо существенное», – размышлял я наедине с собой. Время шло, приближался новый 1983 год. Я чувствовал, что настала пора собрать партийно-хозяйственный актив, поговорить с руководителями хозяйств о зимовке скота, о весенне-полевых работах, о строительстве и о других неотложных делах. Наконец я назвал дату проведения партийно-хозяйственного актива.

– Что я могу сказать активу, о чём мне говорить с руководителями хозяйств и организаций? Ведь многие из них не были на пленуме, я их никогда не видел и совершенно не знал.

– Собрание актива надо назначить на вторую половину дня, – посоветовал мне второй секретарь райкома М.Г. Галлямшин. – Дорог из хозяйств нет, люди на тракторах добираться будут, – озабоченно сказал он.

– Когда же они возвратятся домой? О чём же мне говорить с ними? Ведь они приедут на тракторных санях усталые и продрогшие.

С этими мыслями я вместе с членами бюро вошёл в зал заседаний и привычно занял своё место за столом президиума. Поздоровался. Не надо думать, что все встали и начали меня приветствовать. Было далеко не так. По меньшей мере, сто пятьдесят пар глаз внимательно изучали меня, и я чувствовал на себе их взгляды.

– Товарищи, – спокойно сказал я, – давайте с вами познакомимся. Меня зовут Анатолий Петрович, десятого декабря состоялся одиннадцатый пленум райкома, и я был избран первым секретарём Аскинского райкома партии. За истекшие две недели мне удалось достаточно хорошо изучить состояние дел в районе, ознакомиться с вашими учётными карточками и личными делами. То есть, я кое-что о вас уже знаю, вам же обо мне ничего не известно. Поэтому расскажу вам биографию и отвечу на вопросы, если они у вас будут. Кто знает, может нам вместе придётся работать долго. От вас зависит, захотите ли вы терпеть меня, – неуклюже пошутил я.

Вопросов было много. Отвечая на них, я пытался вести диалог с участниками совещания. Иногда это получалось. Вскоре у нас завязалась интересная, непринуждённая беседа, в ходе которой были обсуждены все вопросы, предусмотренные повесткой совещания. Нередко мне задавали неожиданные вопросы, вплоть до того, зачем я сюда приехал; при этом просили ответить честно. Признаюсь, подобными вопросами я был поставлен в тупик и не знал, что ответить. Рассказывать, что я собираюсь регулярно выполнять планы, построить

дорогу от деревни Явгильдино до станции Щучье Озеро, построить газопровод до Аскино, заняться строительством школ, открыть авиасообщение из Аскино в Свердловск и Пермь, поверьте, мне не хотелось. Подобные заявления могли вызвать по меньшей мере смех в зале. Я хорошо знал, что сначала дело делается, чтобы потом сказать своё веское слово. Реально сделанных дел пока никаких не было, а следовательно, и говорить о них было преждевременно. Руководителю, задававшему этот вопрос и ожидавшему получить честный ответ, сказал: «С какими бы благими намерениями я ни приехал, всё равно один я бессилен что-либо сделать. Обком партии не будет терпеть мою бездеятельность и освободит меня от обязанностей первого секретаря, и я уеду, а вы останетесь с тем, что имеете сейчас. Только объединив моё желание и ваши усилия, мы вместе добьемся успехов. Через три года в этом зале состоится отчётно-выборная партийная конференция, и я отчитаюсь за то, что нам вместе удалось сделать. Поэтому мой ответ на вопрос, зачем я сюда приехал, сегодня будет необъективным. Давайте возвратимся к нему через три года».

Тут, взглянув в окно, я увидел, что на площади перед райкомом и на улице уже горит свет. Надвигался холодный зимний вечер.

«А ведь им ещё домой не один час придётся ехать на тракторных санях», – подумал я.

– Товарищи! Давайте на этом закончим наше совещание. Наша встреча была полезной. Сегодня у меня сложилось твёрдое мнение, что у вас есть желание изменить ситуацию, а это значит, что мы вместе сможем многое сделать на благо жителей Аскинского района и, следовательно, каждого из вас. Всем спасибо за участие в совещании. Поздравляю вас с новым годом. Желаю вам крепкого здоровья. Счастливого пути! До свидания, товарищи!

И далее, как мог, сказал эти же слова по-татарски.

Возвратившись в свой кабинет, я вдруг почувствовал необычайное успокоение. Тревог и сомнений в душе у меня не осталось. Появилась уверенность, что вместе нам удастся многое сделать.

Так завершилась первая моя встреча с партийно-хозяйственным активом района. Несколько опережая события, скажу, что через три года состоялась отчётно-выборная партийная конференция, на которой я отчитался перед коммунистами района о проделанной работе и тайным голосованием был единогласно переизбран на следующие два года.

3.3. ИЗ ЛЮБОЙ СИТУАЦИИ ЕСТЬ ВЫХОД

Приближалось начало весенне-полевых работ. Заведующий отделом организационно-партийной работы Ф.Ф. Аскарров составил график посещения хозяйств с тем, чтобы изучить состояние дел на местах. Я уже знал по именам и отчествам руководителей колхозов и совхозов. Из двенадцати руководителей только председатели колхозов им. В.И. Чапаева и «Урал» были значительно старше меня. Остальные десять руководителей были молодыми и работали всего лишь по два-три года. Такими же молодыми были секретари партийных организаций.

Часто мы с Аскарровым и Мугтабаровым вместе выезжали в хозяйства и терпеливо разбирались в вопросах по подготовке и проведению весенне-полевых работ. Они очень хорошо знали руководителей хозяйств и секретарей партийных организаций. Благодаря им у меня с руководителями складывались деловые и доверительные отношения. В ходе посещения хозяйств выяснилось, что у большинства секретарей партийных организаций нет планов партийно-организационного и идеологического обеспечения посевной кампании, а у руководителей колхозов и совхозов нет ни технологических карт, ни рабочих планов. Тракторные парки в ряде хозяйств находились в плохом состоянии. Особенно много было неисправных гусеничных тракторов марки ДТ-75 Волгоградского тракторного завода. Из-за отсутствия запасных частей большинство из них вообще не могло выйти в поле. Это было ударом для меня. Я мучитель-

но искал выход из сложившейся ситуации; она казалась безвыходной. Из многолетней практики я знал, что если весной опоздать с посевом зерновых на один день, то уборка хлеба начнётся на десять дней позже, а это в условиях северного Аскинского района – катастрофа. Хлеб не будет убран и может уйти под снег. Права народная пословица: «Весенний день год кормит». Руководители хозяйств были озабочены не меньше меня. Они были местными и хорошо понимали, что уборка может затянуться и привести к большим потерям урожая. Они просили помочь им в приобретении запасных частей для ремонта и восстановления тракторов марки ДТ-75. Управляющий отделением сельхозтехники В.А. Кавардаков был болен, и я не стал его беспокоить. Весна стремительно приближалась, и нужно было срочно достать запасные части, чтобы отремонтировать трактора и вывести их в поле.

Выход был найден неожиданно. Я позвонил заместителю начальника сборочного цеха Волгоградского тракторного завода Ивану Леонтьевичу Баронину, и он пообещал выдать хозяйствам все необходимые запасные части для ремонта тракторов, но в ответ попросил прислать на завод опытных механизаторов для сборки тракторов на конвейере. По ходу беседы я задал ему несколько уточняющих вопросов и, получив исчерпывающие ответы, решил, что надо принять его условия. О нашем разговоре я рассказал Ф.Ф. Аскарору.

– Я переговорю с секретарями партийных организаций и руководителями хозяйств. Надо узнать их мнение, а потом по этому вопросу давайте проведём совещание, – предложил он.

На совещание приехали руководители и секретари партийных организаций всех колхозов и совхозов. Когда все собрались в зале заседаний райкома партии, я рассказал им о своей беседе с заместителем начальника сборочного цеха, о его просьбе направить для работы на сборочном конвейере опытных механизаторов сроком на два месяца и о его готовности выделить хозяйствам района запасные части. После этого я попросил каждого высказать своё мнение по этому вопросу. Совещание продолжалось долго. Некоторые руководители сразу

согласились направить на завод рабочих. Другие, наоборот, выражали сомнения, опасались, что молодых ребят возьмут на работу, пропишут в общежитии, и они навсегда уедут из колхоза.

Когда все желающие высказались, слово попросил Ф.Ф. Аскарров. Он поддержал мнение тех, кто считал, что рабочих надо направить на завод, а в адрес тех, кто сомневался, сказал на родном татарском языке:

- Надо попробовать: чем чёрт не шутит, может всё получится.

Единогласно было принято решение направить сто человек на сборочный конвейер Волгоградского тракторного завода. Вскоре все отъезжающие на завод молодые ребята были собраны в зале райкома. Секретари райкома М.Г. Галлямшин, М.С. Ханов, начальник РОВД З.Р. Зарипов выступили перед собравшимися с напутственными словами.

Начальник РОВД, подполковник милиции Залил Рызванович Зарипов родился в 1938 году, служил в военно-морском флоте. Заочно окончил Академию МВД СССР. Грамотный, принципиальный, деловой работник. Член райкома КПСС. Хороший семьянин. Воспитал троих детей.

Заместитель начальника сборочного конвейера встретил ребят на вокзале, устроил в общежитие, каждому определил рабочее место. Управляющий районным отделением «Сельхозтехника» В.А. Кавардаков направил на завод автомашины и быстро вывез выделенные хозяйствам района запасные части. Все

неисправные тракторы ДТ-75 к началу весенне-полевых работ были восстановлены.

Второй секретарь райкома М.Г. Галляшин совместно с начальником управления сельского хозяйства Ф.Г. Газизовым разработали и внесли на рассмотрение бюро райкома план проведения посевных и посадочных работ. Секретарь райкома Ханов М.С. и заведующий идеологическим отделом С.Г. Мугтабаров разработали план идеологического обеспечения весенне-полевых работ. Посев зерновых и кормовых культур, посадка картофеля были проведены в установленные рабочим планом сроки.

В соответствии с планом идеологического обеспечения лучшим механизаторам, добившимся высоких показателей, выплачивались премии. Девушки в ярких весенних костюмах вручали им ценные подарки, благодарственные письма, преподносили хлеб-соль.

Девушка в костюме «Весна» вручает хлеб-соль лучшему механизатору

Холодная весна в предгорьях Среднего Урала быстро закончилась, началось короткое дождливое лето. Уже на просторных лугах и полях буйно зацвели травы и красный клевер. Наступила пора заготовки кормов. Составление рабочих планов и планов идеологического обеспечения стало обычным делом для всех сельскохозяйственных работ. Заготовка сена, сенажа, силоса во всех хозяйствах прошла организованно.

Уборка клевера в совхозе «Дружба»

Уборка клевера на сенаж в совхозе «Тюйский»

Приближалась самая сложная и самая ответственная работа – уборка зерновых культур. Во всех хозяйствах были проведены смотры готовности техники, семинары, предуборочные собрания.

Предуборочное собрание в колхозе «Вперёд»

В каждом хозяйстве создавались комсомольско-молодёжные звенья и отряды. Идеологический отдел разработал условия социалистического соревнования. За достижение высоких показателей в работе молодым комбайнёрам вручались денежные премии, благодарственные письма, ценные подарки. Пионеры преподносили им «Хлеб-соль» и надевали на каждого памятную алую ленту с надписью на родном языке «Молодой хлебороб».

Регулярно районная газета «Путь коммунизма» сообщала об итогах социалистического соревнования среди работающих на уборке урожая. Имена победителей заносили на Доску Почёта, им выделялись для продажи вне очереди легковые автомашины марки «Нива», «Жигули», «Москвич», тяжёлые мотоциклы марки «Урал» и «Днепр».

В хозяйствах, выполнивших государственный план сдачи хлеба, проводились митинги. В честь их передовиков на площади перед райкомом партии у памятника В.И. Ленину поднимались Красные флаги. Уборка урожая прошла быстро и организованно. Район впервые за несколько последних лет выполнил

государственный план сдачи хлеба. В адрес тружеников района от имени первого секретаря Башкирского обкома КПСС М.З. Шакирова поступила правительственная телеграмма.

Первому секретарю Аскинского райкома КПСС

товарищу Пономареву А.П.

Председателю исполкома райсовета

товарищу Махмутьянову К.М.

Председателю Совета РАПО Газизову Ф.Г.

ДОРОГИЕ ТОВАРИЩИ! ГОРЯЧО И СЕРДЕЧНО ПОЗДРАВЛЯЮ КОММУНИСТОВ И ВСЕХ ТРУДЯЩИХСЯ РАЙОНА С ВЫПОЛНЕНИЕМ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ ЗАВЕРШАЮЩЕГО ГОДА ПЯТИЛЕТКИ ПО ПРОДАЖЕ ХЛЕБА ГОСУДАРСТВУ. СОРЕВНУЯСЬ ЗА ДОСРОЧНУЮ ВСТРЕЧУ ХХVII СЪЕЗДА КПСС, СМОГЛИ ВНЕСТИ ВЕСОМЫЙ ВКЛАД В РЕАЛИЗАЦИЮ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ ПРОГРАММЫ, ТРУЖЕННИКИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА РАЙОНА ОРГАНИЗОВАЛИ

УБОРКУ УРОЖАЯ И ЗАСЫПАЛИ В ЗАКРОМА РОДИНЫ 15100 ТОНН ЗЕРНА.

ЖЕЛАЮ ВАМ УСПЕШНО ЗАВЕРШИТЬ ВСЕ КОМПЛЕКС СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ РАБОТ. ОБРАЗЦОВО ПОДГОТОВИТЬСЯ К ЗИМОВКЕ СКОТА, ДОСРОЧНО ВЫПОЛНИТЬ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА ПО ПРОДАЖЕ ВСЕХ ВИДОВ ПРОДУКТОВ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ И ЖИВОТНОВОДСТВА, НОВЫМИ ДОСТИЖЕНИЯМИ ОЗНАМЕНОВАТЬ ХХVII СЪЕЗД РОДНОЙ ЛЕНИН-СКОЙ ПАРТИИ

Секретарь Башкирского обкома КПСС

М. ШАКИРОВ

Хороший урожай картофеля вырастили механизированные хозрасчётные звенья Фауки Ямалтдинова из совхоза «Кубиязовский», Минуллы Гайбадуллина и Рафаэля Мухтаруллина из совхоза «Тюйский».

Торжественно был отправлен в Уфу «Красный обоз» с отборным картофелем.

Руководители хозяйств облегчённо вздохнули. У всех было приподнятое настроение, особенно у тех, кто впервые выполнил государственный план сдачи хлеба государству. Но это был лишь первый шаг к тому, что ещё предстояло сделать; так сказать, короткая передышка перед наступающим 1985 годом.

Несколько слов о наших взаимоотношениях с Волгоградским тракторным заводом. Неожиданно начатые весной 1983 года, они не прекратились. Наоборот, район и завод стали постоянно помогать друг другу. Вспоминается один случай, который произошёл летом 1984 года. Проезжая поездом через Волгоград, я решил сделать остановку на одни сутки. Мне очень хотелось побывать на тракторном заводе, встретиться с людьми из хозяйств нашего района, работающими на сборочном конвейере. В заводоуправлении мне выдали разовый пропуск, и я прошёл в сборочный цех завода.

– А вдруг я никого из ребят не узнаю, и меня тоже никто не узнает, не заметит, – подумал я, войдя в цех.

Каково же было моё удивление, Когда я вдруг услышал такое знакомое, волнующее душу:

– Исанмесез⁴⁵! Хаумыхыгыз Хормэтле, Анатолий Петрович⁴⁶. Сезне куруебезго шат⁴⁷. Саламатлегез ничек⁴⁸?

Я пожимал протянутые мне руки, и чувство радости переполняло мою душу.

– Сезга Рахмат⁴⁹! Халларегез ничек⁵⁰! Сезне куруемэ бик Эгетлар⁵¹?

⁴⁵ Здравствуйте (татарск.).

⁴⁶ Здравствуйте, уважаемый Анатолий Петрович (башк.)!

⁴⁷ Рады Вас видеть (татарск.).

⁴⁸ Как здоровье (татарск.).

⁴⁹ Благодарю Вас (татарск.).

Ребята столпились вокруг меня. Мы говорили и говорили. Поверьте, я, как никогда, был счастлив. Потом они проводили меня до проходной завода. Перед отъездом из Волгограда мы с Иваном Леонтьевичем Барониным и его женой Марией Петровной сфотографировались на память.

И.Л. Баронин, М.П. Баронина, А.П. Пономарев

Управляющий районного отделения «Сельхозтехника» В.А. Кавардаков впоследствии стал регулярно получать с завода необходимые для ремонта тракторов запасные части, металлорежущие станки, термопечи и другое оборудование для открытия нового цеха по восстановлению изношенных деталей.

Неоценимую помощь в создании и укреплении материально-технической базы району постоянно оказывал второй секретарь Башкирского обкома КПСС Владимир Леонидович Воюшин.

⁵⁰ Как у вас дела (татар.)

⁵¹ Я рад вас видеть ребята (татар.)

Благодаря его поддержке, Аскинскому районному отделению ежегодно выделялись крупные капиталовложения, за счёт которых строились новые современные цеха. Начал работать цех по ремонту зерноуборочных комбайнов. Был запущен в работу конвейер по ремонту тракторов. Возведены новые, хорошо оснащённые оборудованием цеха по ремонту автомобилей и сельхозмашин. Существенно пополнился автомобильный парк за счёт новых моделей «Камазов», «Уралов», «Супермазов». Общее число автомобилей в автогараже превышало сто единиц. Рядом с производственной базой сельхозтехники возник современный посёлок, где проживали более четырёхсот семей. Началось строительство общежития на сто человек. Численность работающих в районном отделении «Сельхозтехника» к концу 1985 года достигла 500 человек. Аскинская сельхозтехника стала самой мощной в Башкирии и именовалась «Районное ремонтно-техническое предприятие».

Оперативное совещание у директора ремонтно-технического предприятия.

Слева - направо: А. Гумеров, А.П. Мальцев, С.А. Герасимова, В.А. Кавардаков – директор районного ремонтно-технического предприятия, С.М. Минниганеев, В.И. Герасимов, Ахматшин, Н.К. Щукин

Постепенно из года в год наращивали мощь и укрепляли свою материально-техническую базу строительные организации региона. Широкое распространение получил уже проверенный на практике хозяйственный способ строительства. По вопросам строительства ежегодно проводились совещания партийно-хозяйственного актива и пленумы.

Седьмой пленум райкома партии отметил, что в деле строительства объектов жизнеобеспечения и инфраструктуры в районе произошёл коренной перелом. За последние три года (1983-1985) по всем источникам финансирования было освоено около 16 млн. руб., или более 5 млн. руб. ежегодно. В хозяйствах района широким фронтом развернулось строительство школ, детских садов, фельдшерско-акушерских пунктов, жилья, магазинов и клубов. Ежегодно вводились в эксплуатацию новые животноводческие объекты, молочнотоварные фермы, свинарники, телятники. В совхозе «Дружба» завершилось строительство комплекса по откорму молодняка крупного рогатого скота. Строили силосные и сенажные хранилища, склады для хранения минеральных удобрений и зерна. Развернулось строительство межхозяйственных дорог. Председатели колхозов А.С. Харипов, М.А. Аюпов, О.Г. Балягутдинов, Ф.А. Ахметдинов, С.Я. Алексеев, Н.М. Ахматдинов, Р.Х. Сафиуллин, Т.М. Фаизов, З.Д. Шайнуров, директора совхозов Д.М. Шаисламов, В.М. Латыпов, Т.М. Фаизов, не считаясь со временем, не зная отдыха, годами не бывая в отпусках, трудились на благо своих хозяйств и односельчан.

Почти все руководители были молоды, энергичны, с ними легко и интересно было работать. Никого не надо было подталкивать, агитировать, «воспитывать» на заседании бюро. Райком партии берёг и уважал своих помощников, ограждал их от нападков зарвавшихся «князьков».

Приведу в пример один случай. Прокурор района Ахметов привык считать, что ему всё дозволено, злоупотреблял своим служебным положением, допускал в отношениях с руководителями хозяйств поступки, противоречащие Уставу КПСС. В 1986 году он был приглашён на заседание бюро райкома партии и ис-

ключён из рядов КПСС. Прокурор БАССР Иван Тимофеевич Филатов освободил Ахметова от обязанностей прокурора Аскинского района. На его место по рекомендации бюро была назначена М.М. Низамова, которая долгие годы работала на этом посту, оправдывая высокое звание коммуниста. Вспоминаю, по этому поводу я был приглашён в обком для объяснения.

– Опять ты, Анатолий Петрович, «наступил на хвост змее». В Кугарчинском районе ты исключил из партии председателя районного народного суда, а теперь вот прокурора Аскинского района. Что нам с тобой делать? – укоризненно говорил мне Геннадий Петрович. – Не любишь ты работников административных органов.

– А что же мне делать, Геннадий Петрович, если я вижу, что человек, наделённый большой властью и носящий высокое звание коммуниста, ведёт себя, мягко выражаясь, недостойно.

– Так-то оно так. А всё-таки советоваться надо.

– Пусть обращается в партийную комиссию обкома, в ЦК КПСС, его восстановят в партии, если я был неправ.

– В том то и дело, что обращался – не восстанавливают, а вот теперь на тебя пишет жалобы.

Ну, это я отклонился от темы. Вернёмся снова в Аскинский райком, в насыщенные событиями годы.

Многие перемены в деле строительства объектов произошли в районном центре. Председатель межхозяйственной передвижной механизированной колонны Н.А. Мальцев (к сожалению, у меня нет его фотографии), запустил в работу кирпичный завод, построил столярный цех. Начал строительство типовой поликлиники и районного Дома бытового обслуживания. Построил госбанк, здание районного агропромышленного объединения и газораспределительную станцию. Строил жилые дома для работников своей организации и жителей района. В больших масштабах начал строительство различных объектов в хозяйствах района. Скромный и исполнительный, он много добрых дел делал для

Аскинского района. Строительная организация под его руководством стала осваивать по полтора-два миллиона рублей ежегодно. Это был уже хороший результат.

Ежегодно наращивал объёмы строительства начальник передвижного механизированного объединения Фидаил Исмагзамович Хисаметдинов. Совместными усилиями он построил среднюю школу на 624 учащихся. Наверное, и поныне в светлых и просторных классах Аскинской средней школы №2 живут частицы их беспокойных душ.

Митинг по случаю сдачи в эксплуатацию средней школы №2 на 624 места

Ф.И. Хисаметдинов много сил и здоровья приложил к укреплению и расширению материально-технической базы своей организации. Объём строительномонтажных работ довёл до полутора миллионов рублей в год.

Общими усилиями вышеназванных строительных организаций и председателя «Райпотребсоюза» Марзави Хуснулловича Хусниярова были построены и

введены в эксплуатацию хлебозавод мощностью 25 тонн печёного хлеба в сутки, холодильник ёмкостью 180 т, кафе и магазины.

Началось строительство производственных баз дорожного ремонтно-строительного управления, районных электрических сетей и «Сельхозхимии». Директор совхоза «Тюйский» В.М. Латыпов построил и сдал в эксплуатацию среднюю школу на 360 учащихся в селе Кашкино.

Митинг по случаю сдачи средней школы на 360 учащихся в с. Кашкино

Хороших показателей в деле укрепления материально-технической базы добился начальник жилищно-коммунального хозяйства Валентин Данилович Усков. Свою трудовую жизнь он начал в 1960 году. Работал слесарем овоще-сушильного комбината, потом был избран секретарём комсомольской организации, а с 1963 по 1969 год работал секретарём Аскинского поселкового совета.

В начале апреля 1969 года по решению исполкома райсовета он был назначен начальником жилищно-коммунального хозяйства. В то время в коммунальном хозяйстве было всего две лошади и один колёсный трактор. За двадцать два года непрерывной работы практически на пустом месте им было создано

большое коммунальное хозяйство. В министерстве ЖКХ БАССР В.Д. Усков пользовался авторитетом и уважением.

Секретарь комсомольской организации Валентин Усков

Однажды поздней осенью 1983 года, возвращаясь вместе Ф.Ф. с Аскарковым со станции Щучье Озеро, недалеко от райцентра я увидел одиноко стоящую установку по производству асфальта. Мы подъехали к ней. Ветер раскачивал на её стенах частично сорванные листы металла, и они издавали унылые звуки. Картина была удручающей. Установка находилась в запущенном состоянии и, по-видимому, уже давно на ней никто не работал.

– Странно, – подумал я, глядя на буйно разросшийся кустарник по всей территории заброшенной установки. – А если её запустить в работу, начать производство асфальта, покрыть им улицы и тротуары?

– Эту установку, – не торопясь повёл свой рассказ Ф.Ф. Аскарков, – построил начальник Аскинской передвижной механизированной колонны Кадим Нига-

матович Султанов. Это очень энергичный и порядочный человек. Он создал мелиоративную передвижную механизированную колонну, построил хорошую производственную базу и посёлок для своих рабочих. Я рекомендую вам поближе с ним познакомиться; думаю, он станет вашим помощником и единомышленником. Несколько лет назад эта установка была передана на баланс начальнику ЖКХ В.Д. Ускову, но работала она недолго. Возникли трудности с битумом, гравием и песком, а их, как вам уже известно, в районе нет. Всё это надо было возить из г. Бирска, который находится на расстоянии почти 150 км. В.Д. Усков помучился и забросил эту установку, – пояснил заведующий орготделом.

– Скажите, Фауки Фатхиевич, В.Д. Усков – хороший руководитель? Как Вы его оцениваете?

– Это очень толковый руководитель, любящий своё дело и болеющий за него. Он член Коммунистической партии, и на него вполне можно положиться. Есть у него одна слабость, но она не мешает ему хорошо работать. Он очень любит шахматы и хорошо играет, пожалуй, лучше всех в Аскино. Часто по вечерам он подолгу остаётся в своём кабинете и играет с кем-либо или разбирает шахматные партии. Он хороший собеседник и много знает историй о шахматах и знаменитых шахматистах.

В этот день я твёрдо решил рассмотреть на бюро вопрос о вводе асфальтной установки в работу. На следующий день, полистав телефонный справочник, я быстро нашёл номер служебного телефона министра ЖКХ Башкирии Мидхата Гайнулловича Галиуллина. Мы договорились о встрече. Через два дня вместе с В.Д. Усковым мы вошли в его кабинет. Поздоровались, как старые знакомые. Раньше, когда я работал в Кугарчинском районе, я частенько встречался с ним. Министр был приветлив, шутил, предложил сигарету.

– Спасибо, Мидхат Гайнуллович, не курю, бросил, – отказался я.

– Как это случилось? – заинтересованно спросил он.

– Да вот на пачке прочёл предупреждение минздрава о вреде курения и решил бросить. Да и ваш коллега министр здравоохранения Минигалим Хазигалеевич Камалов рекомендует бросить эту вредную привычку, – шутил я.

– Да он сам всю курит! Что же вас на этот раз привело к нам, опять деньги нужны?

– Если бы только деньги, Мидхат Гайнуллович.

– А что же ещё надо?

– Битум, нефть или печное топливо, техника для укладки асфальта и, конечно же, трубы для водопровода. Мы вот с Валентином Даниловичем решили заняться благоустройством, да и водопровод в райцентре надо построить.

– Только-то и всего, – внимательно выслушав нас, сказал Мидхат Гайнуллович. – Аппетиты у вас, прямо скажу, неплохие, но я помогу вам. Напишите просьбу от имени райкома партии, пусть председатель исполкома райсовета К.М. Махмутьянов и Валентин Данилович почаще обращаются, и вместе подумаем, как помочь вашему району. Деньги будем выделять по факту выполненных работ, а цемент, битум, трубы, печное топливо – по мере освоения средств.

В заключение он пожелал нам успехов, а мы, поблагодарив его за помощь, вышли из кабинета окрылённые.

Не стану загружать тебя, читатель, подробностями, скажу лишь, что, выполняя задуманные планы, мы постоянно чувствовали поддержку министерства жилищно-коммунального хозяйства. В течение зимы 1984 года с помощью автотранспорта районного объединения «Сельхозтехника» и передвижного механизированного объединения В.Д. Усков завёз из города Бирска несколько тысяч тонн песка и гравия. Весной 1985 года Аскинскому району были выделены фонды на получение битума, печного топлива и труб для водопровода. Асфальтная установка была запущена в работу и благополучно работала долгие годы. Началась прокладка магистрального водопровода от аэропорта до райцентра. На горе, недалеко от аэропорта, был устроен резервуар-накопитель, из которого вода поступала в водопроводную сеть.

Однажды вечером, проезжая мимо конторы ЖКХ, я увидел свет в окнах кабинета. Решил зайти, поговорить о делах, поиграть в шахматы. Вскоре я проиграл В.Д. Ускову.

– Давайте, Валентин Данилович, сыграем ещё одну партию, – предложил я.

– Не надо, Анатолий Петрович, вам играть в шахматы, – многозначительно сказал он.

– Почему же, Валентин Данилович, объясните, пожалуйста.

– Дело в том, что вы можете проиграть, а это вам ни к чему. Ведь каждый проигрыш влияет на душевное равновесие, – заключил он.

Не могу объяснить почему, но с того вечера я навсегда перестал играть в шахматы с подчинёнными.

Не будет лишним вспомнить ещё один случай. Однажды осенью Валентин Данилович предложил мне осмотреть вместе с ним карьер на территории совхоза «Кубиязовский». В этом карьере строители добывали бутовый камень, который использовали для фундаментов и стен животноводческих помещений.

– Вот если бы раздробить эти камни, а затем использовать их для укрепления дорожного полотна улиц и тротуаров, – подумал я. Этими мыслями я поделился с Усковым.

– Это совсем несложно, только нужен мощный экскаватор и такая же мощная камнедробилка, остальное – дело техники, – сказал он, широко улыбаясь.

– А где же взять экскаватор и дробилку, ведь у нас их нет?

– Есть одна мысль. Недалеко отсюда, в Пермской области, километров 20-25 не доезжая до станции Щучье Озеро, есть небольшой посёлок Тюйное Озеро, там в карьере уже давно стоит неисправный экскаватор. На нём нет двигателя, а остальные узлы и агрегаты на месте. Вот если бы раздобыть двигатель (такие двигатели делает Ярославский машиностроительный завод), то экскаватор можно запустить в работу. Председатель колхоза, – продолжал он, – согласен поменять его на 20 тонн металлолома. Металлолом у меня есть, а вот с двигателем сложнее.

– Какая находка, – слушая его, думал я. – Ведь привезти двигатель с Ярославского машиностроительного завода – сущий пустяк, а вот найти карьерный экскаватор, даже без двигателя – большая проблема, а точнее сказать, просто неразрешимая задача.

– Отвези ему металлолом и побыстрее заведи экскаватор.

Вскоре из металлических балок были изготовлены прочные салазки. На них поставили экскаватор и по зимней заснеженной дороге с помощью двух мощных гусеничных тракторов Т-100 доставили в Кубиязовский карьер. Так благодаря стараниям В.Д. Ускова в Аскинском районе появился мощный карьерный экскаватор, который много лет работал на благоустройство района.

На этом Валентин Данилович не остановился и вскоре привёз из Свердловской области мощную камнедробилку. Весной 1985 года этот агрегат был запущен в работу и выдал первую продукцию – калиброванный щебень. Министерство ЖКХ республики выделило Аскинскому коммунхозу фонды на битум, печное топливо. Установка по производству асфальта была запущена в работу и стала именоваться «Асфальтный завод». Постановлением бюро РК КПСС на территории Аскинского района был объявлен месячник по благоустройству сёл.

Рабочие ЖКХ укладывали горячий дымящийся асфальт на подготовленное полотно улиц и тротуаров. Первой покрытой асфальтом улицей стала центральная Октябрьская улица. Помню, я нередко видел, что не только дети, но и взрослые выходили посмотреть, как работает техника по укладке асфальта. Для многих это было в диковину. Иногда кто-либо из пожилых и повидавших жизнь людей давали советы, как лучше сделать ту или иную работу. Расскажу об одном случае. Вместе с В.Д. Усковым мы стояли на одной из улиц села, где только что начались работы по укреплению земляного полотна для последующей укладки асфальта. Грузовые автомашины подвозили крупные камни и щебень. Бульдозер выравнивал полотно дороги. К нам подошёл пожилой человек, поздоровался и сказал:

– Напрасно стараетесь: всё, что будет сделано, уже весной утонет. Здесь было когда-то небольшое озеро. Мои родители и жители этой улицы здесь выращивали гусей и уток. Потом неожиданно вода пропала и озеро высохло. Появились тропинки, а затем улица. По ней можно было только ходить пешком. Все попытки проехать по улице на автомашине или тракторе были неудачными. Техника здесь тонет. Я уже много раз видел, как сюда привозили камни и пытались сделать улицу проезжей, но всё бесполезно. Летом, в сухую погоду, камни лежат, а весной исчезают в трясине. У вас ничего не получится, – заключил он.

– Скажите, уважаемый, а что же надо сделать, чтобы получилось? – спросил я совершенно серьёзно.

– Раньше, когда в Аскино жили купцы, они на таких гиблых местах делали настил из брёвен, а затем насыпали мелкий щебень и камни. До сих пор в Аскино в этих местах сохранилась дорога.

– А может и нам надо попробовать сделать так, – сказал мне В.Д. Усков. – Брёвен надо много, – сокрушался он.

Слушая его и пожилого человека, я вспомнил, что недавно мы вместе с заведующим районного отдела народного образования Ф.К. Ахкамовым, начальником передвижной механизированной колонны К.Н. Султановым и директором лесхоза А. Закировым выбирали недалеко от Аскино площадку для постройки пионерского лагеря. Там было достаточно много нестроевого леса, который надо было убрать и очистить площадку. Об этом я сказал В.Д. Ускову и предложил ему спилить лес, часть брёвен забрать для своего столярного цеха, а всё, что не годится для строительных работ, вывезти и уложить так, как это когда-то делали купцы. Вскоре на площадке начались работы по раскорчёвке и уборке леса. Под руководством В.Д. Ускова брёвна были уложены на то самое место, где мы тогда с ним стояли. На брёвна насыпали мелкий гравий и щебень, укатали катками и укрыли асфальтом. Улица стала проезжей в любое время года.

Более 20 лет Валентин Данилович работал начальником жилищно-коммунального хозяйства. Ежегодно наращивал объёмы производства, укреплял материально-техническую базу. Построил новый столярный цех, котельную, тёплый гараж и мастерские. Он был необычайно скромным и равнодушным к почестям человеком. Внимательный к нуждам простых людей, он пользовался заслуженным авторитетом и уважением у населения. Неоднократно награждался Почётными грамотами президиума Верховного совета БАССР, Почётными грамотами министерства ЖКХ республики, Почётными грамотами райкома КПСС и исполкома райсовета. В 1991 году награждён медалью «Ветеран труда». К сожалению, он рано ушёл из жизни, но светлые воспоминания о нём остались навсегда в памяти жителей села Аскино.

3.4. ВИЗИТНАЯ КАРТОЧКА РАЙОНА

Если Вам когда-нибудь доведётся побывать в Башкирии и проехать по дороге Явгильдино-Аскино, не думайте, что она всегда была такой ровной и комфортной, как сейчас. Мы помним её другой: разбитой и не проезжей зимой – из-за частых снежных заносов, весной и осенью – из-за непролазной грязи.

Такими же непроезжими и непроходимыми были и местные дороги. Весной и осенью по ним с трудом пробирались, увязая по ступицы, колёсные тракторы с прицепами. Зимой, преодолевая глубокие сугробы, ползли гусеничные тракторы с санями, в которых сидели и мёрзли люди. Это были аскинцы, может быть, ваши родители, дедушки, старшие братья. Это действительно было так. Тебя, дорогой читатель, я не пытаюсь удивить литературным слогом рассказа о строителях дороги и об их делах. Зато гарантирую достоверность событий, о которых хочу рассказать. Убеждён, что детям и внукам строителей будет приятно найти в этом небольшом рассказе имя своего дедушки, отца или старшего брата. Мне же самому доставляет большое удовольствие написать о них и о тех

счастливых, трудных и незабываемых днях. Пусть давно прошедшие события воскресят в вас добрую память о близких вам людях.

Начну рассказ с того памятного дня, когда на заседании партийного бюро было принято решение о строительстве дороги Явгильдино – Аскино – Щучье Озеро. Однажды поздним вечером я спросил С.Г. Мугтабарова и Ф.Ф. Аскарова:

– Как Вы думаете, с чего надо начать строительство дороги?

– Конечно же, как и любую сложную работу, надо начать с составления планов идеологического и организационно-политического обеспечения работ, – сказали мне Сафаргали Гатуфович и Фауки Фатхиевич.

– Вот Вам и карты в руки, составляйте планы. Инициатива всегда наказуема, – шутил я, складывая письма и документы в папку. – Завтра рано утром в сопровождении вездехода «Урал» я уеду в Уфу. Надо побывать в обкоме партии, в министерстве финансов. Министр Сулейманов Шариф Сулейманович обещал меня принять и рассмотреть нашу просьбу о выделении району денежных средств на строительство дороги. Потом надо зайти в Управление строительства и эксплуатации дорог к начальнику Ясавию Ганеевичу Валееву. Надо решить вопрос о назначении генерального подрядчика по строительству дороги.

Не стану описывать мои хождения по кабинетам, скажу лишь, что району было выделено 680 тыс. рублей. По тем временам это была колоссальная сумма.

– Без активной помощи района я не смогу за один год освоить такие средства. Нет у меня сейчас свободной ПМК, – сказал мне Ясавий Ганеевич.

– Давайте работать вместе, как это мы уже делали в Кугарчинском районе. Хозяйства и организации района поднимут земляное полотно дороги до установленных проектом отметок. В течение зимы давайте вместе завезём необходимое количество щебня и гравия. Весной эту работу выполнить невозможно – дорога для большегрузного транспорта станет непроходимой. Летом хозяйства

района начнут поднимать земляное полотно, а вы сразу укрепляйте его щебнем и гравием. На следующее лето полотно осядет, и вы укроете его асфальтом. Через ручьи и речки в сёлах Артакуль, Евбуляк и Аскино вы построите мосты, – предложил я начальнику управления.

– Ну вот, это уже другое дело. Если мы будем работать дружно и согласованно, то, я думаю, через год-полтора асфальт придёт в Аскино, – заключил он.

– Воистину мудро сказано: инициатива наказуема, – думал я, возвращаясь поздним вечером из Уфы. Теперь от слаженной работы руководителей хозяйств и организаций зависело, быть или не быть дороге.

Вскоре на собрании партийно-хозяйственного актива был рассмотрен вопрос о совместном строительстве дороги Явгильдино – Аскино – Щучье Озеро. Стояла поздняя осень 1984 года. Единодушно было принято решение помочь Управлению «Башавтодор» в течение зимы завезти щебень и гравий. Весной, как только окончатся полевые работы, решительно начать силами всех хозяйств и организаций района подъём земляного полотна. Заместитель председателя исполкома райсовета Леонид Константинович Игошев был назначен ответственным за строительством дороги.

Леонид Константинович Игошев окончил Казанский строительный институт. Член КПСС, за трудовые заслуги награждён орденом «Знак Почёта».

В настоящее время проживает в Аскино. Пользуется заслуженным авторитетом среди односельчан

Весной каждому исполнителю он определил конкретный участок. Вдоль всей трассы будущей дороги установил щиты, на которых были указаны даты начала и окончания работы, наименование организации, фамилия, имя и отчество руководителя. Задание давалось не только хозяйству или организации. Задания по 200-300-400 погонных метров доводилось каждому бульдозеристу в

зависимости от мощности бульдозера. Это была каждодневная и кропотливая работа.

Помню, первым выполнили свои задания бульдозеристы колхоза «Урал» Галихан Саяпов и Гафурьян Зянгиоров.

В соответствии с планом идеологического обеспечения был объявлен двухмесячник по строительству дороги. В связи с началом строительства провели торжественный митинг. Работники районной дорожной колонны в честь строителей дали праздничный концерт. Это действительно был праздник!

Митинг по случаю начала строительства дороги в Аскино (1984 год)

Слева – направо: М.С. Ханов, А.П. Пономарев, Ф. Абдуллин, К. Махмутьянов

На каждом участке дороги были вывешены призывы и лозунги на русском и татарском языках. Ежедневно подводились итоги социалистического соревнования. Выпускались «Боевые листки» и «Молнии». Бульдозеристам, водителям автомашин, рабочим вручались Почётные грамоты, благодарственные письма, ценные подарки, денежные премии. Председатель «Райпотребсоюза» М.Х. Хусниязов организовал выездную торговлю товарами повседневного спроса. В

отдельные дни на строительстве земляного полотна работали до сорока бульдозеров, десятки автомашин и экскаваторов. Это была поистине всенародная стройка.

Дорога строится

Слева – направо: К.М. Махмутьянов, А.П. Пономарев, Ф. Абдуллин, М.С. Ханов

Нередкими стали случаи, когда, окончив первую смену, бульдозеристы не уходили домой, а оставались во вторую; многие жили в вагончиках.

Мне запомнился комсомолец районного объединения «Сельхозтехника» Василий Мокроусов. На тракторе Т-100 он выполнил огромный объём земляных работ, был примером для других механизаторов. Председатели колхозов, директора совхозов, руководители районных организаций, авторы планов идеологического и организационного обеспечения С.Г. Мугтабаров, М.С. Ханов, Ф.Ф. Аскарлов постоянно бывали на дороге, встречались с людьми, обсуждали наболевшие вопросы, организовывали горячее питание. Управляющий районного объединения В.А. Кавардаков организовал техническое обслуживание тракторов и заправку их горючим. Главный врач района Галин, начальник РОВД подполковник З.Р. Зарипов нередко встречались со строителями дороги. Это было удивительное время. Никого не надо было «воспитывать», подгонять,

«обсуждать» на заседании партийного бюро. За весь период строительства дороги не было ни одного случая пьянства или нарушения трудовой дисциплины.

Заместитель председателя исполкома райсовета Л.К. Игошев ежедневно бывал на трассе, проводил планёрки и решал массу возникающих вопросов. Он всегда был необычайно терпелив и требователен. Его уважали все: и рабочие, и руководители. Он обладал выдающимися способностями организатора и сделал много добрых дел при строительстве районного Дома культуры, газопровода, школ и других жизненно важных объектов.

Большинство руководителей с пониманием относились к дорожному строительству. На трассе я часто видел директора совхоза «Тюйский» Васи́ла Мазгаровича Латыпова. Он ежедневно выставлял на закреплённый участок по 5-6 бульдозеров. Директор совхоза «Дружба» Д.М. Шаисламов и директор совхоза «Урмиязовский» Т.М. Фаизов ежедневно держали на закреплённом участке по 4-5 бульдозеров. Первыми завершили подъём земляного полотна дороги на закреплённом участке директор лесхоза Асхат Султанович Закиров и председатель колхоза «Урал» Фаткельбаян Ахмет Галеевич Ахматдинов. Активно выделяли технику и часто бывали на трассе председатели колхозов Р.Х. Сафиуллин, А.С. Харипов, О.Г. Балягутдинов, начальник передвижной механизированной колонны К.М. Султанов и управляющий районного объединения «Сельхозтехника» В.А.Кавардаков.

Благодаря им и многим другим, не названным здесь, строилась жизненно важная артерия Аскинского района. Общими усилиями земляное полотно дороги было поднято. Для всех участников строительства дороги силами работников Дома культуры был дан праздничный концерт.

Дорога Явгильдино – Аскино стала визитной карточкой самого северного района Башкирии. Таковой она и сейчас является. По этой, ещё до конца не обустроенной дороге большегрузные автомобили повезли сборный железобетон, балки, фундаментные блоки, цемент, кирпич, трубы и другие материалы, необходимые для большой стройки. Дорога начала работать в интересах жите-

лей района. Вскоре открылось автобусное сообщение Уфа – Аскино. Никому не верилось, что стало так просто уехать из Аскино в Уфу и из Уфы в Аскино. Первыми водителями автобусов Аскино-Уфа стали В.А. Попов и С.А.Вакутин.

Уверен: дорога навсегда останется свидетельством того замечательного времени, когда все вместе – русские и татары, башкиры и чувашаи, удмурты и марийцы – были объединены общим стремлением сделать лучшей жизнь для будущего поколения, для своих детей. Мы не жалели сил, чтобы увидеть, как преобразуется жизнь. В этом было наше счастье!

К сожалению, дальнейшее продолжение строительства дороги Аскино – Щучье Озеро не получило развития. Оно было остановлено сразу за Аскино у деревни Новая Бурма и не возобновлено до сих пор.

3.5. АВГУСТОВСКОЕ СОВЕЩАНИЕ УЧИТЕЛЕЙ

В начале августа 1983 года, возвратившись в райком из хозяйства, я увидел у себя на столе красочную открытку-приглашение на августовское совещание учителей. Вот это то, что мне надо! Я давно уже планировал поговорить, посоветоваться с педагогами района.

Я попросил дежурного по райкому пригласить ко мне заведующего районного отдела народного образования. Его здание располагалось рядом с райкомом партии в ветхом купеческом доме⁵². Фарис Курбанович Ахкамов пришёл вскоре. Это был опытный и уважаемый человек в коллективе учителей района. Я поблагодарил его за приглашение, сказал, что обязательно буду на совещании, и попросил пригласить секретарей райкома партии, всех членов бюро, управляющего районного объединения «Сельхозтехника» В.А. Кавардакова, начальника передвижной механизированной колонны К.Н. Султанова, председателя межхозяйственной передвижной механизированной колонны Н.А.

⁵² Справка: в настоящее время районный отдел народного образования находится в здании бывшего райкома партии.

Мальцева, начальника передвижного механизированного объединения Ф.И. Хисаметдинова, директоров лесхозов, совхозов, всех председателей колхозов и исполкомов сельских советов, секретарей партийных комитетов колхозов и совхозов. Кроме того, попросил подготовить мне список школ, которые находятся в ветхих, аварийных зданиях, подсчитать численность детей, обучающихся в них. Я попросил его в докладе назвать имена руководителей хозяйств, которые активно помогают школам.

Хорошо бы организовать с помощью пионеров и комсомольцев вручение им благодарственных писем, цветов и памятных сувениров.

– А как же быть с теми, кто по разным причинам уклоняется от реальной помощи школам? – спросил он.

– Никак, просто не называйте их имён, скажите лишь, что школы в этих хозяйствах находятся в аварийном состоянии или нуждаются в срочном ремонте. Достаточно того, что уедут эти руководители с совещания без цветов, без благодарственных писем, с пустыми руками. Нам с вами, Фарис Курбанович, предстоит трудный разговор с такими руководителями. Готовьтесь высказать своё веское слово по строительству школ, интернатов, спортивных залов, мастерских, столовых, детских садов. Кроме всего прочего, надо договориться о строительстве пионерского лагеря в районном центре. Это будет, Фарис Курбанович, необычное августовское совещание.

На совещании единодушно было принято решение серьёзно заняться строительством школ, детских садов, спортзалов, учебных мастерских, пионерского лагеря вблизи районного центра и в течение двух лет коренным образом улучшить ситуацию.

Не стану я описывать все трудности, которые свалились на головы тех, кто занимался строительством перечисленных выше объектов. Это была широко-масштабная народная стройка. Только в 1985 году были сданы в эксплуатацию пять школьных зданий, два спортзала, три столовые, два детских сада и шесть квартир для учителей. В 1986 году планировалось построить ещё 9 школьных

зданий на 2036 ученических мест, пришкольный интернат, 8 детских садов на 475 мест, 2 спортзала, 5 столовых, 7 учебных мастерских, завершить строительство пионерского лагеря. Руководители хозяйств сдавали один объект за другим. У всех было приподнятое настроение. Это было незабываемое, удивительное время.

Вручение Почётных грамот и цветов строителям школы

Праздничный концерт в честь строителей школы

Приятно было пожимать руки строителям, вручать Почётные грамоты, а детям – передавать символические ключи от новой школы. В честь строителей школ при сдаче их в эксплуатацию давались праздничные концерты.

С большой радостью и душевным подъёмом встретили руководители хозяйств, педагоги и жители района сообщения в Центральных газетах о том, что Аскинский район признан победителем во Всесоюзном социалистическом соревновании среди учреждений системы министерства просвещения СССР и ему присуждено переходящее Красное знамя министерства просвещения СССР и ЦК Профсоюза работников просвещения, высшей школы и научных учреждений. Это была заслуженная победа.

31 мая 1986 года в районный Дом культуры по случаю вручения району переходящего Красного знамени прибыли лучшие строители школ, руководители всех хозяйств и предприятий, секретари партийных организаций, председатели исполкомов сельских советов. У всех было праздничное радостное настроение.

В торжественной обстановке ответственный работник Башкирского обкома КПСС Хусаин Аюпович Нигматуллин от имени обкома партии и правительства

республики поздравил партийно-хозяйственный актив района с заслуженной победой, вручил переходящее Красное знамя и памятный кубок на вечное хранение.

Вручение переходящего Красного знамени. Слева-направо: Х.А. Нигматуллин, А.П. Пономарёв, К.М. Нахмутьянов, А. Фатихова, Ф.К. Ахкамов, заведующий РайОНО со знаменем

Не стану приводить здесь свою ответную речь на этом торжественном мероприятии, перескажу лишь её суть:

– Школы сохранят имена тех, кто их строил, и расскажут молодому поколению, как они строились и каких трудов нам это стоило. В светлых просторных классах, в спортивных залах, в гулких коридорах поселились и навсегда останутся жить частицы вашей души, жар ваших сердец. Пройдут годы, будут собираться на юбилеи выпускники вами построенной школы, и через много лет обязательно кто-то вспомнит о вас и скажет: «Спасибо за то, что когда-то порадовали нас новой школой».

По окончании торжественного собрания для всех участников был дан праздничный концерт. Летом 2011 года на 25-летний юбилей Аскинской средней школы №2 собрались её выпускники. Они посетили школьный музей, посмотрели чёрно-белые фотографии, которые теперь стали историей.

3.6. ВОЗДУШНЫЕ ВОРОТА АСКИНО

Никогда не знаешь, где можешь оказаться завтра, а уж где ты окажешься через несколько лет, даже предположить невозможно. Вот уже четвёртый год я живу и работаю в Аскино, о котором я ничего не знал и никогда не думал, что могу там оказаться.

Всплывает в моих мыслях далёкий 1968 год. О, как давно это было! Тогда я часто летал самолётом из Уфы в Сибай. Ожидая вылета своего рейса, я нередко слышал объявление, что рейс Уфа-Караидель-Аскино откладывается, или вообще в этот день отменяется. Подобные объявления я слышал летом, осенью, зимой.

- Что же там за Аскино? – Думал я. – Почему люди по несколько дней сидят в аэропорту и терпеливо ждут вылета своего самолёта? Однажды любопытство взяло верх, и после объявления об очередной задержке рейса я подошёл к стойке, у которой столпились пассажиры, вылетающие в Аскино. Мне хотелось спросить у кого-либо из них, почему они не едут поездом или автобусом. Лица людей были озабочены, угрюмы и совсем не располагали к подобным разговорам.

Не знал я, что нет туда ни железной, ни автомобильной дорог. Слушая объявление об очередной задержке рейса на Аскино, я и предположить не мог, что через 15 лет буду там жить и работать. Тогда я ещё не знал, что своими случайными мыслями мы притягиваем то, о чём думаем.

Теперь мы вместе с начальником Аскинского аэропорта Михаилом Николаевичем Чертыковым, участником Великой Отечественной войны, кавалером орденов Великой Отечественной войны первой и второй степени, бесстрашным лётчиком пишем письма и просьбы в различные вышестоящие инстанции. Мы объясняем, что где-то в предгорьях Среднего Урала, в лесах и болотах, оторванное от всего мира, есть небольшое, ничем не знаменитое село Аскино, и просим открыть новые авиалинии на города Свердловск и Пермь.

Не понимают нас ответственные товарищи из вышестоящих инстанций.

– Ещё не все областные центры связаны авиалиниями со Свердловском и Пермью, – разъясняют нам одни.

– Эж куда хватили, – отвечают на наши просьбы другие.

Но мы вновь и вновь ходим, просим, объясняем, пишем. Наконец при активной поддержке Обкома партии командир Уфимского объединенного авиаотряда Радик Шамсунович Галлямов принимает решение об открытии двух новых авиалиний: Уфа – Аскино – Пермь и Уфа – Аскино – Свердловск. Он от всей души желал нам успехов, а Михаилу Николаевичу сказал, что пробные полёты через Урал в Свердловск и Пермь на самолёте ЛИ-2⁵³ он рекомендует ему сделать в кресле второго пилота.

– Слушаюсь, товарищ командир, – ответил бывший пилот штурмовика.

Трудно описать нашу радость. Из кабинета командира авиаотряда мы вышли возбуждённые и торжествующие. В присутствии лётчиков, ожидающих приёма, мы обняли друг друга. Я был одет в гражданский костюм, а Михаил Николаевич – в форменный китель боевого лётчика с множеством боевых орденов и медалей. Мы радовались нашей победе, как дети.

Вскоре состоялся первый пробный полёт из Аскино в Пермь. Для обследования будущей авиатрассы и нанесения ориентиров на карту прибыл самолёт ЛИ-2. С Михаилом Николаевичем мы вошли в салон самолёта. Вместо обычных пассажирских кресел я увидел столы, заваленные картами, таблицами, справочниками и неизвестной мне аппаратурой. За столами сидели молодые ребята и о чём-то оживлённо говорили. Это были специалисты по прокладке курса на картах.

Михаил Николаевич прошёл в кабину самолёта. Уверенно сел в кресло пилота. Лицо его было сосредоточенно и серьёзно. Привычным движением положил руки на штурвал, наверное, точно так же он когда-то делал это в кабине

⁵³ ЛИ-2 – транспортный самолёт времён Великой Отечественной войны. Использовался на переброске десантных групп и вывозке раненых. В мирное время применялся на перевозке авиапассажиров в северных районах страны.

боевого штурмовика. Они о чём-то заговорили с первым пилотом. Пожелав им мягкой посадки и скорейшего возвращения, я вышел из салона самолёта.

Не скрою: я был счастлив. Самолёт легко оторвался от взлётной полосы и вскоре растаял в холодном уральском небе, за острыми вершинами тёмного пихтового леса. Зачарованно глядел я в небо, и чувство радости переполняло мою душу.

Пробные полёты в Пермь, а затем и в Свердловск прошли удачно. Вскоре в расписании Уфимского аэропорта появились две новые авиалинии: Уфа – Аскино – Пермь, Уфа – Аскино – Свердловск. Так было положено начало авиасообщений с Аскино. Сбылась мечта студентов Аскинского района. Теперь они могли легко попасть в Свердловск, Пермь, а через них и в другие города нашей необъятной Родины. Особенно запомнилось мне начало учебного года. Ежедневно из Аскино улетали в другие города студенты, среди них был мой сын Вячеслав. В Архангельское мореходное училище он улетал не из Уфы, как прежде, а из Аскино на Пермь, а затем – в Архангельск. Мы с Михаилом Николаевичем строили новые планы и мечтали расширить возможности крошечного Аскинского аэропорта.

Планировали установить современную навигационную аппаратуру и построить новую взлётно-посадочную полосу для приёма магистральных пассажирских самолётов Як-40 и Ан-24, решительно вытесняющих с местных авиалиний устаревший Ан-2.

Но этому не суждено было сбыться по тем же, уже известным вам причинам. Началась перестройка, ветер перемен и нового мышления закрыл воздушные ворота многих аэропортов не только в районных центрах, но и в некоторых городах. Не миновала эта участь и Аскинский аэропорт. Сегодня лётное поле заброшено, заросло бурьяном и кустарниками. Разрушена инфраструктура аэропорта.

Начальник аэропорта уехал из Аскино. Диспетчер Л.Д. Тимергалеева проживает в Аскино.

3.7. УРЕНГОЙСКИЙ ГАЗ НА СЛУЖБЕ АСКИНЦЕВ

Мне хочется начать этот рассказ с того памятного вечера, когда открылась дверь моего кабинета и вошёл заведующий орготделом Ф.Ф. Аскарков.

– Анатолий Петрович, смотрю я, вы часто по вечерам сидите долго в райкоме, о чём-то думаете, – начал он. – Может, я могу помочь вам? – спросил он осторожно.

– Фауки Фатхиевич, скоро будет уже два года, как я приехал в район, но пока ничего не сделал по строительству газопровода. Скоро Мидхат Закирович спросит, почему до сих пор на строительстве газопровода не освоено ни одного рубля? Что я скажу ему? «Место болотистое, летом техника тонет, а зимой “белые мухи” (метели) мешают работать»? Или ещё что-то? Это просто детский лепет, а не ответ первого секретаря райкома. Я точно знаю, что он скажет мне: «Подобные объяснения я уже слышал. Ишлярга кирак ипташ⁵⁴ Пономарёв», – скажет он мне, и будет совершенно прав.

– Вот так, мой комиссар, – невесело сказал я заведующему орготделом. – Есть у меня, правда, один план, но он фантастический, и я рассказал ему о своих замыслах.

– Ну что же, Анатолий Петрович, надо попробовать, чем чёрт не шутит, а может, всё получится, – сказал он мне свою любимую поговорку на родном языке. – Давайте по этому вопросу проведём совещание партийно-хозяйственного актива.

И мы вместе наметили дату совещания. Это было в конце сентября 1984 года. Я долго размышлял, прежде чем выйти на собрание партийно-хозяйственного актива по строительству газопровода. Мысли роем теснились в моей голове. «Что сказать руководителям, чтобы они меня поняли и стали моими единомышленниками?»

⁵⁴ Работать надо, товарищ Пономарёв (татарск.).

Уже почти тридцать лет отделяют меня от того памятного события, когда на собрании актива было принято решение начать строительство газопровода. Время стёрло из моей памяти слова, которые я говорил с трибуны, скажу лишь то, что запомнилось.

– Мы будем класть в болото стальные трубы не для того, чтобы похоронить их. По ним потечёт в Аскино газ с экспортного газопровода Уренгой – Помары – Ужгород. Газопровод навсегда сохранит ваши имена. Голубое пламя в топках котлов и горелках газовых плит расскажет будущему поколению, как начиналось строительство, и как нелегко вам было. Сейчас наступил самый решающий момент. Наша задача – не упустить его. У нас скоро будет надёжный помощник – уральский «Дед Мороз». Давайте воспользуемся его услугами. Прокоем траншею через замёрзшие болота от магистрального газопровода до Аскино длиной в 24 км и уложим трубы. Эту работу надо начать, как только начнутся морозы, и завершить до весны 1985 года. Весной траншеи заполнятся водой и обрушатся. Все наши силы должны быть направлены на выполнение этой работы зимой. Все экскаваторы, бульдозеры, корчеватели леса должны быть на трассе газопровода и работать в две смены. Никто, кроме нас, не полезет в болото ни зимой, ни летом. Это нужно нам и только нам, аскинцам. Газопровод станет всенародной стройкой в истории Аскинского района. Ответственным за строительство газопровода надо назначить Леонида Константиновича Игошева.

Серьёзную помощь в строительстве газопровода оказал району секретарь обкома партии Гермаш Владимир Иванович. Он помог с открытием финансирования строительства, а проектный институт выдал проектно-сметную документацию. Генеральным подрядчиком строительства было определено управление «Главвостоктрубопроводстрой». Министерство финансов БАССР выделило необходимые для строительства средства. Я хорошо понимал, что проектная документация и деньги – это ещё не газопровод, а лишь прелюдия к боль-

шим переменам в Аскинском районе. Требовалась масса других документов, согласований и разрешений.

Наконец все вопросы были решены, и вот я уже в кабинете начальника управления по строительству магистральных трубопроводов Феликса Валеевича Мухамедова.

– Нет у меня, Анатолий Петрович, сейчас свободной землеройной техники, а если бы даже была, как я её перебросу в Аскинский район? Своим ходом за 250 километров? Думаю, что она за год туда не дойдёт. Скорость траншейного экскаватора на гусеничном ходу 2-3 километра в день, а дороги, по которой я мог бы доставить на трейлерах экскаваторы и трубы для газопровода в Аскино, увы, нет, – заключил Феликс Валеевич.

Он был, безусловно, прав.

– К тому же труб нужного диаметра для таких газопроводов у нас пока нет. Они ещё лежат в Татарии, в городе Альметьевске, – сухо закончил разговор начальник управления.

Он хорошо знал, что трасса газопровода проходит через болота, и не хотел в них лезть. Мне казалось, он просто хотел от меня избавиться, как от назойливого просителя. Но я не собирался уходить из его кабинета, не решив вопроса, с которым пришёл.

– Феликс Валеевич, а желание освоить выделенные району средства есть?

– Конечно, есть; впрочем, выделенные вам средства я могу освоить и в другом районе, где есть условия для работы. У меня с освоением средств проблем не будет!

Я хорошо понимал, что проблемы будут лишь у меня. Наступит время, и обком спросит, почему Аскинский район не освоил средства, выделенные на строительство газопровода?

– Давайте, Феликс Валеевич, совместными усилиями построим газопровод в Аскинском районе, – предложил я.

– А какое у Вас, Анатолий Петрович, видение совместной работы? – спросил он.

– Район поставит на трассу газопровода необходимую землеройную технику, и, как только мороз скуёт болота, начнётся рытьё траншеи. До наступления сильных морозов осталось недолго. Через два месяца траншея будет готова, и Вы сможете проложить трубы.

– Так ведь их пока нет, они ещё в Альметьевске, – напомнил он мне.

– А трубы из Альметьевска мы вывезем своим транспортом. Дайте наряд на получение труб в Альметьевске – мы их вывезем сразу на трассу газопровода. Как только траншея будет готова, район пришлёт вездеход «Урал» за вашими сварщиками и сварочными машинами. Вам останется лишь сварить трубопровод и уложить его в траншею. Весной вы заведёте газопровод в здание газораспределительной станции. Установите запорную аппаратуру, подпишите акт о сдаче газопровода в эксплуатацию и получите деньги в Государственном банке. Вот видите, как всё просто – вот такое у меня видение совместной работы.

Он слушал меня внимательно, и за всё время, пока я говорил, не проронил ни одного слова.

– Ну это уже другое дело! – наконец заинтересованно произнёс он. – Знаете, Анатолий Петрович, наша беседа была продуктивной. Я поручу тресту «Баштрансгаз» выполнить эту работу.

Он достал сигареты и предложил закурить. Я отказался.

– А кофе?

– С удовольствием!

Мы расстались, довольные друг другом.

С большим нетерпением я ожидал наступления морозов. Несколько раз начальник передвижной механизированной колонны К.Н. Султанов пытался начать землеройные работы, но техника увязала и тонула в болоте. Пришлось ждать, пока мороз сделает своё дело. К концу зимы 1985 года траншея протяжённостью в 24 километра была готова.

В течение зимы я много раз бывал на трассе газопровода. Нередко видел, как в ещё не промёрзших до дна полыньях гиблых болот тонет мощная техника. Зябнут и простывают люди. Но все были объединены одним стремлением – построить для района газопровод. Это была всенародная стройка.

Ежедневно десятки рабочих и служащих из разных организаций района с лопатами в руках очищали от снега траншеи, выравнивали их дно. В отдельные дни на очистку траншей приходили руководители вместе со своими коллективами, включая райком партии и исполком райсовета. В соответствии с планом идеологического и информационного обеспечения строительства проводились субботники и воскресники, подводились итоги социалистического соревнования. Лучшим работникам вручались Почётные грамоты, благодарственные письма, ценные подарки. Лучшим трактористом на трассе газопровода был признан Николай Константинович Щукин. По итогам пятилетки был награждён орденом Трудового Красного Знамени. К сожалению, он рано ушёл из жизни. Его дети и сейчас проживают в Аскино. По всей трассе газопровода работники ЖКХ вместе с В.Д. Усковым разжигали топки передвижных котлов, в которых варился битум для гидроизоляции сварочных швов на стыках труб.

Летом 1985 года газопровод был сдан в эксплуатацию. На высокой ажурной мачте вспыхнул факел Уренгойского газа. Состоялся праздничный митинг и концерт, посвящённый строителям газопровода.

Аскинский район стал первым, получившим газ в северной части республики. Перед районом открывались широкие возможности. Первыми объектами, получившими тепло от уренгойского газа, стали Аскинская средняя школа №2, посёлок рабочих районное объединение «Сельхозтехника» и производственная база ремонтно-технического предприятия.

Вскоре все работы по газификации райцентра были остановлены и не закончены до сих пор. Началась «перестройка», а вместе с ней крутой поворот произошёл и в моей жизни.

Аскинский район. Строительство газопровода завершено. В Аскино пришёл газ.
Крайний слева на втором ряду – Г.И. Хахалкин, начальник строительства газопровода,
рядом с ним Н.А. Мальцев

3.8. ЭТО МОЙ ВЫБОР

В конце июня 1987 года решением бюро обкома партии было намечено провести в Зауралье предуборочное совещание с участием первых секретарей сельских райкомов партии. Местом проведения семинара-совещания был определён ордена Ленина совхоз «Зилаирский». Это было самое крупное, устойчиво рентабельное сельскохозяйственное предприятие в республике.

Много рекордов родилось на бескрайних полях этого уникального совхоза. Здесь в 1972 году был введён в практику крупногрупповой метод уборки зерновых культур преимущественно раздельным способом. Бюро обкома КПСС считало этот метод уборки перспективным.

Небывалых намолотов зерна добивались комбайнеры этого совхоза. Звено из четырёх комбайнов марки «Нива», возглавляемое Героем Социалистического Труда Ризой Яхиным, в 1978 году намолотило более ста тысяч центнеров зерна. Таких высоких показателей по стране никто не достигал. В последующие

годы намолоты зерна увеличивались. Комбайнёр Минигали Гайсин, кавалер орденов Ленина и «Знак Почёта», депутат Верховного Совета РСФСР, потомственный механизатор, намолотил за один сезон 3000 тонн зерна. С этими трудовыми подвигами М. Гайсина, Р. Яхина, В. Родионова и их товарищей тепло и сердечно поздравил генерал-майор, лётчик-космонавт СССР, дважды Герой Советского Союза А. Николаев.

Сейчас, когда я пишу эти строки, меня переполняет чувство гордости за совхоз, в котором началась моя трудовая биография, за его тружеников, многих из которых я знал лично и помню их имена до сих пор. В те годы, когда я там работал, они были ещё комсомольцами, а теперь возмужали, стали знаменитыми на всю страну. Мне очень хотелось встретиться с ними в поле у комбайнов и тракторов, на их рабочих местах, поговорить с ними, пожать им руки.

Одно за другим всплывали в моей памяти события тех давних лет. Незабываемой стала встреча с комсомольцем Ризой Яхиным, когда я вместе с первым секретарём Башкирского обкома КПСС Мидхатом Закировичем Шакировым в августе 1972 года подошёл к его комбайну; на бункере СК-4 было нарисовано 25 красных звёздочек, свидетельствующих о том, что уже намолочено 2500 тонн зерна, и красовался лозунг на башкирском языке: «Не уйду с поля, пока не выполню норму». Как давно это было!

А сейчас я вместе с М.З. Шакировым лечу в Зауралье на совещание в одном самолёте. Ещё в Уфе, когда я вошёл в самолёт, он уже сидел в первом ряду и пригласил меня сесть рядом с ним. Мы поздоровались.

– Анатолий Петрович, а ведь вы совершенно не изменились с тех пор, когда мы впервые встретились в совхозе, разве что поседели, а ведь времени прошло немало.

– Да, Мидхат Закирович, с тех пор прошло 15 лет. Я помню ваш приезд в совхоз и нашу первую с вами встречу. Это было в 1972 году. Тогда на полях совхоза созрел хороший урожай яровой пшеницы. Вы помогли мне его собрать. Я тогда решился на немислимый эксперимент. Комбайнёры совхоза за трое су-

ток скосили в валки тридцать две тысячи гектаров пшеницы. Это был рискованный шаг. Сейчас я бы этого не сделал. С вашей помощью я получил тогда дополнительно семьдесят зерновых комбайнов, и ещё совхозу было выделено сто пятьдесят автомобилей для уборки урожая. Это решило исход дела. Зима в том году пришла рано. Единственный в районе совхоз «Зилаирский» убрал хлеб вовремя и сдал государству 36000 тонн яровой пшеницы. Некоторые хозяйства убрали хлеб по морозу, а другие убрали его весной. До сих пор не могу понять, как я на это решился. Такое, Мидхат Закирович, не забывается.

Я замолчал. Пилоты запустили двигатели, и самолёт вырулил на взлётную полосу. Мимо нас прошла стюардесса, попросила пристегнуть ремни. Стремительный разбег – и вот уже далеко внизу остался аэропорт. В иллюминаторы ещё были видны квадраты и прямоугольники созревающих нив. Вскоре они исчезли из виду. Самолёт пробил липкие облака и взял курс на Зауралье, в аэропорт «Сибай».

Мне было трудно начать разговор. Молчание становилось тягостным. Наконец я решился.

– Мидхат Закирович, я уже давно хотел записаться к вам на приём. Мне нужны ваш совет и ваша поддержка, выслушайте меня, пожалуйста. Я был взволнован, кровь бросилась к моему лицу.

– Что же такое случилось, в чём нужен вам мой совет и поддержка? – спокойно спросил он.

– Знаете, Мидхат Закирович, в последнее время у меня сложилось мнение, что я совершенно не понимаю, что происходит вокруг. Я обязан вам рассказать о том, что творится у меня на душе. Несколько раз я очень внимательно прочёл книгу М.С. Горбачёва «Перестройка и новое мышление», вот и сейчас книга со мной. К моему стыду, я никак не могу понять, что от меня требуется. Хуже того, я не нашёл в его книге ответов на волнующие меня вопросы. Каким образом я должен перестроиться, чтобы соответствовать занимаемой должности и духу перестройки? И это, Мидхат Закирович, ещё не всё. Нет у меня восторга и ду-

шевного подъёма от идей автора. Мне они не понятны. Порой мне кажется, что если мы, партийные работники, начнём дружно воплощать его замыслы и идеи в жизнь, то распад народнохозяйственного комплекса и хаос неизбежны. Он настоятельно рекомендует партийным органам прекратить контроль за исполнением директив партии и правительства. У меня складывается мнение, что партийные структуры, цементирующие различные слои общества, вскоре станут ненужными. Он пишет в своей книге, что самолёт, взлетевший с аэродрома перестройки, неизвестно где приземлится. Я не хочу лететь в таком самолёте с таким командиром. С подобными мыслями я не боец в его команде, мне надо уйти, а не ждать, когда мне укажут на дверь. Отпустите меня, Мидхат Закирович, я не хочу работать в партийных органах. С таким настроением и мыслями я не соответствую званию прораба перестройки. Камень, лежащий на дороге, мешает движению вперед, его сбрасывают. Это естественно. Я не хочу уподобиться такому камню.

– Зачем Вы это всё мне говорите? – повернувшись ко мне, словно желая лучше рассмотреть меня, вдруг спросил Мидхат Закирович.

И при этих его словах я мгновенно понял, что рассчитывать на его совет мне не приходится. У меня было такое чувство, как будто он оставил меня одного на дороге, по которой ещё недавно мы шли вместе. «Иди теперь сам, куда хочешь и с кем хочешь, коль ты сделал свой выбор», – казалось, говорил мне его проникающий в мою душу взгляд.

– Когда мы возвратимся в Уфу, я подам заявление с просьбой освободить меня от обязанностей первого секретаря Аскинского райкома партии, – тихо произнёс я. – Это мой осознанный выбор.

– Передайте заявление Г.П. Федотову, мы рассмотрим его.

Он вздохнул и, отвернувшись, стал смотреть в иллюминатор самолёта. Но там было пусто, и лишь далеко внизу лежало белое покрывало облаков, похожее на заснеженное поле. О чём он думал? Какие мысли теснились в его голове, мне неизвестно. Одно я знал точно: говорить со мной он не будет. Посидев не-

долго рядом, я тихо встал и, не нарушая его раздумий, перешёл на своё место, указанное в моём билете. Тогда я и подумать не мог, что это была наша последняя с ним встреча. В конце августа 1987 года он был освобождён с должности первого секретаря Башкирского обкома КПСС по личной просьбе.

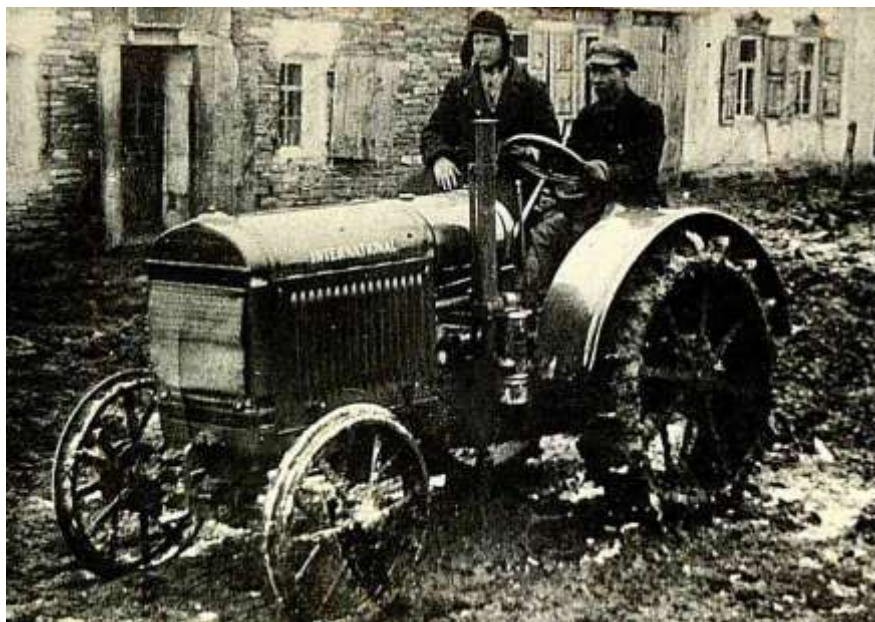
Ровно и тихо гудели моторы лайнера. Самолёт летел в густых облаках. Пассажиры, удобно усевшись в креслах, спокойно дремали под мелодию «Ласкового мая». Вскоре самолёт пересёк Уральский хребет и пошёл на снижение. В разрывах белоснежных облаков, прямо подо мной, как на ладони, открылся громадный сибайский карьер, по склонам которого, как и прежде, узкими лентами вился серпантин. Дымили трубы обогатительной фабрики, громадными зеркалами, отражая солнечные лучи, блестела поверхность прудов-накопителей. Ещё минута – и самолёт, коснувшись колёсами шасси посадочной полосы, мягко покачиваясь, подрулил к зданию Сибайского аэропорта.

У трапа самолёта нашу делегацию встретил директор ордена Ленина совхоза «Зилаирский» Нигматуллин Акрам Агзамович и молодая миловидная девушка-экскурсовод.

Вскоре все участники предуборочного совещания сели в большой комфортабельный автобус. Директор предложил нам осмотреть совхоз, а девушка-экскурсовод включила микрофон и предложила участникам совещания прослушать информацию об истории создания уникального совхоза.

– 19 ноября 1930 года, – повела она свой рассказ, – газета «Красная Башкирия» в статье «Город пшеничной индустрии» писала о том, что зимой 1929 года одного из большевиков вызвали в ЦК партии и сказали: «Поедешь в Башкирию и будешь строить совхоз в Зилаирском кантоне». Этим большевиком был Никифор Иванович Сироткин – железнодорожный рабочий, фронтовик и продкомиссар, большевик-коммунист. На берегу небольшой речки Уртазым он вбил в землю кол и сказал: «Здесь будем создавать совхоз». Основная производственная задача в тот год состояла в организации территории совхоза, его центральной усадьбы в селе Яковлевка, а также в подготовке почвы под посев яровой

пшеницы на площади двадцать пять тысяч гектаров. Совхозу выделили по тому времени немалое количество техники – сорок колёсных тракторов «Фордзон» общей мощностью в тысячу лошадиных сил.

Американский трактор «Фордзон» мощностью 25 лошадиных сил.

Тракторист – Суфиат Исхаков

Директору совхоза Сироткину Н.И. был выделен служебный легковой автомобиль «Форд».

Автомобиль «Форд». Шофёр – Мозафаров Ахат Фатыхович

В первый же год организации совхоза были построены жилые дома для рабочих, небольшая участковая больница на 25 коек, пекарня, столовая, детский сад, почта, школа, контора и клуб с библиотекой. Для организации художественной самодеятельности были выделены музыкальные инструменты.

Духовой оркестр совхоза

В 1930 году совхоз продал государству первые шесть тысяч тонн яровой пшеницы.

Сложнейшей проблемой того периода была подборка и обучение кадров механизаторов. Первыми механизаторами стали комсомольцы А.П. Курдановский⁵⁵, А.С. Гурентьев, П.Ф. Пугачёв, В.В. Карачков, А.Н. Иващенко, А.С. Вахнич, С.С. Сулейманов, С. Исхаков, Е. Филькин, Ш.Г. Кадыров, Е.Ф. Волченко, Л.П. Заслонов, Г.Х. Якупов.

Автобус шёл по шоссе Сибай-совхоз «Зилаирский» в Сосновское отделение, к месту проведения семинара. Слева и справа до самого горизонта, от предгорий южного хребта Ирэндык и до реки Урал на ухоженных полях колосилась, созревая, яровая пшеница. Я зачарованно глядел в окно и вдруг вспомнил преждевременно ушедшего из жизни директора совхоза «Зилаирский» Ивана Ильича Симонова.

– Надо обязательно побывать на кладбище, – глядя в окно на бескрайние нивы, решил я.

Автобус мягко катился по широкой ровной дороге. Экскурсовод закончила свой рассказ и тихо говорила о чём-то с директором совхоза.

⁵⁵ Александр Петрович Курдановский стал главным инженером совхоза

«Покровское отделение», – прочёл я на указателе.

Через несколько минут мы были уже на территории Сосновского отделения и подъехали к месту проведения семинара. Всё уже было готово к предуборочному совещанию. Семинар прошёл интересно и организованно. Я встретился со многими известными мне комбайнёрами. Мы жали друг другу руки, рассказывали о своих делах. На центральной усадьбе совхоза мы осмотрели сельскохозяйственный техникум.

Вечером все участники совещания возвратились в Сибайский аэропорт, где нас уже ждал самолёт АН-24, вылетающий вечерним рейсом Сибай – Уфа. Мы заняли свои места. Самолёт вырулил на взлётную полосу. Набрал высоту и взял курс на Уфу. Далеко внизу остался город Сибай и гостеприимный ордена Ленина совхоз «Зилаирский».

Осенью 1987 года я в очередной раз навестил могилу Ивана Ильича. Рядом уже покоилась его жена Анна Николаевна Симонова. Вместе с их зятем, Андреем Петровичем, кандидатом медицинских наук, я посадил две сосны. Посидел в раздумьях на скамейке под берёзами. Тяжёлые мысли и предчувствия чего-то жуткого, неотвратимого теснились в моей голове. Внутренний голос шептал: «Ты больше сюда никогда не приедешь, прощайся, Анатолий Петрович».

И вторя ему, я произнёс тихо:

- Прощай, Иван Ильич. Я больше к тебе не приеду. Прощай навсегда, мой наставник.

Налетевший из просторов оренбургских степей осенний ветер сорвал с плакучих ив последние листья. Поиграл ими у изгороди кладбища, собрал в ворох и забросал жёлтым ковром тихий погост и сосны, которые я только что посадил на прощанье.

Выйдя через всегда открытую калитку, я почувствовал, что в моём сердце навсегда поселились печаль и добрые о нём воспоминания.

Директор ордена Ленина совхоза «Зилаирский» И.И. Симонов, 1971г.

В настоящее время ордена Ленина совхоз «Зилаирский» не существует. Превратились в развалины многие животноводческие фермы, машинные дворы, механические мастерские. Разрушена инфраструктура на отделениях совхоза. Забываются имена его знаменитых тружеников. Поля и нивы, дававшие ежегодно тысячи тонн лучшей в мире яровой пшеницы, зарастают бурьяном. Люди, оставшись без работы и средств к существованию, бедствуют. Если вы скажете, что подобное произошло во многих регионах страны, вы будете правы.

Ордена Ленина зерносовхоз «Зилаирский» теперь не существует, нынешняя молодежь о нем и не знает.
 Также же положение во многих других районах.
 Описывать развал, заросшие бурьяном поля, разрушенные прежде крупные животноводческие фермы не хватает слов.
 Прилагалю некоторые копии с фотографий, последний номер районной газеты.
 Сразу обо всем не напишем. Пока всё.
 Я бы хотел поддержать с вами постоянную связь по телефону и письмом. Звоните, пишите.
 С приветом, А. Сиваков.
 29.06.2011г.

3.9. ОТ ОБЯЗАННОСТЕЙ ОСВОБОДИТЬ

Уже много дней подряд по вечерам я подолгу сижу в райкоме. Противоречивые мысли роем теснятся у меня в голове, и я не нахожу в них ответы на свои же вопросы. Сердце моё сжимается от предчувствия чего-то неясного и неотвратимого. Ещё в конце июля, вскоре после возвращения из Зауралья, я подал на имя М.З. Шакирова заявление с просьбой освободить меня от обязанностей первого секретаря Аскинского райкома партии. Прошло лето, отшумели холодные осенние дожди, и вот уже колючая позёмка метёт вдоль улиц села. Заявление моё лежит в обкоме у нового заведующего орготделом Ю.А. Маслобоева.

За два с половиной месяца из обкома партии мне никто не позвонил. Серьёзные кадровые изменения происходили в кабинетах Башкирского обкома КПСС, как и во всей стране.

В августе 1987 года ушёл на другую работу первый секретарь Башкирского обкома КПСС М.З. Шакиров. На смену ему прибыл ставленник Горбачёва Р.Х. Хабибулин. Второго секретаря обкома В.Л. Воюшина сменил хорошо зарекомендовавший себя в деле «перестройки» А.П. Локотченко. На смену Г.П. Федотову пришёл подающий надежды бывший комсомольский работник Ю.А. Маслобоев. Ушёл на другую работу секретарь, ведавший идеологической работой, Т.И. Ахунзянов и многие другие работники, с которыми мне посчастливилось работать с того дня, когда я впервые перешагнул порог Башкирского обкома партии.

Уже значительно позже я узнал, что делегатам, прибывшим на последний, 28 съезд КПСС, был выдан справочник. В нём как о большом достижении горделиво сообщалось, что в 1987-1990 годах (т.е. в годы «перестройки») более чем на 90 процентов обновлён состав секретарей обкомов, крайкомов и ЦК Компартий республик. Аппарат секретарей и инструкторов райкомов, горкомов, окружкомов обновился на 123 (!) процента. Горбачёв и его единомышленники решительно избавлялись от тех, кто так или иначе препятствовал «пере-

стройке» и мог помешать далеко идущим планам – развалу СССР и смене политического курса.

Ветер перемен и нового мышления уже гулял по всей стране, охватывая всё новые и новые слои общества. Театр абсурда работал на полную мощность. Публично осеняли себя крестом, целовали руки священникам и били низкие поклоны вчерашние, уже перестроившиеся, с новым мышлением партийные и советские работники. Мутными потоками лилась грязь на видных работников партии и Советского государства. На экранах телевизоров, в газетах и журналах, под одобрительные возгласы западных политиков осмелевшие зайцы люто пинали В.И. Ленина, И.В. Сталина и других уже ушедших из жизни основателей партии и государства. На книжных прилавках, в кабинетах партийных советских и хозяйственных работников красовались портреты главного идеолога и вдохновителя «перестройки» М.С. Горбачёва. Активно изучалась его книга «Перестройка и новое мышление». Проводились диспуты и конференции. На все лады раздавались хвалебные речи автору. Всякий, кто думал иначе, уже не соответствовал духу времени и занимаемой должности.

Постепенно начали исчезать с прилавков магазинов продукты питания и товары народного потребления. Идеологическая и информационная война против Советского государства и народа становилась широкомасштабной. В середине декабря 1987 года поздно вечером мне позвонил Ю.А. Маслобоев и обязал 27 декабря провести 10 пленум, на котором будет рассмотрено моё заявление. При этом добавил, что мне надо отчитаться о проделанной работе по руководству «перестройкой».

– Представителем на пленуме решением бюро обкома утверждён второй секретарь А.П. Локотченко, – сказал он.

– Юрий Александрович, какая необходимость в этом? Ведь ещё в июле я подал заявление с просьбой освободить меня от обязанностей первого секретаря по собственному желанию, – спросил я Маслобоева.

– Это решение бюро, подготовьте отчёт и выступающих, – сухо ответил он.

– Хорошо, – сказал я после недолгого раздумья.

Я понял, что 27 декабря буду освобождён от обязанностей первого секретаря, но не по моей просьбе. Посидев недолго, я вышел из райкома. Было очень холодно и необычайно тихо. На безоблачном небе загадочно мерцали далёкие звёзды и ярко светила почти полная луна. По тихой, уснувшей улице я усталой походкой шёл домой и гнал от себя тяжёлые мысли.

Через несколько дней после разговора с Маслобоевым в орготдел обкома партии был приглашён Ф.Ф. Аскарлов. Там с ним была проведена беседа, цель которой состояла в том, чтобы выяснить, насколько он «перестроился». В ходе беседы ему было предложено либо кардинально изменить мышление и стать прорабом «перестройки», либо написать заявление с просьбой освободить его от обязанностей заворготделом. Становиться прорабом горбачёвской «перестройки» он не пожелал и написал заявление. В тот же день мне позвонил Маслобоев и сказал, что Ф.Ф. Аскарлов работать не хочет и попросил удовлетворить его просьбу.

По рекомендации Маслобоева заведующим орготделом был назначен С.Г. Мугтабаров. Ему совместно с секретарями райкома М.Г. Галлямшиным и М.С. Хановым, было поручено подготовить отчётный доклад о деятельности бюро по руководству «перестройкой».

Не стану приводить содержание доклада на страницах повести. Скажу лишь, что доклад был написан в классическом доперестроечном стиле. По-прежнему перед партийными организациями ставились задачи по усилению партийного контроля за развитием всех отраслей сельскохозяйственного производства и вывод его на интенсивный путь развития. При этом красной нитью через весь доклад проходила мысль о том, что возможности социалистического способа производства поистине неисчерпаемы. Не хочу обвинять в чём-либо составителей доклада: видимо, они так понимали сущность и идею «перестройки». А от них требовалось поставить совершенно иные задачи – последовательное расшатывание партийных структур вплоть до их полной ликвидации и пе-

редача народнохозяйственного комплекса в частную собственность (дальнейшие события подтвердили это).

Я внимательно ознакомился с содержанием доклада и ничего не стал менять. До начала работы пленума оставалось несколько дней. Они тянулись мучительно долго. Наконец наступил тот памятный день 27 декабря 1987 года. Время многое стёрло в моей памяти. Расскажу лишь о том, что сохранилось и до сих пор будоражит душу.

Перед началом открытия пленума я обошёл всех руководителей хозяйств и секретарей партийных организаций. Я знал, что работаю последний день и уже никогда их не увижу. Хотелось попрощаться с каждым. Среди них было много тех, кому не безразлична была моя судьба: многие из них знали, что я подал заявление и буду просить пленум освободить меня от обязанностей первого секретаря. Много рук протянулось ко мне с крепким товарищеским рукопожатием. Другие, прощаясь, скрывали под своей улыбкой что-то колючее и недоброжелательное. «Посмотрим ещё, как оно будет», – казалось, говорил их взгляд. Таких было, к счастью, немного.

Прозвенел звонок, представитель обкома А.П. Локотченко, я и члены бюро вошли в зал заседаний и заняли места за столом президиума. Начал работу последний в моей жизни партийный пленум. Я прочёл доклад, подготовленный работниками райкома. Первым, кто пожелал выступить в прениях по обсуждению доклада, был А.П. Локотченко.

Участникам пленума было интересно послушать человека с «новым мышлением». Он подверг резкой критике содержание доклада. Со знанием дела заявил, что в докладе нет и намёка на «перестройку» в деятельности бюро райкома партии. В заключение своей речи он предложил участникам пленума оценить деятельность бюро по руководству перестройкой неудовлетворительной.

Справедливости ради надо признать, что в известной мере Локотченко был прав. Действительно, бюро райкома партии и секретари партийных организаций на местах не проводили никакой работы по ослаблению партийного кон-

троля за деятельностью хозяйствующих органов и исполнительных комитетов (исполкома райсовета, исполкомов сельских советов). Никто из секретарей даже не помышлял об организации работы по последовательному расштатыванию партийных структур. Никому из них даже в голову не приходила мысль о передаче народнохозяйственного комплекса в частную собственность. Поэтому горячий призыв представителя обкома признать работу бюро неудовлетворительной не нашёл поддержки у большинства участников пленума. Зал угрюмо молчал. После недолгой паузы появились желающие выступить. Особенно ярким и эмоциональным запомнилось мне выступление секретаря партийной организации, главного бухгалтера строительной передвижной межхозяйственной колонны Фании Гаяновны Арслановой.

К сожалению, у меня нет её фотографии того времени, поэтому предлагаю вашему вниманию снимок более позднего периода, которую мне прислали её дети: сын Марат и дочь Зухра.

Арсланова Фания Гаяновна

Это была скромная, деловая, образованная, энергичная женщина. В коллективе межхозяйственной передвижной механизированной колонны пользовалась всеобщим уважением и заслуженным авторитетом. Долгие годы была председателем женсовета. К её мнению прислушивались и мужчины, и женщины. Светлая память о ней навсегда останется в сердцах тех, кто её знал.

Обратившись в зал, она сказала:

– Только за последние три года в районе сданы в эксплуатацию несколько школ, завершается строительство дороги Явгильдино – Аскино, строится поли-

клиника, сдан в эксплуатацию газопровод. Тепло от Уренгойского газа поступило в школу №2 и в посёлок рабочих ремонтно-технического предприятия. Району за успехи в строительстве школ и дошкольных учреждений недавно было присуждено переходящее Красное знамя министерства просвещения СССР. Работает асфальтовый завод, начато асфальтирование улиц и тротуаров. Сметная стоимость начатых и переходящих объектов только по нашей межхозяйственной передвижной механизированной колонне превышает три миллиона рублей. Вспомните, товарищи, было ли это раньше в Аскино? Я предлагаю работу партийного бюро признать удовлетворительной, – сказала она.

Последующие выступающие соглашались с её мнением и поддерживали предложенную ей оценку. Но такая оценка деятельности бюро Локотченко явно не устраивала. У него была другая задача, он был обескуражен. Его предложение признать работу бюро неудовлетворительной теперь казалось предвзятым и необъективным.

Однако Локотченко был опытным работником и не мог позволить себе на первом же пленуме провалить ответственное задание руководства. Он взял себя в руки и предложил сделать в работе пленума перерыв на 1 час. Его предложение было принято. Во время перерыва в кабинет К.М. Махмутьянова были приглашены «нужные» люди. Состоялся совет. С ними были проведены консультации и разъяснительная работа.

Перерыв закончился, прозвенел звонок. Пленум продолжил работу. Обсуждение отчётного доклада пошло по нужному руслу. Чувствовалась опытная рука дирижёра. Не стану приводить речи выступающих и их фамилии, я думаю, участники пленума о них помнят. Приложу лишь вырезку из республиканской газеты «Кызыл тан» с речью одного из выступающих, директора ремонтно-технического предприятия В.А. Кавардакова.

По итогам последующих выступлений пленум признал деятельность партийного бюро Аскинского райкома КПСС по руководству перестройкой неудов-

влетворительной. Этот новогодний «подарок» я ношу в душе до сих пор; наверное, члены бюро – тоже.

30 декабря 1987 года республиканская газета «Кызыл тан» (Красное знамя) на двух языках – русском и татарском – опубликовала итоги прошедшего в Аскинском райкоме партии пленума. С таким же сообщением на башкирском языке вышла и республиканская газета «Совет Башкортостаны», а на русском – «Советская Башкирия». Всем, кто не желал обеспечить горбачёвскую «перестройку» был дан поучительный урок. Через два дня я сдал партийные дела сменившему меня В.А. Кавардакову и уехал с семьёй в Ростовскую область, в край, где я родился, где прошли моё детство и юность. В аэропорту я купил на память о своей работе в Аскинском райкоме газету «Кызыл Тан», вырезку из которой я вам предлагаю.

Так закончился мой путь в Башкирской АССР длиной в двадцать лет. Впереди уже просматривались лихие девяностые годы, а с ними и новый виток в моей жизни.

Лихие девяностые

Начиналась жестокая, хорошо продуманная информационно-идеологическая война, именуемая перестройкой, конечной целью которой была смена политической системы и развал СССР.

Вырезка из газеты «Правда №27 (29657)» 18-21 марта 2011 год.

Никто тогда и не предполагал, что государство можно уничтожить, не объявляя ему войны и не проводя традиционных военных операций. Наша Родина готова была сокрушить любого агрессора, но к информационной и идеологической войне была совершенно не готова.

Дальнейшее развитие мыслей в этом направлении не входит в тему моего повествования. А сейчас я хочу рассказать Вам, мой читатель, о последнем дне моего пребывания в Аскино.

3.10. ПОСЛЕДНИЙ РЕЙС

Начну этот рассказ с того незабываемого зимнего утра, когда я с женой и детьми прибыл в Аскинский аэропорт, чтобы улететь в Уфу. До прибытия самолёта Свердловск – Аскино – Уфа оставалось не более 30 минут. Начальник аэропорта Михаил Николаевич Чертыков сказал мне, что самолёт уже прошёл ближайший привод и через несколько минут совершит посадку. Я сидел в его маленьком кабинете и слышал переговоры с пилотами. Их очень настораживала низкая облачность. Было холодно, дул резкий, пронизывающий ветер. Из тёмных туч начал падать густой снег, а вдоль взлётно-посадочной полосы вилась позёмка.

Через несколько минут облака опустились ещё ниже, серая пелена окутала аэропорт и взлётно-посадочную полосу. Исчезли из виду ориентиры. Внезапно над лётным полем где-то вверху послышался характерный гул мотора. Вскоре из низко висящих тёмных туч, у самого края взлётно-посадочной полосы вынырнул самолёт. И, не совершив посадку, ушёл на второй круг. Второй заход на посадку оказался более удачным. Самолёт как будто скатился с невидимой горы и через несколько минут, подняв облако снежной пыли, подкатил на стальных лыжах к зданию аэропорта. Прилетевших пассажиров было много. Это были юноши и девушки, студенты различных вузов и техникумов. Они прилетели

к родителям на празднование Нового года, были веселы, шутили, смеялись, здоровались с встречающимися.

Увидев среди улетающих пассажиров мою жену, Галину Фёдоровну, многие из её бывших учеников подходили со словами поздравлений, желали здоровья, счастья, успехов в работе. Они не знали, что сегодня их классный руководитель улетаёт из Аскино навсегда.

– Как добралась, дочка? – участливо спросил миловидную девушку пожилой пассажир, улетающий вместе с нами в Уфу.

– Просто какой-то кошмар. Минем баш айлана дау ати⁵⁶, – смутившись, добавила она по-татарски.

– Увидимся ли ещё, Анатолий Петрович? – волнуясь, спросил Михаил Николаевич.

– Не знаю, вряд ли.

– Куда же вы теперь?

– Домой, Михаил Николаевич, в Ростовскую область.

– Жаль, Анатолий Петрович, что всё так случилось на пленуме. Ну что ж, прощайте, – и протянул мне руку.

– Прощайте, – сказал я, порывисто обнимая боевого лётчика. Не поминайте лихом, Михаил Николаевич.

Погода грозила окончательно испортиться. Молодой пилот торопил пассажиров. Вскоре все быстро вошли в самолёт и шумно расселись. Пилот убрал трап, с грохотом наглухо закрыл дверь. Раздал непромокаемые тёмные гигиенические пакеты. Бодрым голосом пожелал приятного полёта, попросил всех пристегнуть ремни и, убедившись, что его просьба исполнена, скрылся за дверью пилотской кабины. Самолёт, вздымая облако снежной пыли, неуклюже заскользил на взлётную полосу. Ещё миг – и мы уже в воздухе.

АН-2, резко заваливаясь на правое крыло, сделал крутой разворот. И вот уже далеко внизу я вижу здание аэропорта, метеостанцию, занесённую снегом

⁵⁶ Дедушка, у меня голова кружится (тат.).

дорогу, по которой мы приехали в аэропорт, а ещё – детей, растянувшихся в длинную цепочку. Их много, мальчиков и девочек: они машут руками, шапками, шарфами, как будто зовут свою учительницу и просят её не покидать их.

Но как ей остаться? Она уже в небе и улетает. А дети из её 9 «б» провожают глазами самолёт, уносящий её от них навсегда. Это был последний день, когда она видела своих воспитанников вместе и мысленно прощалась с каждым.

«Держитесь вместе, хорошо учитесь, не забывайте родную школу», – шептала она прощальные слова.

О чём кричали дети? Что они хотели сказать на прощанье своей учительнице, своему наставнику и классному руководителю, я не знаю. Наверное, что-то хорошее, доброе, воодушевляющее. Она сидела позади меня, смотрела в иллюминатор, и я видел, как по её щекам текли слёзы.

Надрывно гудел двигатель. Самолёт, содрогаясь от напряжения, словно из последних сил, с трудом пробивал низкую облачность. Нас кидало то вверх, то вниз и безжалостно трясло. Наконец АН-2 завершил манёвр и выровнялся. Внизу, в долине реки Аскинка раскинулось село Аскино. Ещё хорошо видны дома, больница, госбанк, красавица-школа, где ещё недавно биологом работала моя жена и которую мы сдали 25 августа 1987 г.

На площади среди голубых елей виден райком партии. А рядом с ним – небольшой дом, где мы прожили пять долгих лет. Нет теперь у меня ни работы, ни дома, ни товарищей, на плечи которых я мог опереться в трудную минуту. Прощай, Аскино, прощайте, мои товарищи. Опять зима, опять у меня всё призрачно, тревожно и непонятно. Лишь мои детки Саша и Коля, сидящие рядом, поддерживают мои силы.

Самолет, наконец, пробил тяжёлые многослойные тучи. Ярko на голубом безоблачном небе засверкало солнце. Далеко внизу под крыльями самолёта, насколько хватало глаз простирались облака, сверху похожие на серые застывшие волны.

Детям вручён символический ключ от новой школы на 624 места.

Крайний слева Л.К. Игошев, крайний справа –М.Г. Галлямшин. Интересно, как сложилась судьба детей?

Просто не верилось, что где-то внизу под нами бушует ледяной ветер, идёт снег, метёт, заметая просторы, колючая позёмка. Самолёт уже не трясло, не кидало, как щепку. Он шёл ровно, спокойно обходя причудливые громады белых кучевых облаков. Словно айсберги плавали они в безбрежном море. Самолёт, поднявшись на высоту 3000 метров, вошёл в свой коридор и взял курс на Уфу.

Через несколько минут дверь пилотской кабины открылась, вышел второй пилот. Он, выполняя обязанности стюарда, поинтересовался состоянием здоровья пассажиров, предложил санитарно-гигиенические пакеты, но в них уже никто не нуждался. Полёт проходил комфортно. Увидев среди пассажиров двоих детей, сидевших в одном кресле, весело спросил младшего: «Лётчиком хочешь стать?». Получив утвердительный ответ, взял с разрешения матери одного из них и увёл с собой в кабину пилотов. Этим ребёнком был мой младший сын Коля.

Гудит убаюкивающе мотор самолёта. Кажется, я засыпаю. Душу постепенно заполняет накопившаяся усталость и тяжёлым камнем давит сердце мысль о человеческом предательстве коммунистических идеалов и принципов.

Через 50 минут самолёт пошёл на снижение и совершил посадку в Уфимском аэропорту. Это был один из последних рейсов из городов Пермь и Свердловск. В 1988 году Аскинский аэропорт надолго, а может быть, навсегда закрылся. Наверное, многие скажут: «Подобное произошло по всей стране». Не спорю – вы, безусловно, правы.

В связи с нахлынувшими воспоминаниями о моём отъезде из Аскино хочу рассказать о письме, которое в конце 1988 года получила моя жена Галина Фёдоровна от своих бывших учениц Марины Чураковой и Рушании Закировой. Они учились в Бирском медицинском училище. Уединившись, она вновь и вновь перечитывала послание. Смотрела на их фотографии и радовалась успехам своих учениц (она была их классным руководителем пять лет). Девушки сообщали, что почти каждый ученик из её класса продолжает учёбу в институте, техникуме, военном училище. «Мы уже более 70 писем получили от своих одноклассников из разных городов, будем переписываться и мечтаем встретиться в родной школе», – писали они. С разрешения Галины Фёдоровны я прилагаю копию одного листа этого письма и фотографию девушек.

Слева – направо: Марина, Рушания

Привет из бирки!
 Здравствуйте, дорогая Галина
 Федоровна!
 У Вас как дела? Как здоровье
 Лолы? У нас уже наступила
 зима, столько снега уже на-
 мело, у нас. Передайте привет
 Александру, Николаю. Галина
 Федоровна мы никогда Вас
 не забываем и не забудем, мы
 ведь тогда бежали к ате-
 поличу, нас с урками отпусти-
 ли, но только не успели, по-
 бежали и само собой все впе-
 тел. Галина Федоровна боль-
 шое спасибо Вам от всех
 от нас, что вы все так вас
 любите, как и маме сил
и здоровье!

Прошу Вас, мой читатель, обратить внимание, что письмо девушек написа-
 но без единой ошибки. Я думаю, комментарии здесь излишни. Это лишь ещё
 одно подтверждение прилежности девушек в учёбе и беззаветной преданности
 своему делу педагогов лучшей в мире Советской школы.

Сбылись мечты выпускников школы №2. Летом 2010 года в любимой шко-
 ле встретились те, кто окончил её 20 лет назад. В торжествах по случаю встречи
 их со своими педагогами приняли участие ставшие уже взрослыми мои сыновья
 Александр и Николай.

Мы снова вместе.

Второй слева, нижний ряд – первый директор школы Флорит Валеевич Карамов

Встреча с одноклассниками.

Слева – направо: И. Фаузиев, А. Пономарев, А. Сарваров, Д. Облицов

27 августа 2011 года в газете «Аскинская новь» была опубликована статья «После хлеба самое важное для народа – школа» по случаю 25-летнего юбилея со дня открытия Аскинской средней школы №2.

25 лет назад она распахнула свои двери для школьников райцентра. Для человека это совсем юный возраст: время юности, вступление во взрослую жизнь. Другое дело – четверть века для школы. За это время путевку в жизнь получило более тысячи учащихся. В школьном музее хранятся черно-белые фотографии. На них запечатлены фрагменты торжественной линейки 1 сентября 1986 года. Они теперь – наша история. На одном снимке, например, видим вручение символического ключа от новой школы, на другом – бригаду строителей вместе с группой учащихся. Об этом событии в районной газете был опубликован репортаж Р.М.Исламовой «Здравствуй, новая школа!». Строительство новой школы продолжалось много лет.

Вырезка из газеты «Аскинская новь»

Момент торжественного открытия школы

Коллектив учителей в 1987 г.

Нижний ряд третий слева – Ф.В. Карамов – директор школы

Строители на церемонии открытия школы

ЭПИЛОГ

Вот и дописана последняя страница моих воспоминаний. Я работал над ними на своей родине – земле Тихого Дона, где живу уже четверть века. Воскресшая в моей памяти череда картин и образов, связанных с моей беспокойной жизнью в Башкирии, помогли мне не только побывать в прошлом, но и понять главное в себе: я не изменил своей молодости, своим идеалам и принципам. Я по-прежнему верен своим друзьям: живым и ушедшим. Я считаю себя членом Коммунистической партии Советского Союза, мой партийный билет и учётная карточка по-прежнему со мной.

Выросли и стали совсем взрослыми мои сыновья. Все они окончили школу с золотыми и серебряными медалями, получили высшее образование и работают в различных отраслях экономики. В них, беспокойных, азартных, увлечённых своим делом я узнаю себя. Однажды мой младший сын Николай сказал мне: «Напиши, отец, о том, что так часто рассказывал нам – о своей партийной работе, о жизни, в которой не было места зависти, карьеризму, предательству. Напиши об этом для внуков. Пусть знают, какой она была, твоя молодая беспокойная жизнь». Вот так родилась эта книга. Я писал её, поверьте, в первую очередь для себя и своего поколения. Писал потому, что хотел воскресить время, которое считаю необыкновенно важным для моей страны и людей, забывать о которых мы не имеем права.

Но живёт в душе моей тайная надежда, что книга эта может пригодиться молодым. Им будет, может быть, полезно и приятно вспомнить недавнюю историю своего края, увидеть имена близких им людей, стать на мгновение сопричастными к тому великому чувству, которое называется любовь к Родине.

Искренне благодарен Каргиной Надежде Григорьевне, Сазоновой Ольге Дмитриевне, Будниковой Анне Сергеевне, Дорохиной Елене Александровне, Апанасовой Неле Леонидовне, Сайгафарову Амиру Закировичу, Аскарору Фауки Фатхиевичу, Халитову Фуату Салаватовичу. Они помогли мне написать эту книгу.

С уважением.

СОДЕРЖАНИЕ

	стр.
1. Тернистый путь	
1.1. Время детства и юности.....	8
1.2. Доверие.....	12
1.3. Тебе есть о чём размышлять!.....	33
1.4. Первый экзамен.....	43
1.5. Серпантинны Сибайского карьера.....	67
1.6. Ты наступил на хвост змее.....	73
2. В краю диких голубей	
2.1. Поговорили по душам.....	84
2.2. Конференция.....	87
2.3. Первое бюро.....	92
2.4. Мы летим в одном бомбардировщике.....	98
2.5. Прощальный салют.....	110
2.6. Жизнь продолжается.....	122
2.7. Вымой руки в холодной воде Жидебулака.....	141
2.8. Где же сани и лошади?.....	155
2.9. Первый «Подарок».....	166
2.10. Тебе ещё рано уходить на спокойную работу.....	171
3. Долгая дорога в Аскино	
3.1. Путь на север.....	180
3.2. Первые впечатления и знакомство с партийно-хозяйственным активом.....	187
3.3. Из любой ситуации есть выход.....	194
3.4. Визитная карточка района.....	214
3.5. Августовское совещание учителей.....	220
3.6. Воздушные ворота Аскино.....	225
3.7. Уренгойский газ на службе аскинцев.....	228
3.8. Это мой выбор.....	233
3.9. От обязанностей освободить.....	242
3.10. Последний рейс.....	250
Эпилог.....	259

А.П. Пономарёв
МОЯ БЕСПОКОЙНАЯ ЖИЗНЬ
Художественно-документальная повесть

Технический редактор

Н.Г. Каргина

Ответственный секретарь

А.С. Будникова

Корректор

О.Д. Сазонова

Консультанты

Ф.Ф. Аскаров,

А.З. Сайгафаров,

Ф.С. Халитов

В оформлении переплёта использованы иллюстрации художника Л.А. Евстигнеевой.

Объём 16 п.л. Тираж 100. Заказ ...

Тиражировано в издательстве “NB”

344002 Ростов-на-Дону-2, Соляной спуск, 7.

Тел.: (863) 22-70-111, Факс: (863) 22-70-033